

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ПРОГРАММ

Научно-общественный журнал

Издается с 1995 г.

(назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)

Выходит 4 раза в год

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

№3' 2010

Москва ♦ ИСПИ РАН
2010

Редакционный совет

Председатель редакционного совета:
доктор экономических наук **С.В.Рогачев**.

Члены редакционного совета:

академик НА Беларуси **Е.М.Бабосов**, доктор юридических наук, профессор **С.Н.Бабурин**, действительный член Российской академии социальных наук **А.А.Бессмертных**, кандидат социологических наук **Ю.Ф.Голиусов**, доктор политических наук **В.А.Жидких**, академик РАН **В.И.Жуков**, доктор социологических наук **В.В.Локосов** (*заместитель председателя редакционного совета*), доктор политических наук **П.Кулашик**, доктор социологических наук **А.Г.Кафаров**, кандидат философских наук, профессор **С.Н.Лебедев**, действительный член Российской академии социальных наук **Э.Лозанский**, кандидат социологических наук **В.А.Потехин**, доктор политических наук **Г.Ю.Семигин**, политолог **Ли Фэнлинь**, политолог **Ли Цзинцзе**.

Редакционная коллегия

Член-корреспондент РАН **В.Н.Иванов** (*главный редактор*), действительный член Российской Академии социальных наук **В.Г.Бояринов**, доктор политических наук **В.П.Воротников**, доктор социологических наук **Ю.А.Зубок**, доктор социологических наук **В.К.Левашов**, доктор политических наук **В.В.Мартыненко** (*заместитель главного редактора*), доктор экономических наук **У.Г.Николаева**, доктор философских наук **И.Б.Орлова**, доктор философских наук **И.В.Орлова**, доктор социологических наук **Г.И.Осадчая**, доктор экономических наук **С.В.Рязанцев**, доктор социологических наук **В.К.Сергеев** (*первый заместитель главного редактора*), кандидат философских наук **В.В.Суходеев** (*ответственный секретарь*).

Позиция редакции может не совпадать с точкой зрения автора.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Перевод – *Абдульханова С.Р.*
Компьютерные работы – *РИО ИСПИ РАН.*

Статьи публикуются в авторской редакции.
Корректурa авторов.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал статьи следует оформлять в соответствии со следующими правилами:

- объем рукописи не должен превышать:
 - для исследований – 16 страниц формата А4 (40 тыс. знаков),
 - для публикаций соискателей ученых степеней – 12 страниц (30 тыс. знаков),
 - для рецензий – 5 страниц (8 тыс. знаков);
- статьи должны быть напечатаны через 1,5 интервала кеглем 14 на одной стороне листа + дискета;
 - поля: верхнее – 3, нижнее – 2, левое – 3, правое – 2;
- все источники следует снабжать библиографическими ссылками;
- сноски даются постранично (кегель 12);
- рисунки, схемы и таблицы должны быть выполнены в **плоском черно-белом изображении со штриховкой** и снабжаться сквозной нумерацией;
- фотографии (лицо и верхняя часть туловища) желательно присылать черно-белые; при публикации они будут иметь размер 2,5 x 2,5 см.

К рукописи обязательно прилагаются:

- аннотация на русском и английском языках (резюме) не более 15 строк;
- список ключевых слов;
- пристрастный библиографический список.

Авторы публикаций на соискание ученых степеней предоставляют рекомендации кафедр и учебно-методических подразделений; для аспирантов необходима справка, подтверждающая обучение в аспирантуре; авторская справка: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также данные для связи с автором: полный домашний адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

По электронной почте статьи принимаются только по договоренности с редакцией.

Решение о публикации принимается в течение 30 дней со дня регистрации рукописи в редакции.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и других сведений.

Предоставляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в другом издании без согласия редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС

<i>Мартыненко В.В.</i> ПЕРЕНАСТРОЙКА ДЕНЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ И ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ В КОНТЕКСТЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА	5
--	---

ОБЩЕСТВО

<i>Левашов В.К., Шушпанова И.С., Афанасьев В.А., Новоженина О.П.</i> ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ: УСТОЙЧИВОСТЬ И ПОТЕНЦИАЛ По материалам XXXI и XXXII этапов мониторинга «Как живешь, Россия?»	21
--	----

<i>Рязанцев С.В.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ: УСПЕХИ И НЕУДАЧИ	50
---	----

ЭКОНОМИКА

<i>Беззубов С.</i> ЗАРОЖДЕНИЕ МАЛОГО БИЗНЕСА В РОССИИ	60
--	----

РЕГИОНЫ

<i>Дзусов И.И.</i> РЕЛИГИОЗНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ РЕСПУБЛИК	73
--	----

<i>Гокова К.В.</i> ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ РЕСПУБЛИК К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ	84
---	----

<i>Чурюмова Э.А.</i> ДИСБАЛАНС НА РЫНКЕ ТРУДА: СПРОС И ПРЕДЛОЖЕНИЕ По материалам Республики Калмыкия	93
--	----

КЛАССИЧЕСКАЯ И СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

<i>Орлова И.Б., Шумилина Т.И.</i> СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ: Э.ГИДДЕНС, Ю.ХАБЕРМАС, П.БУРДЬЕ	102
--	-----

<i>Карцев Е.А.</i> СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ФРАНЦИИ НА ТЕМУ ДИСКРИМИНАЦИИ	115
---	-----

ФИЛОСОФСКИЕ СТРАНИЦЫ

<i>Кормин Н.А.</i> ВЛ.СОЛОВЬЕВ И И.КАНТ: СИМВОЛИЗМ КАК ГРАНЬ ФИЛОСОФСКОЙ КРЕАТИВНОСТИ	129
--	-----

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Мартыненко С.В.</i> СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГРАММА ГЛОБАЛИЗАЦИИ Теория глобализации в контексте философии социального хеджирования	173
---	-----

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС

В.В.Мартыненко

ПЕРЕНАСТРОЙКА ДЕНЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ И ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ В КОНТЕКСТЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

МАРТЫНЕНКО Владимир Владимирович – доктор политических наук, профессор, заместитель директора ИСПИ РАН по научной работе.

Аннотация. В статье раскрываются причины неадекватности предпринимаемых мер по преодолению последствий мирового экономического кризиса; критически анализируются предложения по формированию системы наднационального регулирования финансовых рынков. Автор обосновывает необходимость переоценки смыслового содержания целей и методов государственного вмешательства, переосмысления условий социального развития, а также социально-политического значения денег и денежной эмиссии, изменения концептуальных подходов к характеристике понятия «денежная власть».

Ключевые слова: государственное регулирование, денежная политика, финансовые рынки, кредитные отношения, социальное развитие, мировой экономический кризис.

Одним из последствий мирового экономического кризиса можно считать очередной всплеск интеллектуальной и идеологической активности, направленной на обоснование необходимости реформирования основ мироустройства и формирования нового миропорядка, изменения сферы ответственности, роли и функций отдельных государств. Отдельное внимание при этом уделяется проблематике, касающейся изменения соотношения между национальными и наднациональными целями, принципами и механизмами регулирования финансовых и денежно-кредитных рынков. Согласно точке зрения ряда политиков и широко разрекламированных

экспертов, нынешний кризис обусловлен тем, что «международным рынкам необходимо международное же регулирование, но существующий его вариант основан на принципах национального суверенитета», а это приводит к появлению «финансового протекционизма». Поскольку они считают, что такая ситуация «угрожает подорвать и даже разрушить международные финансовые рынки», то, по их мнению, необходимо создание «никогда прежде не существовавшего» международного регулирования. Утверждается, что наличие указанного регулирования соответствует требованиям современного процесса глобализации [1].

В России эта точка зрения, хотя и в несколько модифицированном виде, также имеет широкий круг приверженцев и получила политическую поддержку на самом высоком уровне. Уже в первом Послании Президента РФ Д.А.Медведева Федеральному Собранию (5 ноября 2008 года) было недвусмысленно заявлено о важности «максимально быстрого формирования новых правил мировой финансовой архитектуры», о том, что «монополия в этой сфере оказалась не просто неадекватной реалиям современной глобальной экономики; она оказалась опасной для всех». В этой связи особо была отмечена необходимость «создать механизмы, блокирующие ошибочные, эгоистические, а подчас просто опасные решения некоторых членов мирового сообщества». При этом российскими экономистами и политиками главная вина за возникновение современного кризиса с самого начала была возложена на эгоистическую политику США, осуществлявших эмиссию долларов за счет неоправданного роста государственного долга.

Бесспорно, любая монополия, а монополия в денежно-кредитной сфере особенно, в долгосрочном плане оказывает пагубное влияние на процесс социального развития и создает предпосылки для возникновения глубоких социально-экономических и политических кризисов. Несомненно, и то, что США в течение длительного времени злоупотребляли правом и возможностями, предоставленными признанием доллара в качестве основного средства международных расчетов, особой ролью их национальной валюты в мировой финансовой системе, само здание которой, действительно, нуждается в глубокой реконструкции. Но при этом важно осознавать, что немалая доля ответственности за сложившуюся ситуацию лежит и на монетарных властях тех стран, которые в последние годы оказались главными кредиторами США. В их числе заметная роль принадлежит монетарным властям России. Однако этому факту российские политики и экономисты уделяют далеко недостаточное внимание.

Одна из причин такого отношения кроется в том, что Банк России в нашей стране не только получил монополию на денежную эмиссию, но уже многие годы претендует на безальтернативность предлагаемых им мер, непогрешимость своей позиции и взглядов по вопросам денежной эмиссии и проблемам регулирования банковской деятельности. Вместе с тем, если разобраться, то очевидным становится факт отсутствия у монетарных властей России адекватного понимания социально-обусловленных механизмов денежной эмиссии. Хотя Банк России позиционируется в качестве единственного эмиссионного центра и источника денег для российской экономики, на деле оказывается, что осуществляемая Банком Рос-

сии денежная эмиссия производится исключительно за счет приобретения им иностранной валюты (прежде всего, долларов США и евро). Когда российские монетарные власти и поддерживающие их экономисты с пафосом заявляли о росте валютных резервов, рассматривая указанный рост в качестве показателя устойчивости и стабильности российского рубля и российской экономики, они на самом деле пытались и пытаются замаскировать крайне неприятное для авторитета Центрального банка обстоятельство. Указанное обстоятельство заключается в том, что Банк России самостоятельно не осуществляет денежную эмиссию, а просто заменяет уже эмитированные доллары и евро на рубли, превращая их тем самым в некий суррогат иностранной валюты для внутреннего пользования. Помимо того, что данная ситуация свидетельствует о несостоятельности Банка России как эмиссионного центра, она не позволяет говорить о финансово-экономической независимости и безопасности России.

Конечно, определенный размер валютных резервов, имеющейся у любого центрального банка, можно рассматривать в качестве инструмента противодействия различным спекулятивным давлениям на курс национальной валюты и предотвращения негативных последствий возможной паники среди участников рынка при внезапных изменениях внешнеэкономической и внешнеполитической конъюнктуры. Вместе с тем центральными банками ведущих стран мира давно выработан куда более рациональный и эффективный механизм противодействия указанным негативным явлениям по сравнению с бездумным наращиванием валютных резервов. Речь идет о возможности кредитования центральными банками друг друга, которое, как правило, осуществляется в виде покупки-продажи национальной валюты (взамен на иностранную) на определенный срок с обязательством сторон по истечении указанного срока произвести обратную операцию по заранее фиксированному курсу. Наличие механизма взаимного кредитования свидетельствует о степени доверия между монетарными властями соответствующих стран и уровне равноправия в их отношениях. Между тем, многие российские политики и экономисты этот факт просто упускали из вида, когда (еще до современного кризиса) требовали договориться с ведущими странами мира о признании ими рубля в качестве резервной валюты, ссылаясь в качестве обоснования на «обеспеченность» рубля высоким объемом валютных резервов Банка России. Прежде чем выдвигать подобные предложения и требования им следовало бы обратить внимание на отсутствие признания монетарными властями ведущих стран мира Банка России в качестве равноправного партнера, а также на причины такого положения дел. Руководителей же самого Банка России сложившееся положение, похоже, полностью устраивало. Они не стремятся изменить его и сегодня.

Эмитируя рубли исключительно за счет покупки иностранной валюты (расширяя свои валютные резервы), Банк России при этом занимается ничем иным, как поддержанием той самой давно устаревшей «мировой финансовой архитектуры» и, в частности, обеспечением благоприятных условий для наращивания государственного долга США. В социальном плане получается, что все держатели рублей (а не только доллары) в той или иной степени оказываются кредиторами американского правитель-

ства. Причем, если сам Банк России получает за эту свою «эмиссионную» деятельность доход в виде процентов на размещенные им валютные резервы, то большинство российских предприятий и граждан вынуждены заниматься беспроцентным кредитованием иностранных государств, а точнее – кредитованием под отрицательный процент. Отрицательным этот процент оказывается по причине более высоких ставок, которые российские предприятия вынуждены платить по кредитам, получаемым ими от иностранных банков¹. Кроме того, эти предприятия переносят свои издержки, связанные с оплатой процентов по указанным кредитам, на российских потребителей своей продукции, что выступает в качестве дополнительного фактора инфляции в стране. Обращаться же к иностранным банкам, которые, как оказывается, помимо своего центрального банка кредитуются еще и Банком России, российские компании (причем в основном принадлежащие государству) во многом вынуждены по причине неадекватной денежно-кредитной политики Банка России и используемых им методов регулирования банковского сектора.

Материальную основу для фактически беспроцентного кредитования Россией США и других западных стран составляет, конечно, экспорт российских энергоносителей. В этой связи российскими экономистами и политиками была выдвинута идея перехода на оплату российского экспорта рублями. Но при этом опять же не учитывается тот факт, что такой переход не может привести к каким-либо положительным переменам, если сохранится нынешний принцип денежной эмиссии Банка России, т.е. если эмиссия рублей по-прежнему будет осуществляться исключительно за счет покупки Банком России иностранной валюты. В этом случае может произойти лишь смена основных контрагентов Банка России по приобретению им иностранной валюты: место российских экспортеров (при посредничестве коммерческих банков) займут иностранные импортеры. Во всех остальных аспектах ситуация окажется прежней. Для того чтобы рубль получил признание в качестве международного (пусть даже регионального) расчетного средства, он должен перестать выступать в роли суррогата доллара и евро; доверие к российской банковской системе должно быть повышено на качественно новый уровень посредством изменения принципов денежной эмиссии и используемых Банком России методов регулирования коммерческих банков.

Сохранение нынешней денежно-кредитной политики Банка России способствует формированию структуры российской экономики исключительно в соответствии с запросами и интересами ведущих стран мира, одновременно тормозя углубление интеграционных процессов внутри России и создавая дополнительные трудности для социального развития страны.

¹ За несколько лет до кризиса размеры валютных резервов Банка России и фондов правительства превысили отметку в 500 млрд долл. Примерно такую же величину составили иностранные долги российского государства и компаний с государственным участием. Если учитывать, что разница в процентах, которые российской стороной уплачивается по своим долгам и которые правительство и Банк России получают по размещенным валютным резервам, равняется порядка 10%, то оказывается, что Россия не менее 50 млрд долл. ежегодно тратила на субсидирование ведущих иностранных государств.

Но самым тревожным фактом является практически полное непонимание на всех уровнях власти, что такая политика существенно увеличивает риск глубокого социального распада, причем независимо от проблем, вызванных мировым экономическим кризисом.

Звучащие сегодня предложения и рекомендации о создании международного регулирования финансовых рынков при всей видимой своей логичности также поднимают больше вопросов, чем предоставляют ответы на стоящие как перед Россией, так и мировым сообществом вопросы. По-прежнему крайне расплывчато определяются цели и средства международного регулирования, не говоря уже о проблеме контроля самих «регуляторов»¹. Давно известно, что бездумное применение определенных направлений и методов регулирования и злоупотребления со стороны регулирующих органов способны вызвать разбалансированность финансовой системы и привести к глубокому кризису. Отмечу также, что в настоящее время некорректно говорить о полном отсутствии международного регулирования финансовых рынков. В ведущих странах мира в течение последних 30 лет деятельность участников рынка подвергалась все более жесткому регламентированию с учетом предложений международных организаций. Нынешний кризис возник после принятия странами МВФ в качестве законодательных норм рекомендаций Базельского комитета по банковскому надзору. Подразумевалось, что эта мера, приведшая к ужесточению нормативов деятельности банков и финансовых институтов, направленная на повышение транспарентности и унификацию методов их регулирования в различных странах, обеспечит снижение рисков и повышение надежности функционирования банковских систем и финансовых рынков. Похожие надежды возлагались, в том числе высокопоставленными чиновниками Банка России, на повсеместное внедрение международных стандартов финансовой отчетности. Однако на практике результат получился совсем иным.

На протяжении всей истории цивилизации ни один из регулярно возникавших финансовых и экономических кризисов не обходился без того, чтобы в качестве средства исправления и предотвращения кризисных явле-

¹ Кроме того, следует отметить, что в суждения различных экономистов по-прежнему наблюдаются две попеременно чередующихся версии относительно значения и роли фондовой биржи и финансового рынка в целом. Согласно одной версии, фондовый рынок превозносится как основной инструмент, обеспечивающий процесс экономического развития, а показатели его функционирования, включая данные о стоимости обращающихся финансовых активов и размерах капитализации тех или иных компаний, рассматриваются как наиболее объективные и адекватные характеристики экономического положения и деятельности акционерных компаний и банков. Другая версия, напротив, исключительно критически оценивает финансовый рынок, рассматривая его как виртуальную торговлю «воздушными» финансовыми активами, как финансовое казино, участники которого далеко оторвались от проблем и интересов реальной экономики, потребностей производителей и потребителей товаров и услуг. Между тем, если разобраться, то сторонники каждой из этих версий, выдвигая свои аргументы, зачастую просто забывают о причинах возникновения и базовых условиях, необходимых для функционирования финансового рынка и фондовой биржи. Если разобраться в этих вопросах, то не возникнет оснований ни для чрезмерных (и, как правило, неоправданных) надежд и ожиданий, ни для огульной критики и отрицания необходимости существования финансового рынка и биржевой торговли как таковых.

ний не обосновывалась бы необходимость усиления государственного вмешательства и регулирования. За подобными «обоснованиями» часто скрывалось стремление представителей властных структур обеспечить для наиболее близких к ним финансовых компаний и банков монопольные позиции на рынке. В этой связи замечу, что непредвзятый анализ рекомендаций вышеупомянутого Базельского комитета позволяет заключить, что их разработка была отчасти обусловлена интересами ведущих государств и транснациональных банков по установлению контроля над движением денежно-кредитных потоков в мире и направления их в нужное для себя русло. Кроме того, эти рекомендации, которые были трансформированы в нормативы регулирования банковской деятельности, явно стимулируют коммерческие банки вкладывать средства в государственные ценные бумаги, что не способствует повышению ответственности государств, прежде всего ведущих стран мира, за неоправданное увеличение размеров государственного долга.

Как свидетельствует исторический опыт, когда государственная власть, несмотря, а точнее – благодаря возлагаемым на государство необоснованным надеждам, выполняет свои обязанности и функции крайне неэффективно, не заботясь о жестком соблюдении требований увязки размеров налогообложения с решением проблемы рационального использования властью средств налогоплательщиков, неразумно рассматривать государство как надежного и ответственного заемщика. По существу, «надежность» государственных ценных бумаг в основном базируется лишь на наличии у государственной власти возможности насильственного изъятия средств с «подшефных» налогоплательщиков, в число которых входят и кредиторы правительства (держатели государственных ценных бумаг). В результате государственная власть сначала погашает свои обязательства перед одними налогоплательщиками за счет других, формируя финансовые пирамиды, предназначенные для последующего разрушения, либо увеличивая налоговое бремя. Заканчивается и тот, и другой способ «честного изъятия денег у населения» тем, что, оказывая крайне негативное воздействие на процесс социально-экономического развития, становится одной из главных причин возникновения крупномасштабных финансовых и экономических кризисов. Правда, вина за появление этих кризисов всегда перекладывалась представителями власти на своих нерасчетливых кредиторов. Ранее в такой роли выступали многие ростовщики, затем – участники финансовых рынков и банки. Именно на них власти старались канализировать весь гнев народа. Именно они первыми несли ответственность за то, что государственная власть оказывалась необязательным и неплатежеспособным заемщиком. При этом со стороны представителей государственной власти (и обслуживающих их «ученых») каждый раз в качестве средства исправления кризисной ситуации обосновывалась необходимость дальнейшего усиления государственного вмешательства и ужесточения государственного регулирования. На практике за подобными «обоснованиями» часто скрывалось и камуфлируется стремление властных структур обеспечить для наиболее близких к ним финансовых компаний и банков монопольные позиции на рынке, что, естественно, влечет за собой углубление кризиса и/или затруднение и замедление процесса выхода из него.

В России подобные ситуации возникали неоднократно, если не сказать, что они приобрели почти перманентный характер. Не случайно, несмотря на различные заверения представителей правительства, на деле государственная власть в России практически не проявляет реальной заинтересованности в обеспечении гарантии прав кредиторов и реализации принципа равных прав при равной ответственности, без чего невозможно рассчитывать на полноценное социально-экономическое развитие и эффективное функционирование рыночных институтов. Кризис 1998 г., который был инициирован отказом правительства платить по своим долгам (ГКО), являлся одним из наиболее наглядных проявлений такого подхода. И современный мировой финансовый кризис, как и его специфические проявления в России, также не является исключением из правил.

В данном случае отмечу существование высокой вероятности того, что под видом рассуждений о необходимости формирования новой системы международного регулирования отдельные государства или неформальные властные структуры, функционирующие в тени государственных образований, могут преследовать собственные эгоистические цели. Проблема имеет более глубокие корни. По существу, речь идет о кризисе понимания и рационального объяснения сущностных характеристик таких социальных институтов как государство и деньги, базовых подходов к обеспечению денежной эмиссии, условий функционирования финансовых рынков, целей и принципов государственного регулирования и государственного вмешательства в социально-экономическую жизнь. Указанный кризис напрямую связан с тем обстоятельством, что до сих пор оказываются не распознанными социальные основы права, не были определены принципы формирования правовых отношений, отвечающих потребностям социального развития, а не интересам сохранения социальных привилегий тех, кто получил власть устанавливать правовые нормы в обществе. Данный факт проявляется в отсутствии ясных и надежных критериев для оценки социальной целесообразности той или иной деятельности властных структур и выполняемых ими функций, а следовательно, и индикаторов, которые могли бы вовремя указать на трансформацию политики государства из социально необходимой в социально ущербную. Такое положение неизбежно отрицательно сказывается и на условиях поддержания процессов социально-экономического развития, усиливает риск социально-политического распада и приводит к нежизнеспособности государственной власти.

Не случайно можно было наблюдать явную растерянность представителей политической власти, возникшую в связи началом и последствиями мирового экономического кризиса. Характер принимавшихся государствами мер по преодолению кризиса, помимо всего прочего, наглядно продемонстрировал тот факт, что все ведущие страны мира по-прежнему сталкиваются с явным дефицитом глубоких теоретических разработок и рекомендаций, предлагаемых со стороны науки, которые могли бы быть использованы для принятия адекватных политических решений. По существу, от кризиса к кризису предлагаются одни и те же варианты из сменяющих друг друга двух наборов социально-политических мер (либерально-рыночных и дирижистских) с выдвиганием одних и тех же аргументов в защиту или опровержение каждого из них. При этом фундаментальные недостат-

ки, не позволяющие рассчитывать на получение серьезных положительных результатов от применения указанных мер, до сих пор в полной мере остаются не выявленными. Соответственно, и неоднократно высказывавшиеся призывы к сочетанию рыночных механизмов в экономике и политике (т.е. демократических процедур) с инструментами государственного регулирования социально-экономических процессов оказываются малопродуктивными.

С нашей точки зрения, мы не подойдем к решению всего комплекса вопросов, связанных с современным этапом глобализации и кризисом функционирования финансовых рынков, если не подвергнем критическому осмыслению существующие теоретические воззрения на такие понятия, как государство и право, принципы государственного регулирования и денежной эмиссии, условия социального развития. Имеется в виду не формулирование новых конструкций «идеального» государства или наднационального регулятора, а переоценка естественных социальных основ права и власти, которые постоянно проявляют себя на практике, но до сих пор должным образом не отрефлексированы. Речь идет о раскрытии социальных механизмов возникновения и изменения права, которые не ограничиваются темой положительного права или права, закрепленного государственными законами. Вопрос стоит о проблеме формирования и поддержания таких правовых отношений, которые отвечали бы задаче страхования условий, необходимых для дальнейшего социального развития, а не интересам сохранения привилегией тех, кто получил власть устанавливать правовые нормы в обществе. В частности, функциональную значимость органов государственной власти и межгосударственных образований предлагается оценивать с точки зрения формирования ими многоуровневой структуры страхования условий, обеспечивающих поступательное социально-экономическое развитие. Показатели и результаты указанного развития необходимо рассматривать не просто на основе данных об объемах производства или уровня ВВП, а с учетом и в контексте создания предпосылок для наиболее рационального использования человеческого потенциала.

Поддающийся научному описанию естественный закон социального развития заключается в реализации процесса раскрытия эмпирически неопределенной величины разнообразных физических, интеллектуальных и умственных возможностей, заложенных в человеке (как интегральном понятии, включающем способности различных индивидов). Причем для осознания действия указанного закона недостаточно указать на то, что раскрытие человеческих способностей оказывается возможным только при наличии и посредством взаимодействия людей в обществе, при расширении и углублении разделения труда между ними. За этой эмпирически познаваемой реальностью, которая в ходе человеческой истории все более отчетливо себя проявляет, требуется еще распознать дополнительную причину и базовое условие социального развития. Эта причина заключается в том, что одни люди, обладая более высокими способностями и реализуя их на практике, по собственной инициативе стали делиться результатами своей деятельности (включая знания и опыт) с другими, удовлетворяя их потребности. Взамен они могли получать лишь обязательства в

виде признания их прав как кредиторов общества. Понятие «кредитор», таким образом, не ограничивается узко экономической интерпретацией данного термина, а наделяется социальным содержанием. Речь идет о понимании того, что человеческое развитие невозможно без готовности одних членов общества вносить больший вклад в создание материальных и духовных благ, чем они получают или могут получить в тот или иной конкретный период от других его членов. Из этого понимания вытекает вполне естественная норма социальной жизни, которая состоит в том, что только за тем человеком может признаваться право требовать удовлетворения своих потребностей за счет других людей, кто принимает на себя в ответ соответствующие обязательства или предварительно обеспечивает результатами своей деятельности удовлетворение чужих потребностей.

Соответственно, и естественную основу государственной власти и права невозможно в должной мере понять, если не рассматривать ее в контексте необходимо возникающих в человеческом обществе кредитных отношений между людьми. Социальная поддержка кредиторов обеспечивается признанием их заслуг и/или вклада в существование и развитие общества посредством наделения их определенными правами. Основные формы фиксации прав кредитов общества и связаны с появлением и функционированием таких социальных институтов как государство и деньги, которые можно рассматривать в качестве производных естественным образом возникающих в обществе кредитных отношений между людьми.

Логично предположить, что исторически один из первых механизмов фиксации прав кредиторов связан с возникновением института вождей племен, старейшин и жрецов, которые вносили больший по сравнению с другими людьми вклад в жизнеобеспечение и существование племени или рода. Естественное признание прав этих людей на лидерство и руководство происходило путем наделения их определенными атрибутами и символами власти. Такое признание одновременно означало добровольное принятие на себя другими членами рода (племенем) соответствующих обязательств (как должников перед кредиторами) по отношению к вождям и старейшинам.

Данное положение отчасти признавали авторы различных философско-политических концепций, однако вывод о том, что естественная основа власти определяется кредитной природой, т.е. естественным (хотя и не всегда осознанным) признанием со стороны подвластных членов общества прав властвующих в качестве кредиторов, так и не был сделан. Между тем наличие соответствия между объемами прав и обязанностей, признаваемых естественным путем, может быть принято за основу при определении давно обсуждаемой проблемы обеспечения социальной справедливости.

Главная социально-политическая проблема заключается в том, что величина естественных прав не может оставаться постоянной. Появление естественного права у кредиторов, в частности, в виде признания их права на власть, не может само по себе сохраняться в одних и тех же объемах неограниченное время. Это право ограничено периодом, в течение которого результаты деятельности кредиторов способствуют социальному развитию и реализации человеческого потенциала (включая потенциал той или иной формы организации социума). Величина указанного по-

тенциала определяется предельно возможным уровнем разделения труда и развитием способностей людей при данной форме организации своего общежития и поддерживаемой системе установленных в государстве (но уже не естественных) прав и обязанностей. Несоответствие между положительными законами и естественно признаваемыми правами и обязанностями на практике проявляется в распространении представлений о том, что сложившаяся в государстве и обществе система прав и обязанностей несправедлива.

Такое несоответствие возникает потому, что бывшие кредиторы достаточно часто стремятся сохранить за собой права, которые уже не пользуются признанием у других членов общества (бывших должников). Если подобное стремление реализуется (например, благодаря образованию монополий и насильственному ограничению конкуренции), бывшие кредиторы могут превратиться в неплатежеспособных должников общества. В результате происходит деформация соответствия между естественными правами и обязанностями членов общества и социальных групп, принимающая формы насилия, грабежа, социально-политических конфликтов и распадов социальных и политических образований. Тем самым кредитная природа социального права на власть постоянно дает о себе знать.

Страхование условий социально-экономического развития как базовой функции государства включает в себя формирование законодательной базы, защищающей и обеспечивающей права действительных кредиторов общества. Понятие «социально-экономическое развитие» наполняется смысловым содержанием, если отражает приращение и увеличение многообразия социальных связей, а также поиск, нахождение и воспроизводство адекватной системы социальных прав и обязанностей, стимулирующей дальнейшее раскрытие разнообразных способностей человека в обществе. Адекватной эта система оказывается тогда и до тех пор, пока она способствует естественному расширению кредитных отношений в обществе. Только в этом случае обеспечиваются условия для раскрытия возможностей индивидов, что проявляется в расширении свободы их творчества, углублении разделения труда и одновременно в укреплении социальной интеграции, уровня социальной взаимозависимости и социального партнерства.

Страхование условий социально-экономического развития предполагает также поддержание фундаментальных научных исследований, формирование организационных, материально-технических и иных условий, способствующих полноценной жизнедеятельности граждан. Речь идет о мерах, направленных на снижение риска возникновения и минимизацию последствий природных и техногенных катастроф, эпидемий и пандемий и т.п. При этом особенность адекватного выполнения государством страховой функции (по сравнению с любыми другими страховыми компаниями) заключается в том, что государственная власть должна уделять основное внимание не образованию страховых фондов в денежной форме, а созданию соответствующих материальных резервов и развитию объектов социальной и экономической инфраструктуры.

В ситуации усиления процессов глобализации серьезной проблемой, нерешенность которой чревата крайне негативными последствиями, яв-

ляется обеспечение страхования на случай глубоких структурных изменений и спадов экономической активности. В этой связи необходимо понимание важности формирования на межгосударственном уровне действенного страхового механизма, позволяющего не только сглаживать негативные последствия, связанные с поражением тех или иных участников в конкурентной борьбе, но и препятствовать формированию монополий, поддерживать конкурентные принципы хозяйствования. С нашей точки зрения, нерациональна и ущербна позиция радикальных либералов, согласно которой опора на внешнюю помощь всегда деструктивна, поскольку якобы она является компенсацией за неудачу и легко превращается в поощрение безответственности. В контексте правовых отношений, основанных на развитии кредитных отношений, такая помощь идет на пользу социальному развитию общества, поддерживая условия для раскрытия новых сторон и возможностей самореализации индивидов, включая шанс нахождения таких направлений творчества, которые просто невозможно заранее предугадать.

Теоретически оплату членами общества налогов и сборов можно сравнить со своего рода покупкой ими обязательного социального страхового полиса. Поэтому при неправомерном покушении на их собственность, при утрате трудоспособности и имущества в связи со стихийными бедствиями, несчастными случаями и т.д. они вправе рассчитывать на помощь со стороны государства. При этом для стабильного поступательного развития требуется сочетание индивидуальной ответственности и энергии с наличием социальной поддержки и взаимопомощи (как формы кредитных отношений), что не позволяет одним членам общества злоупотреблять своими преимуществами (включая и преимущества в конкурентной борьбе), а другим – злоупотреблять различными формами помощи со стороны социальных институтов.

Вместе с тем особо подчеркнут тот факт, что выполнение государством функций, направленных на страхование условий социального развития, не имеет ничего общего с коммерческой деятельностью государственных предприятий или организаций с участием государства, нацеленных на извлечение прибыли¹. С этой точки зрения, крайне негативной оценки заслуживают широко распространяющиеся в России в последнее время идеи о «частно-государственном партнерстве». Напомню, что идеи «социально-корпоративного государства» или социального партнерства государства и бизнеса в 20-е гг. прошлого столетия активно развивали итальянские фашисты. Социально-политические последствия реализации этих идей на практике всем известны.

С учетом переосмысления основной функции государственной власти и межгосударственных образований представляется корректным отказаться также от определения представителей государственной власти как «слуг народа» при сохранении представлений о государстве как источнике «всеобщего блага». Подобные определения не только не содействуют адекват-

¹ В случае получения такими предприятиями и организациями прибыли она должна рассматриваться как форма дополнительного налогообложения граждан и в полном объеме учитываться в качестве доходов государственного бюджета.

ным умозаключениям относительно социального значения государственной власти, но и способствуют ложному пониманию полномочий и ответственности властных структур. Понятие «общее благо» – крайне расплывчатое и неконкретное – приводит к размытым определениям функций и задач государства. При распространении представлений о сущности государства как инструменте обеспечения «всеобщего блага» основной задачей государства на практике всегда оказывалось сохранение сложившегося общественного порядка. А поддержание порядка, который позиционировался как «благо целого», на деле сводилось к силовому обслуживанию и защите привилегий властных структур. При этом достижение и обладание властью неизбежно воспринималось как обладание благом, для сохранения которого, помимо применения силы, использовались различные идеологические или религиозные обоснования государственной власти как блага для всех. Однако в течение всей истории существования различных государственных образований подобные обоснования, как и применение представителями власти силы, неоднократно демонстрировали свою недостаточность для реализации данной цели.

Предложенное видение социальной природы прав и обязанностей членов общества предполагает переосмысление значения и такой важнейшей формы социально-правовых связей, какой являются деньги, включая проблематику социально-политической роли, функций и места банковской системы в государстве и обществе. Возникновение и наблюдавшиеся трансформации денежных форм следует также рассматривать с позиции социально необходимых инструментов фиксации и реализации прав кредиторов. Важно в полной мере понимать и тот факт, что обесценение денег представляет собой индикатор, характеризующий наличие крупных диспропорций в системе формирования и распределения прав и обязанностей в государстве и обществе, отсутствие полноценных кредитных отношений, а также необходимых условий для их развития.

Один из главных недостатков всех существующих концепций государства и общества обусловлен тем, что кредитная природа денег, их роль как инструмента, обеспечивающего социальные права кредиторов и горизонтальную интеграцию человеческого сообщества, до сих пор не осознаются. Хотя всем очевидно, что деньги предоставляют своим держателям вполне определенные права, тем не менее, сохраняется представление о них как о неком, пусть и особом или даже условном, товаре, обладающем абстрактным качеством всеобщего эквивалента. При этом значительная часть социально-экономических проблем в современном мире во многом является следствием политической реализации ложных теоретических установок и идеологии денежной политики, в существенной мере определяющих каркас социальной жизни.

Появление и сущность денег не могут быть разумно объяснены, а адекватные социальные механизмы обеспечения денежной эмиссии в современных условиях не могут быть найдены, если по-прежнему придерживаться точки зрения тех философов и экономистов, которые рассматривают их значение лишь с позиции возникновения потребности в удобном инструменте для товарообмена. Не следует забывать, что все попытки обосновать появление денег из товарообмена сталкивались с рядом не-

разрешимых противоречий. Например, Адам Смит признавал, что, если один человек обладал большим количеством определенного продукта, чем сам нуждался в нем, а другой испытывал в нем недостаток, но в данный момент не имел ничего, в чем нуждался первый, то между ними не могло бы произойти никакого обмена. Согласно его логике, для развития товарообмена «каждый разумный человек... должен был стараться так устроить свои дела, чтобы постоянно наряду с особыми продуктами своего собственного промысла иметь некоторое количество такого товара, который, по его мнению, никто не откажется взять в обмен на продукты своего промысла» [2]. Однако если считать, что каждый разумный человек обменивал свои продукты на товары, которые не были ему нужны, но пользовались повышенным спросом (согласно Смиту, никто не отказывался «взять их в обмен на продукты своего промысла»), то тогда нужно исключить из разряда разумных людей производителей таких товаров. По определению потребности этих производителей должны были полностью удовлетворяться в результате обмена их продукции на другие товары. Продукция остальных производителей должна была пользоваться меньшим спросом и ее неразумно было бы накапливать в расчете на то, что «никто не откажется взять ее взамен». Понятно, что именно производители товаров, пользовавшихся наибольшим спросом, испытывали главную потребность в появлении денег. Следовательно, выявленная Смитом проблема оказывалась неразрешенной. Отметим также, что наличие товаров повышенного спроса, при которых они свободно обмениваются на продукцию других производителей, не означает, что такие товары выполняют функции денег. Даже если пытаться «выводить» деньги из простого товарообмена, необходимо признать: для того чтобы они стали деньгами, нужен был относительный избыток этих товаров, поскольку они должны были использоваться их потребителями не по назначению (не в соответствии с их потребительной ценностью). Но в случае избытка таких товаров они бы уже не пользовались повышенным спросом. В соответствии с логикой Смита и многих современных авторов, эти товары не могли претендовать на статус денег, так как не было оснований рассчитывать на то, что никто не откажется взять их в обмен на результаты собственного труда. Если происхождение денег искать в товарообмене, то получается, что «каждый разумный человек» сначала должен был лишиться разума, иначе сложно объяснить, почему он вдруг захотел обменивать результаты своего труда на ненужные ему предметы. Только потеряв остатки разума, такой человек мог надеяться, что появятся столь же неразумные люди, которые начнут поступать аналогичным образом, что выбор ненужных предметов у них совпадет и они станут тогда «всеобщим орудием торговли», приобретая неизвестно как способность быть всеобщим эквивалентом. Абсурдность данного предположения очевидна. Не случайно все философы и экономисты (до А.Смита и после него), занимавшиеся проблемой денег, фактически подменяли вопрос об их появлении темой необходимости денег для товарообмена.

Между тем все рассуждения на эту тему приобретают логическую стройность, если осознать, что социальная необходимость денег заключалась не просто в обеспечении товарного обмена, а была вызвана потребностью

формирования кредитных отношений между относительно независимыми и свободными субъектами, число которых увеличивается на каждой новой стадии исторического развития человечества. Глубинное основание этого развития, как я уже отмечал, состоит в том, что одни члены общества готовы вносить большой вклад в создание материальных и духовных благ, чем получают или могут получить в тот или иной конкретный период от других членов. Появление денег знаменовало собой начало функционирования социального механизма организации и реализации кредитных отношений, определяющих систему естественных прав и обязанностей членов общества.

По мере роста общественного организма изменялась и форма фиксации прав кредиторов, становясь все более обезличенной (в виде знаков отличия, государственных регалий, а также денежных инструментов). В частности, произошло обезличивание власти: не власть стала атрибутом конкретного человека как кредитора общества, а человек стал находиться при власти. При этом не государство, установившее обязательный порядок налогообложения граждан, оказывалось кредитором общества, а общество (в лице всех работоспособных налогоплательщиков) – кредитором государства, ожидающее от представителей власти исполнения определенных общественно полезных обязанностей. Аналогичные метаморфозы происходили и с деньгами. Возникнув как инструмент фиксации прав определенных кредиторов, они в процессе все более широкого использования в расчетах за товары и услуги (т.е. реализации кредиторами своих прав) приобрели анонимный по отношению к каждому конкретному кредитору характер. В результате у различных членов общества появилась возможность, став обладателями денег, приобрести права и привилегии, не прикладывая особых усилий, не становясь кредиторами общества и не исполняя необходимых обязанностей. Но, если подобные злоупотребления приобретают значительный размах, это ведет к обесценению денег. Иными словами, и здесь кредитная природа социального права неизменно напоминает о себе.

Понимание кредитной природы денег позволяет также понять, что государство и государственные институты никогда не являлись и не могут рассматриваться в качестве полноценного источника денег для экономики. Более того, одним из важнейших условий страхования социально-экономического развития является максимально возможное разделение политической и денежной властей в обществе, обеспечение как можно большей независимости от правительства не только центральных банков, но и банковского сектора в целом. Денежная эмиссия центральных банков, с одной стороны, должна основываться на развитии кредитных отношений, а с другой – обеспечивать условия для такого развития. Это предполагает соответствующие принципы организации банковской системы, корректировку основных ориентиров деятельности и переоценку функций коммерческих банков, изменение законодательной и нормативной базы, регулирующей банковскую деятельность. При этом необходимо осознать, что значение коммерческих банков (в отличие от инвестиционных компаний) заключается не просто в перераспределении временно свободных денежных ресурсов (как это принято считать), а в активном участии в их формировании в процессе кредитной деятельности.

Одним из ключевых направлений страхования условий социально-экономического развития является локализация и предотвращение цепной реакции потери денежных средств представителями реального сектора экономики и лавинообразного сокращения объема кредитных отношений, к чему до сих пор приводит неплатежеспособность банков и финансовых институтов. Для этого требуются не разовые кредитные вливания для поддержания приближенных к государственным чиновникам банковских структур, а обеспечение для всех коммерческих банков реальной возможности получения краткосрочных кредитов центральном банке в случае недостатка у них средств для осуществления расчетов и платежей своих клиентов. В интересах поддержания стабильного уровня ликвидности и недопущения образования «финансовых тромбов» однодневные кредиты целесообразно выдавать без необходимости представления в центральный банк какого-либо обеспечения. При организации системы рефинансирования и кредитования банков от Центрального банка требуется не столько активная, сколько пассивная роль. Активную роль Центральный банк России должен играть при осуществлении контроля над качеством кредитной политики банков и их активами, обеспечивая принятие своевременных мер, направленных на финансовое оздоровление проблемных банков.

Для реализации указанной задачи важно также внести принципиальные изменения в действующую систему страхования депозитов в коммерческих банках. Страхование должно распространяться не только на вклады физических лиц, но и средства на расчетных счетах юридических лиц, для которых эти средства (обязательства банков), по сути, являются единственной законной формой существования денег. В случае банкротства банков потери должны нести только его собственники, руководители, а также лица, рассчитывавшие использовать банк в качестве дополнительного средства извлечения дохода. Размеры страхового возмещения должны покрывать все текущие обязательства банков (за минусом процентов), а сроки их выплаты сокращены до минимума (нескольких дней). Необходимо осознать, что основная задача системы страхования коммерческих банков заключается в защите общего механизма денежного обеспечения и системы финансовых расчетов, поддержания социального доверия к банковской системе в целом в целях предотвращения системных рисков и глубины социально-экономических кризисов. Требуется различать банкротство и ликвидацию банка как юридического лица (созданного учредителями для извлечения прибыли) и необходимость сохранения банка как социально значимого института, обеспечивающего условия существования и функционирования современных денег для юридических и физических лиц. Поэтому банкротство и ликвидация банка как юридического лица должны сопровождаться мерами, гарантирующими его клиентам (предприятиям и гражданам) возможность бесперебойного использования принадлежащих им денежных средств (за вычетом обязательств банков по выплате процентов), т.е. мероприятиями, направленными на сохранение банка как социально-экономической функции.

В заключение подчеркнем, что обобщенным критерием адекватности государственного регулирования социально-экономических процессов является соответствие предпринимаемых мер задачам страхования и поддержа-

ния полноценных кредитных отношений как базового условия социально-экономического развития. Такой подход позволяет не только демифологизировать представления как о возможностях рынка, так и государственного регулирования, но и по-новому взглянуть на проблему федерализма, а также на роль и значение межгосударственных институтов. Данный теоретический фундамент представляется предпочтительной основой для определения принципов согласования деятельности и интересов различных политических образований, нахождения путей преодоления кризисных явлений, минимизации социально-политических рисков, включая риски социального распада и возникновения международных конфликтов.

Список литературы

1. *Сорос Дж.* Прогнозы: Будущее в форме буквы W // «Ведомости». 2010, 15 января, №5 (2523). Статья размещена в Интернете по адресу: [<http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/01/15/222996>].
2. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007. С.83.

© Мартыненко В.В., 2010

ОБЩЕСТВО

**В.К.Левашов, И.С.Шушпанова,
В.А.Афанасьев, О.П.Новоженина**

**ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ:
УСТОЙЧИВОСТЬ И ПОТЕНЦИАЛ**
*По материалам XXXI и XXXII этапов мониторинга
«Как живешь, Россия?»*

ЛЕВАШОВ Виктор Константинович – доктор социологических наук, заведующий отделом стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН.

ШУШПАНОВА Ирина Сергеевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН.

АФАНАСЬЕВ Владимир Александрович – старший научный сотрудник отдела стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН.

НОВОЖЕНИНА Ольга Петровна – старший научный сотрудник отдела стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН.
e-mail: analytic@ispr.ras.ru

Аннотация. В статье излагаются результаты исследований актуальных теоретических и практических проблем развития российского общества. В частности, рассматриваются вопросы устойчивого развития и состояния гражданского общества в России в период мирового экономического кризиса.

Ключевые слова: устойчивое развитие, гражданское общество, социальное государство, потенциал гражданского общества.

Введение: характеристика исследования

Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН продолжает изучение социальной и социополитической ситуации в стране в контексте формирования гражданского общества и построения социального государства. Эмпирические исследования проводятся в рамках социологического мониторинга «Как живешь, Россия?». Исследовательский коллектив: д.с.н. В.К.Левашов (руководитель), с.н.с. В.А.Афанасьев, с.н.с. О.П.Новоженина, к.с.н. И.С.Шушпанова. В исследовании использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования, местожительства, национального и социально-профессио-

нального состава. В основу территориального размещения выборки легло экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорции численности населения и пропорций между городским и сельским населением. Объем выборочной совокупности в декабре 2009 г. составил 1848 респондентов, в июне 2010 г. – 1826 респондентов. Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №08-03-00143 «Гражданское общество в современной России: социологическое измерение»).

Опрос населения и обработка полевой информации проведены в декабре 2009 г. и июне 2010 г. Опрос проводился в 11 регионах Российской Федерации: Москве, Санкт-Петербурге, в Республике Татарстан, в Краснодарском крае, в Воронежской, Курской, Саратовской, Томской, Тюменской, Челябинской, Ярославской областях. Полевой этап в регионах осуществляли: в Москве – М.В.Афанасьева, Ю.Н.Мазаев, в Санкт-Петербурге – проф. Г.П.Артемов, А.В.Шентякова, в Воронеже – А.И.Верецкая, в Казани – М.Ю.Ефлова, в Краснодаре – В.Ю.Реммлер, в Курске – Ю.Н.Черкаев, Н.А.Черкаева, в Саратове – И.В.Саунин, Г.Ю.Саунина, в Томске – В.Л.Чигарева, в Тюмени – проф. Н.Г.Хайруллина, в Челябинске – к.с.н. Л.П.Бердник, в Ярославле – член союза журналистов России И.М.Овчарова, Н.О.Прохорова.

Тревоги и настроения граждан

Доминировавшая до середины 2009 г. структура тревожности российского общества претерпела некоторые изменения. Актуальность материальных проблем по-прежнему сохранилась, но экономический кризис вернул тревоги, связанные с преступностью и произволом чиновников. Острее стали восприниматься проблемы социокультурного характера. Социально-политическая ситуация в России середины 2010 г. продолжала задаваться последствиями мирового экономического кризиса, а также оперативными и долгосрочными, рассчитанными на стратегическую перспективу, антикризисными действиями и планами Правительства и Президента РФ. Совокупность объективных и субъективных факторов социально-политической жизни сформировала сложную композицию тревожностей общества (см. табл. 1).

В декабре 2009 г. экономические факторы тревожности были потеснены нарастающими проблемами безопасности общества и государства. По данным мониторинга, для трети респондентов (34%) стала актуальна проблема преступности. Острее начало реагировать массовое сознание на произвол чиновников (33%). Уровень обеспокоенности россиян этой проблемой к концу 2009 г. достиг максимума за все время включения ее в инструментарий опроса. В то же время наблюдалось некоторое снижение доли экономических факторов в структуре тревожности. Наименьшего значения за период наблюдений достигла обеспокоенность россиян повышением цен на продукты питания (32%), повышением тарифов на услуги ЖКХ (31%).

Летом 2010 г. дороговизна жизни (51%) и повышение тарифов на услуги ЖКХ (38%) остались доминирующими тревогами массового сознания, только увеличившими свой удельный вес за последние полгода.

Таблица 1

**Динамика тревожности респондентов
РФ, % от числа опрошенных**

	1992, август	1993, ноябрь	1994, февраль	1995, январь	1995, ноябрь	1997, январь	2001, декабрь	2002, декабрь	2003, октябрь	2005, сентябрь	2006, январь	2006, июнь	2007, январь	2007, июль	2008, февраль	2008, июнь	2008, ноябрь	2009, июнь	2009, декабрь	2010, июнь
Дороговизна жизни	-	70	58	60	56	41	66	67	60	60	55	62	58	50	57	58	58	50	48	51
Повышение тарифов на услуги ЖКХ	-	-	-	-	-	-	-	-	44	46	43	45	46	39	48	42	35	36	31	38
Преступность	44	51	50	43	32	28	51	49	44	32	36	40	36	41	36	32	32	28	34	33
Экологическая обстановка	22	26	34	31	21	24	33	32	33	29	31	36	37	42	38	38	32	31	32	32
Произвол чиновников	-	-	-	-	-	-	32	27	29	29	31	32	32	29	31	29	28	28	33	31
Повышение цен на продукты питания	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	40	36	34	32	29
Безработица	-	24	24	21	14	14	31	29	25	22	25	27	22	21	18	16	23	32	25	26
Падение нравов, культуры	13	-	-	-	-	-	32	27	25	26	25	30	29	33	27	27	29	26	31	26
Безопасность Ваша и Ваших близких	-	-	-	-	-	-	-	-	31	33	28	32	29	28	26	27	24	22	25	25
Терроризм	-	-	-	-	3	-	27	29	31	26	24	20	17	21	15	12	16	9	17	24
Наркомания	-	-	-	-	-	-	42	26	32	29	30	31	31	34	30	27	26	22	26	23
Алкоголизм	-	-	-	-	-	-	17	17	18	20	20	23	25	28	27	22	19	22	25	22
Разделение общества на богатых и бедных	-	22	20	17	13	-	33	33	22	23	27	30	27	26	27	22	22	20	19	20
Закрытие, простой предприятий	-	-	32	30	19	22	28	19	16	14	13	14	14	10	13	8	12	15	14	14
Высокая инфляция																25	26	19	14	13
Мировой экономический кризис	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	16	14	9
Обострение межнациональных отношений	26	11	10	10	6	7	21	15	8	8	10	11	11	10	8	9	10	9	9	8
Задержка выплаты зарплаты, пенсий	-	-	-	-	-	39	19	21	11	11	9	9	9	7	7	5	7	11	7	7
Монетизация льгот	-	-	-	-	-	-	-	-	-	13	6	4	4	4	3	2	3	3	2	5

Примечание: (-) – отсутствие позиции в инструментари; сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько позиций.

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Далее структура актуальных тревог не претерпела изменений: преступность (33%), экологическая обстановка (32%), произвол чиновников (31%), повышение цен на продукты питания (29%), безработица (26%), падение нравов, культуры (25%), безопасность близких (24%), терроризм (23%), наркомания (22%), алкоголизм (20%), разделение общества на богатых и бедных (14%), закрытие, простой предприятий (13%), высокая инфляция (9%), мировой экономический кризис (9%), обострение международных отношений (8%), задержка выплаты зарплаты, пенсий (8%), монетизация льгот (5%). Из всего приведенного ряда тревог обращает внимание увеличение тревоги граждан по поводу проявлений терроризма – рост с 9% в июне 2009 г. до 17% в декабре 2009 г. и до 24% в июне 2010 г. Тревожные настроения, связанные с безопасностью, ростом преступности, угрозой терроризма постепенно нарастали в массовом сознании, как следствие кризисного положения не только в экономической, но и в социополитической сферах жизнедеятельности общества.

Структура и характер тревог в обществе в значительной мере зависит от социальной эффективности экономической политики, проводимой государством. **Антикризисная политика государства обнажила ряд проблем социального характера. Обеспокоенность россиян своим материальным положением дополнилась тревогами в отношении безопасности, нарастающей угрозы терроризма, преступности. По мнению граждан, сложившиеся условия привели к активизации произвола чиновников, обострились проблемы падения нравов и культуры, алкоголизма и наркомании. Отметим, что факторы материального неблагополучия продолжали оставаться доминирующими в структуре тревожности россиян.**

Экономическое состояние общества в долгосрочной стратегической перспективе определяет основные элементы и философию политической системы государства. В краткосрочной перспективе экономическое состояние общества не может не сказываться на отношении граждан к политической системе государства. За прошедший год это отношение существенно не изменилось (см. табл. 2).

В этой сфере общественных отношений ситуация развивалась в русле сложившихся в последние три-четыре года доминирующих тенденций. Приблизительно половина граждан (49%) считали, что в нашем обществе существует много недостатков, но их можно устранить реформами. Остальные три тенденции имеют схожую волнообразную форму проявления и стремятся к уравненной средней величине 15-17% (см. график 1).

Количество радикально настроенных граждан за прошедшие годы сократилось в два раза, с 43% до 22%. Доля граждан, поддерживающих политическую систему (консерваторов) в её существующем виде, выросла с 3% до 13%. А число затруднившихся ответить остановилось на значении 13%.

Что касается динамики поддержки различных форм защиты социальных интересов, то здесь не произошло серьезных изменений. Мнения граждан относительно поддержки различных форм защиты социальных интересов варьировались от отказа защиты своих интересов до активных

протестных настроений. Наибольшее число респондентов предпочли социально пассивную позицию. Доля россиян, уверенных в защищенности своих интересов, в июне 2009 г. впервые превысила 10% от числа опрошенных (см. табл. 3).

Таблица 2

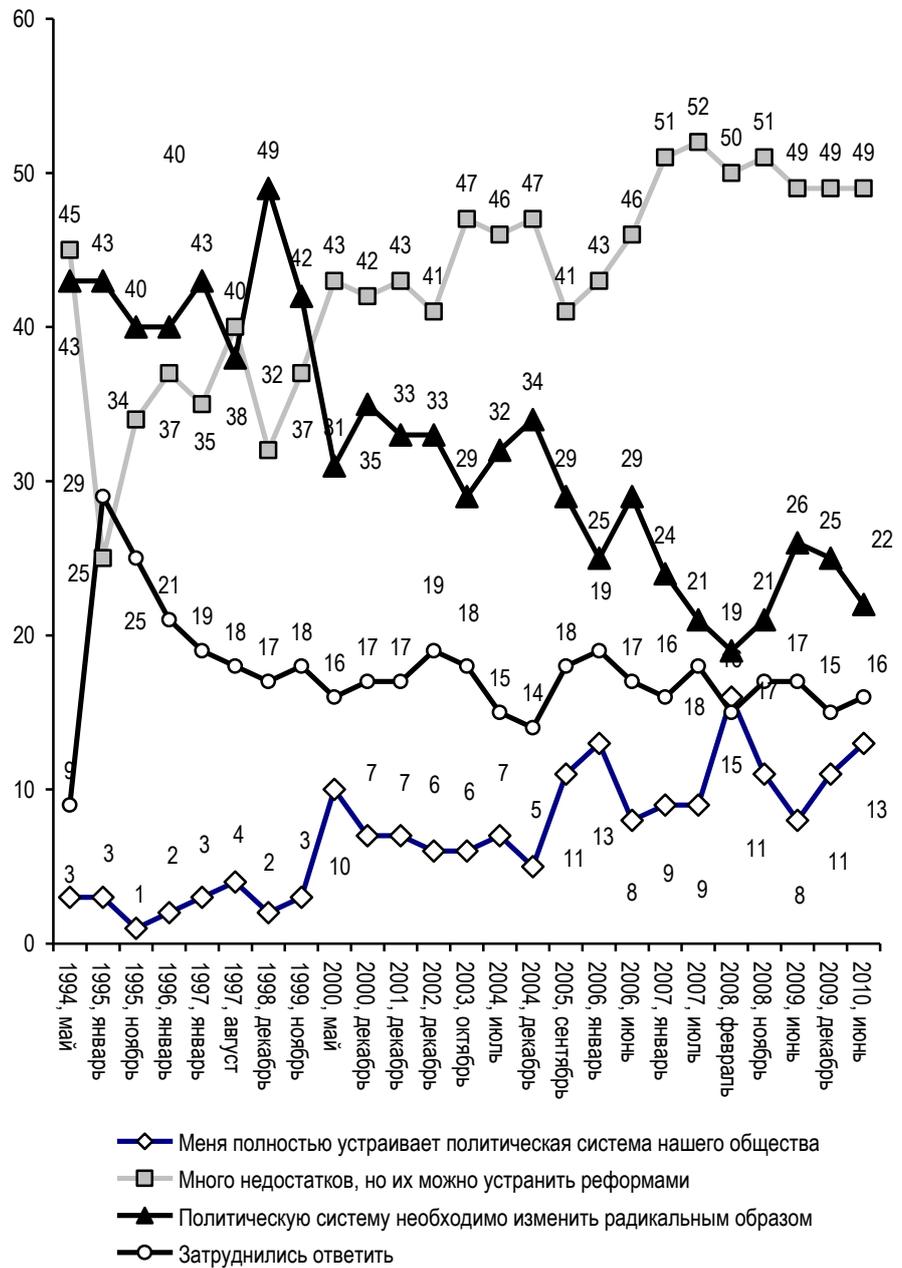
**Отношение респондентов
к политической системе общества
РФ, % от числа опрошенных**

	Меня полностью устраивает политическая система нашего общества	Много недостатков, но их можно устранить реформами	Политическую систему необходимо изменить радикальным образом	Затруднились ответить
1994, май	3	45	43	9
1995, январь	3	25	43	29
1995, ноябрь	1	34	40	25
1996, январь	2	37	40	21
1997, январь	3	35	43	19
1997, август	4	40	38	18
1998, декабрь	2	32	49	17
1999, ноябрь	3	37	42	18
2000, май	10	43	31	16
2000, декабрь	7	42	35	17
2001, декабрь	7	43	33	17
2002, декабрь	6	41	33	19
2003, октябрь	6	47	29	18
2004, июль	7	46	32	15
2004, декабрь	5	47	34	14
2005, сентябрь	11	41	29	18
2006, январь	13	43	25	19
2006, июнь	8	46	29	17
2007, январь	9	51	24	16
2007, июль	9	52	21	18
2008, февраль	16	50	19	15
2008, ноябрь	11	51	21	17
2009, июнь	8	49	26	17
2009, декабрь	11	49	25	15
2010, июнь	13	49	22	16

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

График 1

Отношение респондентов к политической системе общества РФ, % от числа опрошенных

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Таблица 3

Динамика поддержки различных форм защиты социальных интересов РФ, % от числа опрошенных

	«Мои интересы достаточно защищены»	«Подпишу обращение к властям»	«Выйду на митинг, демонстрацию»	«Буду участвовать в забастовках, акциях протеста»	«Если надо, возьму оружие»	«Ничего из перечисленного не буду делать»	«Затруднились ответить»
1994, февраль	3	13	9	11	13	19	31
1995, ноябрь	1	13	7	6	9	28	35
1997, январь	5	10	10	10	15	17	32
1998, декабрь	3	10	11	13	15	21	26
1999, ноябрь	4	14	16	13	12	18	22
2000, май	9	10	9	9	13	17	30
2000, декабрь	8	13	12	8	11	24	23
2001, декабрь	7	18	9	11	13	16	26
2002, декабрь	10	9	7	12	13	29	18
2003, октябрь	9	11	9	8	13	27	21
2004, июнь	5	12	11	11	15	25	20
2005, сентябрь	7	9	9	11	13	27	22
2006, июнь	7	13	10	13	13	26	19
2007, январь	6	20	16	12	11	18	17
2007, июль	7	20	16	11	10	21	15
2008, февраль	9	14	11	12	10	27	17
2008, июль	9	14	12	11	11	27	15
2009, июнь	10	15	12	12	13	23	14
2009, декабрь	9	13	11	11	12	26	17
2010, июнь	12	10	12	9	11	28	18

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Около 28% респондентов не собирались проявлять какие-либо действия. Немногим более активными можно назвать россиян, готовых подписать обращение к властям в защиту своих интересов (10%). Выйти на митинг и демонстрацию намерены около 12% опрошенных. Отстаивать свои гражданские позиции посредством забастовок, акций протеста будут 9% россиян. Наиболее активных респондентов, готовых к агрессивным действиям в защиту своих социальных интересов, оказалось около 11%. Чувствуют свои интересы достаточно защищенными 12% россиян. **Гражданское общество по критерию выбора различных форм защиты своих интересов разделилось на три приблизительно равные массива: «безразличные», «пассивные», «активные». При этом число «безразличных» граждан, предпочитавших ничего не делать в защиту своих интересов, несколько увеличилось. Постепенно уменьшалось количество «пассивных» россиян, выбравших такую форму защиты интересов, как подписание обращений к властям, не изменяется в последние годы доля готовых принять участие в митинге, демонстрации. Сторонники данной группы,**

разувериваясь в возможности повлиять на власть демократическими методами, зачастую переходили в группу «безразличных». Массив «активных» граждан остается значимым – на уровне трети опрошенных.

Высказывания респондентов о жизни в стране отражали сложившуюся ситуацию отстраненности государства от решения актуальных проблем общества. Политика государства в отношении материального благополучия людей, активного участия граждан в жизни страны, по мнению россиян, в условиях экономического кризиса существенно не изменилась (см. табл. 4).

Таблица 4

Суждения респондентов о жизни в стране
РФ, % от числа опрошенных

	Сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить свое материальное благополучие	Сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь	Власти заботятся о жизни простых людей	Людям у власти нет никакого дела до простых людей	Главное для центральной власти в Москве - это решить свои проблемы за счет областей и республик России	Центр проводит политику в интересах регионов	Большинство из нас могут повлиять на политические процессы в стране	Большинство из нас не могут повлиять на политические процессы в стране
1994, февраль	20	70	1	66	33	2	0	47
1995, январь	15	69	1	56	28	1	2	41
1995, ноябрь	15	61	1	50	24	0	3	45
1996, май	24	68	3	64	35	2	4	52
1997, август	27	66	4	57	36	5	13	48
1998, декабрь	13	68	2	65	35	4	9	52
1999, ноябрь	18	65	4	63	36	4	10	45
2000, май	26	55	2	53	27	3	8	50
2000, декабрь	26	58	2	56	26	3	11	50
2001, декабрь	26	57	3	60	30	4	10	58
2002, декабрь	30	42	2	64	35	3	12	65
2003, октябрь	40	39	5	73	52	7	10	69
2004, июнь	40	48	7	77	58	9	12	75
2004, декабрь	40	45	5	80	60	9	11	73
2005, сентябрь	38	43	5	80	57	7	9	74
2006, январь	37	45	6	77	53	8	10	70
2006, июнь	40	45	4	80	56	7	11	72
2007, январь	40	42	6	79	49	13	12	74
2007, июль	38	45	6	75	50	14	11	70
2008, февраль	42	45	9	72	46	14	11	73
2008, июнь	46	40	7	72	52	9	11	75
2008, ноябрь	41	44	9	69	52	11	14	71
2009, июнь	35	48	9	69	48	13	11	72
2009, декабрь	37	44	8	70	50	12	11	71
2010, июнь	38	46	9	67	51	13	14	69

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Индикатор позитивной трудовой мотивации («Сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить свое материальное благополучие»), достигнув в 2003 г. уровня 40%, остановился в своём росте. В июне 2010 г. его позитивное значение составило 38%, негативное («Сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь») – 46%. Негативная установка по поводу трудовой мотивации в условиях нестабильной обстановки сохраняется в сознании общества, хотя еще в июне 2008 г. позитивно настроенных граждан было больше. Индикатор, показывающий мнение граждан об уровне заботы власти о жизни простых людей, остаётся критически низким – 9%. В то же время 67% опрошенных граждан заявили, что людям у власти нет никакого дела до простых людей. **Значения индикаторов отчуждения, взаимного непонимания государства и граждан продолжали оставаться в критической зоне. За прошедший год положительных тенденций в сближении и налаживании диалога между властью и гражданским обществом не наблюдалось.**

В оппозиционных отношениях, по мнению респондентов, находились центр и регионы. Половина опрошенных считали, что «главное для центральной власти в Москве – это решить свои проблемы за счет областей и республик России». Лишь около 13% респондентов согласились с утверждением, что «Центр проводит политику в интересах регионов».

Недоверие российской власти со стороны граждан усугублялось уверенностью в беспомощности граждан влиять на политические процессы. Около 69% опрошенных заявили, что «большинство из нас не могут повлиять на политические процессы в стране». Противоположного мнения придерживались 14% респондентов. Отчуждение общества от сферы политики остаётся критически высоким. **Следствием такой установки является пассивность, нежелание проявления активных гражданских действий членов общества. В этой обстановке гражданской анемии растет число разочарованных граждан, относящихся безразлично к происходящим экономическим и политическим процессам в стране. В критических условиях эта группа населения составит социальный резерв политического протеста.**

Демократия и отношение к власти

Значительные изменения произошли в структуре доверия россиян институтам гражданского общества. Существующая обстановка нестабильности в политической, социальной, экономической и духовной сферах жизнедеятельности привела к активизации отношений гражданского общества. Разуверившись в возможности влияния на большинство политических, экономических и социальных процессов в стране, граждане постепенно осознают необходимость взаимопомощи, самостоятельного решения ряда проблем с привлечением и созданием необходимых общественных институтов. Это стало особенно заметно в условиях кризиса и на стадии выхода из него.

Динамика отношений россиян к политическим и общественным институтам показала наличие ряда проблемных областей. Уровни доверия власти к политическим и социальным институтам продолжали находиться в зоне кризисного развития (см. табл. 5).

Таблица 5

**Динамика отношений респондентов
к политическим и социальным институтам и структурам
(вариант ответа «доверяю»)
РФ, % от числа опрошенных**

	Президент РФ	Правительство РФ	Совет Федерации	Государственная Дума	Администрация Президента РФ	Совет Безопасности	Общественной палате	Милиция, суд, прокуратура	Армия	Профсоюзы	Церковь	Партии, политические движения	Общественным организациям	Руководители регионов	Средства массовой информации	Банковские, предпринимательские круги
1995, январь	9	8	7	10	-	-	-	16	35	18	-	6	-	11	21	6
1997, январь	17	14	10	14	9	10	-	10	36	11	33	11	-	28	20	8
1998, декабрь	6	11	8	13	3	9	-	11	27	17	33	13	-	23	18	5
1999, ноябрь	4	18	14	14	3	14	-	12	38	15	26	7	-	23	12	5
2000, май	41	20	13	12	14	17	-	13	43	21	35	16	-	20	17	8
2000, декабрь	43	23	9	12	10	19	-	15	41	19	28	17	-	21	16	11
2001, декабрь	49	23	15	12	16	21	-	12	39	17	33	12	-	17	12	10
2002, декабрь	44	18	10	10	15	17	-	10	31	13	33	15	-	23	17	11
2003, октябрь	57	20	13	9	19	22	-	11	36	15	36	8	-	20	17	12
2004, июнь	53	23	13	10	20	23	-	9	30	17	38	9	-	16	20	10
2004, декабрь	49	17	11	6	19	21	-	9	27	16	35	5	-	15	19	12
2005, сентябрь	48	20	14	10	19	23	-	12	31	12	35	7	-	21	23	12
2006, январь	46	20	13	10	20	20	-	11	30	14	35	9	-	19	22	11
2006, июнь	51	18	12	10	20	21	-	11	30	15	37	8	-	18	23	10
2007, январь	63	26	15	12	26	31	17	11	39	19	46	9	20	17	21	16
2007, июль	63	28	17	13	26	29	16	9	30	17	42	13	20	22	20	12
2008, февраль	70	39	25	18	34	30	20	11	41	20	43	13	20	24	22	15
2008, июнь	57	38	21	16	31	28	21	11	47	23	51	10	20	24	22	15
2008, ноябрь	60	46	22	17	35	34	18	13	43	18	47	13	22	26	23	13
2009, июнь	56	42	20	19	30	29	17	15	40	18	47	11	20	24	23	10
2009, декабрь	58	45	26	19	32	32	23	13	41	24	45	19	25	25	27	15
2010, июнь	59	44	25	22	31	30	21	15	46	24	50	21	30	35	26	16

Примечание: (-) – отсутствие позиции в инструментарии.

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Из числа среднесрочных тенденций (вариант ответа «доверяю») необходимо указать на произошедшее падение на 10% рейтинга Президента РФ в 2008 г. и повышение рейтинга Правительства РФ на такую же величину в том же году. Очевидно, что такие изменения явились следст-

вием политической рокировки, произошедшей во время президентских выборов 2008 г.

По уровню доверия граждан в июне 2010 г. по-прежнему лидировал Президент РФ (59%). Кризис практически не сказался на его рейтинге. Второе место в рейтинге доверия заняла церковь (50%), третье – армия (46%). Такая же примерно часть граждан доверяла Правительству РФ (44%). Количество россиян, доверяющих этому государственному институту, на протяжении последних лет медленно растет.

Отношение ко всем другим политическим и социальным институтам осталось ровным на прежнем уровне. За исключением заметного роста рейтинга доверия в июне 2010 г. по сравнению с декабрем 2009 г.: к армии – с 41 до 46%, церкви – с 45 до 50%, общественным организациям – с 25 до 30%, руководителям регионов – с 25 до 35%.

Отметим существенный разрыв в доверии граждан государственным структурам и общественным институтам. Уровень доверия к власти пока выше, но этот разрыв постепенно сокращается. Судя по полученным данным, вклад в сокращение этого разрыва внесли институты гражданского общества. За год выросло доверие россиян большинству общественных структур: партиям и политическим движениям (рост на 10 п.п.), общественным организациям (на 10 п.п.), профсоюзам (на 6 п.п.), Общественной палате (на 4 п.п.), банковским и предпринимательским кругам (на 6 п.п.) и СМИ (на 4 п.п.). В декабре 2009–июне 2010 гг. наблюдались наивысшие за весь период наблюдений значения доверия Общественной палате, профсоюзам, партиям и политическим движениям, общественным организациям и СМИ.

Отметим также, что **за время нестабильной обстановки не произошло существенного снижения уровня доверия государственным структурам, многие из них упрочили свой авторитет в глазах россиян.** Наблюдался рост числа граждан, доверяющих Совету Федерации. Уровень доверия к данному институту повысился до наибольшего значения – 26%. Индикатор доверия граждан Правительству РФ также достиг максимально наблюдаемого значения.

Рейтинг индикатора недоверия к политическим и социальным институтам не отличался существенными структурными изменениями. Большинство граждан по-прежнему не доверяли милиции, суду и прокуратуре (69%), банковским и предпринимательским кругам (54%), партиям и политическим движениям (51%) и Государственной Думе (50%) (см. табл. 6).

По данным мониторинга, россияне в середине 2010 г. скорее доверяли, чем не доверяли Президенту РФ (59% против 22%), Правительству РФ (44% против 33%), армии (46% против 30%), Церкви (50% против 24%). Однако число не доверяющих граждан превысило количество доверяющих по отношению к большинству исследуемых институтов: Совет Федерации (34% против 25%), Государственная Дума (44% против 22%), Общественная палата (31% против 21%), милиция, суд, прокуратура (68% против 15%), профсоюз (36% против 24%), партии, политические движения (50% против 21%), СМИ (46% против 26%), банковские и предпринимательские круги (59% против 16%).

Таблица 6

**Динамика отношений респондентов
к политическим и социальным институтам и структурам
(вариант ответа «не доверяю»)
РФ, % от числа опрошенных**

	Президент РФ	Правительство РФ	Совет Федерации	Государственная Дума	Администрация Президента РФ	Совет Безопасности	Общественной палате	Милиция, суд, прокуратура	Армия	Профсоюзы	Церковь	Партии, политические движения	Общественным организациям	Руководители регионов	Средства массовой информации	Банковские, предпринимательские круги
1995, январь	74	69	60	61	*	*	-	59	40	52	-	63	-	59	53	65
1997, январь	73	72	65	64	74	66	-	66	50	62	48	65	-	62	60	74
1998, декабрь	85	66	67	69	83	65	-	74	46	62	39	61	-	39	62	78
1999, ноябрь	88	60	54	62	82	58	-	70	44	61	48	64	-	51	66	78
2000, май	39	48	52	62	57	51	-	72	37	54	41	60	-	54	59	70
2000, декабрь	42	57	60	66	59	47	-	70	44	55	46	57	-	57	63	70
2001, декабрь	35	53	51	63	57	43	-	70	39	56	38	58	-	55	66	68
2002, декабрь	36	57	53	67	50	45	-	68	39	53	38	57	-	52	56	58
2003, октябрь	28	55	52	66	49	43	-	73	43	56	36	71	-	56	60	63
2004, июнь	31	51	52	63	46	42	-	72	47	55	34	63	-	57	55	64
2004, декабрь	33	59	55	69	50	48	-	72	48	56	37	68	-	60	57	62
2005, сентябрь	28	49	41	57	42	34	-	64	39	45	26	58	-	47	45	52
2006, январь	36	56	49	65	48	44	-	71	46	56	37	65	-	53	56	62
2006, июнь	34	57	48	68	46	40	-	76	49	54	36	68	-	54	56	59
2007, январь	23	52	47	65	38	34	42	75	43	49	29	64	47	56	53	58
2007, июнь	28	51	48	61	42	40	45	75	48	54	35	63	46	55	56	64
2008, февраль	21	41	41	59	36	38	42	73	41	52	31	60	45	52	56	58
2008, июнь	18	34	37	51	28	27	32	74	31	44	21	58	41	44	47	54
2008, ноябрь	17	31	35	52	27	24	33	69	34	45	21	56	36	44	49	52
2009, июнь	25	35	35	51	33	30	33	68	34	40	22	58	38	51	48	60
2009, декабрь	25	32	34	50	32	29	33	69	36	37	23	51	34	49	45	54
2010, июнь	22	33	34	44	31	28	31	68	30	36	24	50	32	38	46	59

Примечание: (-) – отсутствие позиции в инструментарии.

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Доля респондентов, доверяющих церкви, с июня 2008 г. держится на уровне 50%. За этот период доля респондентов, считающих себя православными, флуктуировала от 59 до 67%. Самоидентификация религиозной принадлежности дала следующее распределение (см. табл. 7).

Таблица 7

Мнение респондентов о том, какую религию они исповедуют
РФ, % от числа опрошенных

	Неверующий	Православие	Ислам	Другая	Верю в существование сверхъестественной силы, но ни к какой церкви не принадлежу
1995, январь	32	48	5	1	14
1995, май	32	46	7	1	13
1995, ноябрь	28	45	7	1	13
1996, май	33	48	7	0	12
1997, январь	30	51	6	1	12
1997, август	33	48	6	2	11
1998, декабрь	24	55	7	1	13
1999, декабрь	31	50	6	2	13
2000, декабрь	27	49	9	2	13
2001, декабрь	27	50	7	1	14
2002, декабрь	22	53	8	5	12
2003, октябрь	23	60	5	2	10
2004, июнь	20	60	6	2	12
2004, ноябрь	23	57	6	6	9
2005, сентябрь	22	59	7	2	9
2006, январь	24	61	5	2	8
2006, июнь	24	56	7	1	11
2007, январь	18	64	6	2	9
2007, июль	19	62	7	1	11
2008, февраль	16	69	4	2	9
2008, июнь	19	65	5	2	9
2008, ноябрь	18	67	6	1	8
2009, июнь	18	64	8	1	8
2009, декабрь	22	59	5	2	13
2010, июнь	19	61	7	2	10

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Распределение ответов осталось в русле тенденции, сформировавшейся в последние семь лет. Посчитали себя: православными – 61%, неверующими – 19%, верующими в сверхъестественную силу – 10%, мусульманами – 7%, адептами других религий – 2%.

Разнообразие внутри гражданского общества зафиксировано по показателю политических предпочтений. Во всем массиве политических взглядов по-прежнему лидировали демократические (32%) и патриотические (21%) ценности (см. табл. 8). Отметим, что доля респондентов, затруднившихся с определением своих политических предпочтений, также занимала одну из доминирующих позиций – 25%.

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос: «Каковы Ваши политические взгляды?»
РФ, % от числа опрошенных

Варианты	2002, декабрь	2003, октябрь	2004, июнь	2004, декабрь	2005, сентябрь	2006, январь	2006, июнь	2007, январь	2007, июль	2008, февраль	2008, июнь	2008, ноябрь	2009, июнь	2009, декабрь	2010, июнь
Демократические	16	28	26	33	23	26	23	26	26	28	30	36	24	29	32
Патриотические	17	21	18	19	24	21	26	22	25	21	20	22	22	22	21
Либеральные	4	8	10	8	6	7	9	10	10	9	10	9	11	10	10
Коммунистические	7	13	8	7	8	7	7	10	7	8	9	8	9	8	9
Социалистические	9	9	12	7	9	10	8	7	8	11	7	7	13	6	7
Консервативные	3	3	7	4	5	5	6	6	6	5	5	5	5	7	6
Социал-демократические	1	4	5	5	4	6	5	5	4	6	4	5	7	7	6
Националистические	1	3	5	3	4	5	2	4	4	3	2	3	3	2	2
Затруднились ответить	17	30	29	30	32	31	33	29	29	27	29	24	26	27	25

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Либеральные ценности разделяли около 10% опрошенных, коммунистические взгляды – 9%, 7% – социалистические, по 6% – социал-демократические и консервативные. **Структура политических предпочтений граждан не изменилась.** Тем не менее по количеству оставался достаточно многочисленным массив граждан, затруднившихся с ответом на вопрос о политических предпочтениях, в отдельные годы опережая в процентном отношении лидера рейтинга. Уровень доверия граждан политическим партиям и движениям достиг наибольшего значения. Однако роста поддержки россиянами представленных в мониторинге политических партий, движений и блоков за исследуемый период не наблюдалось (см. табл. 9).

Таблица 9

Уровень поддержки респондентами политических партий, движений, блоков
РФ, % от числа опрошенных

Партии, движения, блоки	1997, январь	1998, декабрь	1999, ноябрь	2000, май	2000, декабрь	2001, декабрь	2002, декабрь	2003, октябрь	2004, июнь	2004, декабрь	2005, сентябрь	2006, январь	2006, июнь	2007, январь	2007, июль	2008, февраль	2008, ноябрь	2009, июнь	2009, декабрь	2010, июнь
«Единая Россия» (Путин В.)	-	-	5	18	13	13	11	16	22	21	15	15	17	22	18	33	41	38	35	35
КПРФ (Зюганов)	19	17	20	15	16	18	11	10	6	5	7	8	9	9	7	11	8	9	8	8
ЛДПР (Жириновский)	6	3	3	2,1	2	4	4	7	7	5	5	6	7	9	10	9	6	7	6	8
«Справедливая Россия» (Миронов С.)															6	7	4	4	4	4
«Союз правых сил»	-	-	6	8	6	6	6	7	3	3	3	2	2	3	2	1	2	1	1	1
«Яблоко» (Митрохин С.)	8	11	9	6	7	3	5	4	4	3	3	3	3	3	2	3	1	1	2	1
«Патриоты России» (Семигин Г.)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	0	0	0	1
«Гражданская сила» (Барщевский М.)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	1	1	1	1	0
Другую партию, движение	0,4	0,7	3	1	2	1	1	2	2	1	1	2	2	2	0	1	1	0	2	0
Никого из них	26	25		30	33	33	40	32	37	35	36	37	37	34	34	22	25	29	29	27
Затруднились ответить	20	18	31	12	14	18	18	17	15	16	20	17	14	14	16	9	9	9	12	14

Примечание: (-) – отсутствие позиции в инструментарии.

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Около 41% россиян не поддержали или затруднились с выбором из списка предложенных политических партий. Согласно данным мониторинга, «Единую Россию» поддержали 35% граждан. Рейтинги КПРФ и ЛДПР на момент опроса сравнялись (8%). Далее следует «Справедливая Россия» (4%). Значения рейтинга всех остальных политических партий незначительны. Почти половина опрошенных граждан предпочли не отдавать выраженных предпочтений существующим партийным позициям. В России пока не сложилась сбалансированная партийная система. В политическом пространстве доминируют две группы: сторонники партии власти и абсентеисты.

Еще одним фактором, влияющим на восприятие и отношение граждан к политическим партиям, движениям и блокам, являются их лидеры. Владимир Путин остаётся, по мнению граждан, главным политическим лидером страны, который способен вывести Россию из кризиса (см. табл. 10).

Таблица 10

Рейтинг политиков и партийных лидеров РФ
РФ, % от числа опрошенных

Вопрос: «Кто из перечисленных лидеров, по Вашему мнению, способен вывести Россию из кризиса?»	2000, декабрь	2001, декабрь	2002, декабрь	2003, октябрь	2004, июнь	2004, декабрь	2005, сентябрь	2006, январь	2006, июнь	2007, январь	2007, июль	2008, февраль	2008, ноябрь	2009, июнь	2009, декабрь	2010, июнь
Владимир Путин	34	42	31	41	42	38	31	33	36	42	46	45	58	51	45	41
Дмитрий Медведев	-	-	-	-	-	-	-	1	4	11	9	29	36	28	25	28
Владимир Жириновский	3	6	4	9	8	8	8	11	9	11	11	11	9	9	8	10
Сергей Шойгу	6	9	7	10	10	12	8	10	11	10	11	11	11	8	9	8
Геннадий Зюганов	16	18	8	7	4	4	6	6	6	8	6	11	7	7	7	7
Александр Лукашенко	9	11	5	3	2	4	5	7	8	7	5	4	8	6	7	4
Михаил Ходорковский	-	-	-	2	2	3	3	2	4	3	3	3	2	3	2	4
Юрий Лужков	6	7	6	7	5	5	8	7	7	4	6	5	5	5	3	3
Сергей Миронов	-	-	-	1	1	1	1	1	2	3	6	4	5	3	3	3
Борис Грызлов	-	-	-	7	6	7	3	5	4	4	5	7	3	2	2	2
Сергей Собянин	-	-	-	-	-	-	-	5	5	4	2	0	3	1	1	2
Григорий Явлинский	8	4	6	5	3	3	2	4	2	2	2	3	2	2	1	1
Гарри Каспаров	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1	1	2	1
Михаил Касьянов	2	5	5	3	-	-	2	1	2	1	1	1	1	1	1	1
Алексей Кудрин	-	-	-	-	-	1	0	1	1	0	-	-	-	1	0	1
Анатолий Чубайс	5	2	3	1	1	1	2	1	1	1	-	-	1	0	1	0
Нет такого лидера	39	31	48	37	38	35	42	32	33	27	32	24	20	27	31	31

Примечание: (-) – отсутствие позиции в инструментари; сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько позиций.

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Примерно треть гражданского общества (31%) не поддержали ни одного из политиков, опережая в этом своём выборе число сторон-

ников Президента России. Далее следует с 28% Д.Медведев и затем со значительным отставанием В.Жириновский (10%), С.Шойгу (8%), Г.Зюганов (7%). Последние три политика с учетом ошибки выборки имеют приблизительно равные рейтинги популярности и составляют второй эшелон элиты России. К третьему эшелону политиков россияне отнесли А.Лукашенко (4%), М.Ходорковского (4%), Ю.Лужкова и С.Миронова – по 3%.

В.Путин и Д.Медведев остаются лидерами общественного мнения. Оценка их деятельности на государственных постах остается достаточно высокой и стабильной (см. табл. 11).

Таблица 11

**Оценка деятельности Медведева Д.А. на посту Президента РФ
и деятельности Путина В.В. на посту Председателя правительства РФ**
РФ, баллы по десятибалльной шкале

Оценка деятельности	Балл			
	2008, ноябрь	2009, июнь	2009, декабрь	2010, июнь
Медведев Д.А.	5,7	5,6	5,6	5,9
Путин В.В.	7,2	6,8	6,6	6,6

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

По десятибалльной шкале деятельность Путина В.В. на посту Председателя Правительства оценивается выше (6,6), чем деятельность Медведева Д.А. на посту Президента России (5,9). Хотя динамика оценки деятельности В.Путина имеет слабо выраженную тенденцию к понижению, а Д.Медведева – к повышению.

По оценкам деятельности по-прежнему уверенно лидировал В.В.Путин. Он, по сути, являлся неформальным лидером в стране.

Проведенный анализ показал, что разница в оценках деятельности В.В.Путина и Д.А.Медведева является статистически значимой. Мнения респондентов в поставленных политическим лидерам оценках различны. Если в оценках работы В.В.Путина наиболее часто (у 17% респондентов) встречалось значение «10», то модальным значением оценки деятельности Д.А.Медведева являлось 5 баллов (20% участников опроса).

О конструктивной работе В.В.Путина говорит и тот факт, что наибольшее число респондентов (43%) в декабре 2009 г. отметили его, как политического деятеля, принесшего России наибольшую пользу. Считали таковым Д.А.Медведева 12% граждан (см. табл. 12).

Первое место в историческом ретроспективном рейтинге граждане отдали В.В.Путину (43%). Около 27% респондентов предпочли вариант ответа: «Никто из них». Далее по убывающей следовали: И.В.Сталин (19%), В.И.Ленин (12%), Д.А.Медведев (12%), Николай II (9%), Л.И.Брежнев (9%), Ю.В.Андропов (8%), Н.С.Хрущев (6%), М.С.Горбачев (6%), Б.Н.Ельцин (4%). За год на 5 п.п. выросла доля респондентов, считающих, что И.В.Сталин принес России наибольшую пользу и на 8 п.п. упала оценка полезности В.В.Путина. С декабря 2002 г. структура рейтинга политических лидеров по критерию полезности для России практически не менялась, за исключением третьего места. В течение семи лет уверенно лидировал В.В.Путин, второе место граждане отдавали И.В.Сталину. Однако еще годом

ранее, в 2000 г., первое место в рейтинге респонденты отводили И.В.Сталину, считая его деятельность наиболее полезной для России.

Таблица 12

**Мнение респондентов о политических деятелях России,
принесших ей наибольшую пользу и наибольший вред**
РФ, % от числа опрошенных

	1995, январь	1995, май	1997, август	2000, май	2000, декабрь	2002, декабрь	2003, октябрь	2006, январь	2008, февраль	2009, декабрь
Вариант ответа «Принес наибольшую пользу»										
Николай II	12	14	8	9	6	10	14	9	8	9
Керенский А.Ф.	3	2	2	1	1	1	1	2	1	1
Ленин В.И.	23	23	18	20	14	16	16	13	9	12
Сталин И.В.	15	19	18	25	24	23	22	21	14	19
Хрущев Н.С.	12	11	14	9	12	12	14	9	9	6
Брежнев Л.И.	10	9	8	9	12	12	10	10	10	9
Андропов Ю.В.	21	20	16	15	13	10	11	12	7	8
Черненко К.У.	0,6	3	1	1	0	1	1	0	1	1
Горбачев М.С.	8	9	9	9	6	13	9	8	9	6
Ельцин Б.Н.	5	12	12	7	5	6	6	3	5	4
Путин В.В.	-	-	-	12	11	28	36	30	51	43
Медведев Д.А.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	12
Никто из них	36	26	23	37	41	31	25	35	26	27
Вариант ответа «Принес наибольший вред»										
Николай II	4	6	5	7	6	4	6	7	5	6
Керенский А.Ф.	3	3	2	4	2	3	3	3	2	3
Ленин В.И.	24	22	23	20	21	20	24	20	18	18
Сталин И.В.	40	36	30	26	26	30	32	29	26	25
Хрущев Н.С.	5	13	9	8	9	8	7	8	10	8
Брежнев Л.И.	13	17	12	11	6	11	12	14	7	8
Андропов Ю.В.	0,5	2	1	1	1	1	1	2	1	3
Черненко К.У.	0,8	4	2	2	1	2	2	1	1	2
Горбачев М.С.	48	45	44	45	47	41	45	37	39	40
Ельцин Б.Н.	41	31	25	42	46	49	52	44	42	40
Путин В.В.	-	-	-	2	3	9	2	4	3	5
Медведев Д.А.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Никто из них	14	6	5	17	16	14	10	14	17	18

Примечание: (-) – альтернатива не входила в шкалу индикатора; сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько позиций.

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

По мнению большинства участников опроса декабря 2009 г., наибольший вред России принесли М.С.Горбачев (40%) и Б.Н.Ельцин (40%). Четверть респондентов считали, что наибольший вред принесла деятельность И.В.Сталина (25%). Около 18% россиян отметили В.И.Ленина как лидера, нанесшего России самый большой вред, и столько же респондентов не обвиняли в нанесении вреда никого из лидеров. Далее по убывающей следовали: Н.С.Хрущев (8%), Л.И.Брежнев (8%), Николай II (6%) и В.В.Путин (5%). Уверенно лидировали в этом рейтинге на протяжении всего периода измерений М.С.Горбачев и Б.Н.Ельцин. **С началом XXI века и с появлением новых политических лидеров установки россиян стали постепенно изменяться. Многие ценности и события, особенно в сознании младших возрастных когорт, замещались и трансформировались под воздействием господствующей политической пропаганды.**

Антагонизм, процессы отчуждения продолжают определять взаимоотношения власти и гражданского общества. Мнение респондентов о том, что сегодня российское государство выражает и защищает интересы богатых и бюрократии, по-прежнему является доминирующим (см. табл. 13).

Таблица 13

**Распределение ответов на вопрос:
«Чьи интересы, по Вашему мнению, выражает и защищает сегодня
российское государство?»
РФ, % от числа опрошенных**

	Богатых	Государственной бюрократии	Средних слоев	Всех граждан России	Бедных слоев	Затруднились ответить
2000, декабрь	46	44	8	9	1	9
2001, декабрь	40	38	6	9	0	21
2002, декабрь	61	54	7	6	1	10
2003, октябрь	53	54	8	9	1	13
2004, июнь	50	52	8	9	1	15
2005, сентябрь	54	52	8	8	1	15
2006, январь	50	51	8	10	0	12
2006, июнь	62	55	11	7	1	11
2007, январь	52	51	10	8	2	14
2008, февраль	49	42	11	12	2	14
2008, июнь	53	46	9	11	2	15
2009, июнь	47	44	9	12	2	18
2009, декабрь	46	44	7	12	1	18
2010, июнь	45	40	12	10	2	18

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Около 45% участников исследования в июне 2010 г. считали, что государство в большей степени заботится об интересах богатых; по мнению 40% респондентов, государство защищает интересы государственной бюрократии. Только 10% опрошенных уверены, что российское государ-

ство представляет интересы всех граждан, и примерно 12% россиян согласны с суждением, что власть выражает интересы средних слоев. Отметим, что 18% респондентов затруднились ответить. **Результаты антикоррупционной и антикризисной политики, проводимой государством, не вызвали значительного изменения во мнениях членов гражданского общества.** Пожалуй, единственной положительной тенденцией являлось некоторое сокращение числа респондентов, считающих, что власть защищает и выражает интересы богатых. По мнению большинства россиян, прошедшие в октябре 2009 г. выборы в местные и региональные органы власти не повысили доверия граждан и не способствовали укреплению российского гражданского общества (см. табл. 14).

Таблица 14

Считаете ли Вы, что прошедшие в октябре 2009 г. выборы в местные и региональные органы власти повысили доверие граждан к власти и способствовали укреплению гражданского общества в стране?
РФ, декабрь 2009 г., N=1848, % от числа опрошенных

Да, считаю	8
Нет, не считаю	58
Затруднились ответить	34

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Только около 8% участников опроса ответили, что октябрьские выборы повысили их доверие к региональным органам управления. Противоположную точку зрения имели 58% опрошенных. Достаточно большое число россиян (34%) затруднились с ответом на данный вопрос. **Таким образом, по мнению респондентов, прошедшие местные выборы не способствовали укреплению гражданского общества. Выборы как демократический процесс, посредством которого народ должен участвовать в управлении своего региона, по сути дела воспринимается гражданами как практика недемократического велегитимного назначения властной элиты.** Отметим, что в этом вопросе треть опрошенных не сформировали собственной точки зрения. Негативное отношение россиян к результатам прошедших в местные органы власти выборов тем не менее не влияет существенным образом на их оценки обеспечения государством основных норм жизни демократического общества, Конституции России. Последние измерения показали несколько позитивных экстремумов мнений респондентов по этому вопросу (см. табл. 15).

За весь период измерений достигли максимальных значений три индикатора: «равенство всех граждан перед законом» (18%), «личная безопасность» (21%), «соблюдение прав человека» (23%). Остальные индикаторы: «социальные гарантии» (32%), «свобода политического выбора» (55%), «терпимость к чужому мнению» (39%), «свобода слова» (50%) остались практически на прежнем уровне. **Как видно из приведенных выше данных, лучше всего выполнялась государством группа норм, связанная с обеспечением различного рода свобод. Предоставление данных норм не требует больших долгосрочных материальных вложений. В этом случае власть занимается регуляцией свобод путем их ограничения или предоставления возможности их расширения.**

Таблица 15

**Мнение респондентов об обеспечении государством
основных норм жизни демократического общества,
Конституции России
(вариант ответа «обеспечиваются»)
РФ, % от числа опрошенных**

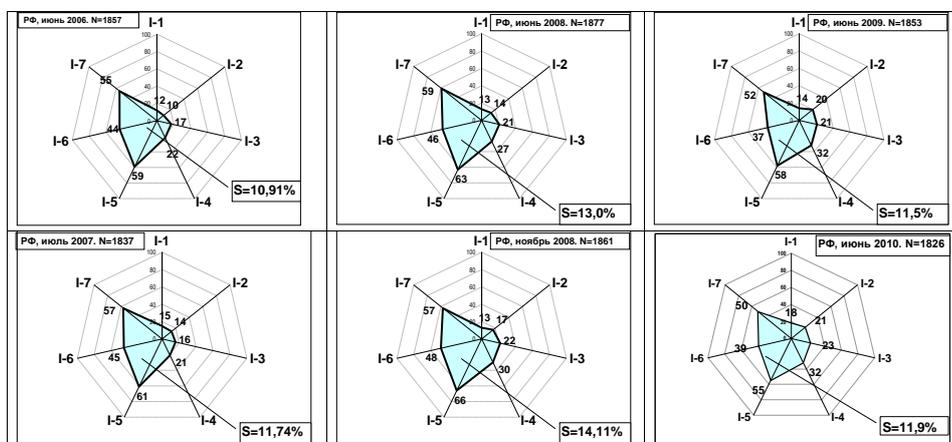
	Равенство всех граждан перед законом	Личная безопасность	Соблюдение прав человека	Социальные гарантии	Свобода политического выбора	Терпимость к чуждому мнению	Свобода слова
	I-1	I-2	I-3	I-4	I-5	I-6	I-7
1995, январь	11	4	12	12	59	35	52
1995, ноябрь	8	3	9	7	59	34	53
1997, август	9	6	13	8	65	41	54
1998, декабрь	9	6	8	4	55	32	49
1999, ноябрь	7	3	4	3	37	15	35
2000, май	11	11	14	12	62	40	52
2000, декабрь	11	10	13	11	57	38	47
2001, декабрь	9	7	13	12	61	40	48
2002, декабрь	10	9	13	11	65	40	51
2003, октябрь	11	6	10	15	58	39	57
2004, июль	11	9	15	14	61	39	52
2004, декабрь	9	7	10	11	47	26	39
2005, сентябрь	13	11	15	16	56	38	50
2006, январь	14	12	19	20	58	40	54
2006, июнь	12	10	17	22	59	44	55
2007, январь	12	14	17	21	61	39	56
2007, июль	15	14	16	21	61	45	57
2008, февраль	18	18	21	25	58	40	56
2008, июнь	13	14	21	27	63	46	59
2008, ноябрь	13	17	22	30	66	48	57
2009, июнь	14	20	21	32	58	37	52
2009, декабрь	14	19	22	33	56	41	51
2010, июнь	18	21	23	32	55	39	50

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Тригонометрическое агрегирование семи индикаторов в форме площади многоугольника, вычисленной на основе мнений граждан об обеспечении государством норм демократической жизни в обществе, по сути дела, даёт индекс – измерение потенциала гражданского, демократического общества. В июне 2010 г. он составил 11,93 (см. диаграммы 1–6).

Диаграммы 1–6

**Индексы обеспечения государством
норм демократической жизни в обществе**
РФ, % от числа опрошенных

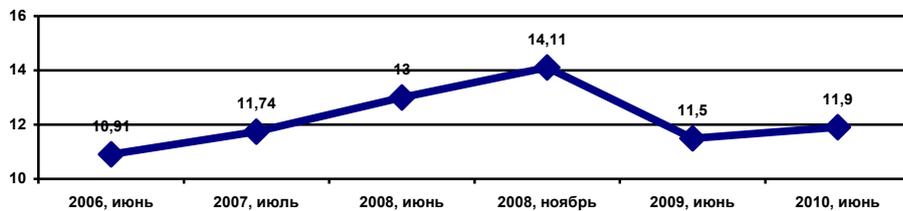

- И-1 – индикатор соблюдения равенства всех граждан перед законом
 - И-2 – индикатор соблюдения личной безопасности
 - И-3 – индикатор соблюдения прав человека
 - И-4 – индикатор соблюдения социальных гарантий
 - И-5 – индикатор соблюдения свободы политического выбора
 - И-6 – индикатор соблюдения терпимости к чужому мнению
 - И-7 – индикатор соблюдения свободы слова
- Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

По всей вероятности, изменчивость социально-политической ситуации в обществе коррелирует с волатильностью потенциала гражданского общества (см. график 2).

График 2

**Динамика индекса обеспечения государством
норм демократической жизни в обществе**

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

В среднем за 6 лет потенциал гражданского общества в России, измеренный таким образом, составил величину 12 п.п. Измерение потенциала гражданского общества в России можно производить и с помощью индекса, построенного путем агрегирования сложных индикаторов (см. табл. 16, график 3).

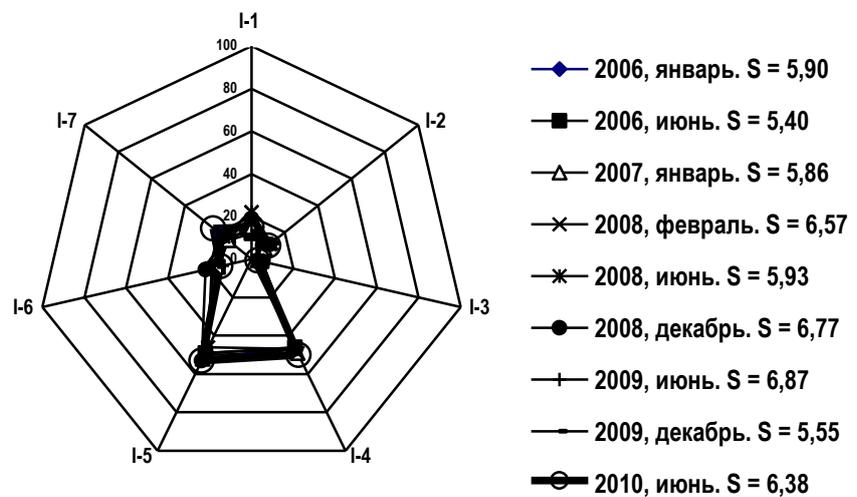
Потенциал гражданского общества в России
РФ, % от числа опрошенных

		2006, январь	2006, июнь	2007, январь	2008, февраль	2008, июнь	2008, декабрь	2009, июнь	2009, декабрь	2010, июнь
I-1	Индикатор соответствия экономических преобразований интересам большинства населения («Да, соответствуют»)	12	12	15	22	22	19	16	13	15
I-2	Индикатор выражения и защиты интересов всех граждан российским государством	10	7	8	12	11	11	12	12	10
I-3	Индикатор социальных результатов приватизации («От приватизации выиграло все общество»)	5	5	3	5	3	3	3	3	3
I-4	Индикатор социальной самоидентификации (7 признаков: образование, профессия, квалификация, работа, денежный доход, качество жизни, участие в политической жизни)	46	46	49	49	47	47	47	47	50
I-5	Индикатор классовой самоидентификации (самоидентификация респондента со средним классом)	52	49	52	50	46	53	53	49	53
I-6	Индикатор самооценки денежных доходов населения («обеспеченные» граждане)	16	16	16	18	19	22	14	16	15
I-7	Индикатор охраны прав и свобод граждан	18	14	14	17	17	17	17	16	23
Величина потенциала гражданского общества		5,90	5,40	5,86	6,57	5,93	6,77	5,87	5,55	6,38

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

График 3

Потенциал гражданского общества в России

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

В этом случае используются значения индикаторов, отражающих мнения респондентов о положении дел в ключевых сферах жизнедеятельности общества. Измерения производятся в контексте актуальных событий, определяющих характер и потенциал гражданского общества в нашей стране. В этой методике измерения значение потенциала составляет в среднем 6 п.п.

Состояние гражданского общества в значительной мере зависит от распространения и интенсивности проявления противоречий и неприязни в социуме. Нормальное функционирование предполагает их минимизацию и оптимизацию до бесконфликтного уровня по мере появления социальных условий для появления новых противоречий. Социологическое измерение мнений по альтернативе «противоречия и неприязнь значительны в современном российском обществе» дало следующую картину распределения мнений (см. табл. 17).

Таблица 17

Мнение респондентов о том, насколько значительны сегодня противоречия и неприязнь в современном российском обществе (альтернатива «значительны»)
РФ, % от числа опрошенных

Противоречия между:	Значительны			
	2005 июнь	2006, июнь	2008, июль	2010, июнь
Бедными и богатыми	72	84	77	71
Низшими и высшими классами	63	76	69	65
Народом и властью	62	69	57	63
Работодателями и работниками	44	53	40	50
Начальниками и подчиненными	37	47	35	46
Людьми различных национальностей	*	*	44	43
Младшим и старшим поколениями	27	40	36	37
Предпринимателями и чиновниками	36	37	31	35
Верующими различных религий	25	32	26	29
Верующими и неверующими	13	19	16	23

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Российские граждане считают, что сегодня противоречия и неприязнь значительны: между бедными и богатыми (71%), низшими и высшими классами (65%), народом и властью (63%), работодателями и работниками (50%), начальниками и подчиненными (46%), людьми различных национальностей (43%), младшим и старшим поколениями (37%), предпринимателями и чиновниками (35%), верующими различных религий (29%), верующими и неверующими (23%).

Измерение по альтернативе «сегодня противоречия и неприязнь в современном российском обществе не значительны» показало несколько другое распределение (см. табл. 18).

**Мнение респондентов о том, насколько значительны сегодня
противоречия и неприязнь в современном российском обществе
(альтернатива «не значительны»)**

РФ, % от числа опрошенных

Противоречия между:	Не значительны			
	2005, июнь	2006, июнь	2008, июнь	2010, июнь
Верующими и неверующими	64	54	59	55
Младшим и старшим поколениями	59	47	51	49
Верующими различных религий	44	35	40	41
Начальниками и подчиненными	45	35	45	34
Людьми различных национальностей	*	*	29	34
Работодателями и работниками	39	30	43	30
Предпринимателями и чиновниками	32	32	36	30
Народом и властью	22	18	32	24
Низшими и высшими классами	19	13	18	18
Бедными и богатыми	18	10	16	16

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Противоречия не значительны: между верующими и неверующими (55%) младшим и старшим поколениями (49%), верующими различных религий (41%), начальниками и подчиненными (34%), людьми различных национальностей (34%), работодателями и работниками (30%), предпринимателями и чиновниками (30%), народом и властью (24%), низшими и высшими классами (18%), бедными и богатыми (16%).

Любое современное государство имеет перед обществом императивные, закреплённые в конституции, обязанности по обеспечению гарантий прав и свобод человека и гражданина. Что думают российские граждане об их выполнении в нашем обществе (см. табл. 19).

Наибольших успехов, по мнению граждан, государство добилось в выполнении следующих гарантий прав и свобод: право на выбор профессии (63%), право на отдых (56%), право на социальное обеспечение и пенсию (54%). Далее мнения распределились в следующем порядке: право на получение информации (52%), защита государством материнства и детства (46%), свобода мысли и слова (45%), право на охрану здоровья и медицинскую помощь (36%), право на судебную защиту прав и свобод гражданина, право на охрану здоровья и медицинскую помощь и право на бесплатное образование (27%), право на жилье (23%), право на благоприятную окружающую среду (21%), равенство перед законом и судом (18%).

Мнения граждан о невыполнении государством конституционных гарантий прав и свобод граждан приняли другой порядок: равенство перед законом и судом (69%), право на выбор профессии (63%), право на жилье (58%), право на бесплатное образование (57%), право на благоприятную окружающую среду (51%), право на охрану здоровья и медицинскую помощь (48%), право на судебную защиту прав и свобод гражданина (46%), свобода мысли и слова (33%), защита государством материнства и детства (31%), право на социальное обеспечение и пенсию (29%), право на получение информации (25%), право на отдых (23%).

Таблица 19

**Оценка респондентами выполнения российским государством
своих обязанностей по обеспечению гарантий прав и свобод
человека и гражданина**
РФ, % от числа опрошенных

		Выполняет					Не выполняет					Затруднились ответить							
		2006, июнь	2007, январь	2007, июнь	2008, июль	2009, декабрь	2010, июнь	2006, июль	2007, январь	2007, июль	2008, июль	2009, декабрь	2010, июнь	2006, июнь	2007, январь	2007, июль	2008, июль	2009, декабрь	2010, июнь
I-1	Равенство перед законом и судом	15	13	14	13	14	18	72	78	73	75	74	69	13	9	13	12	12	13
I-2	Свобода мысли и слова	48	48	51	52	49	45	32	31	33	23	31	33	20	20	16	25	20	22
I-3	Право на выбор профессии	61	62	62	67	64	63	25	23	25	16	22	22	14	15	13	17	14	15
I-4	Право на получение информации	53	53	49	50	50	52	25	25	27	23	26	25	22	22	24	27	24	23
I-5	Право на отдых	46	52	48	55	56	56	37	31	31	23	24	23	17	18	21	22	20	21
I-6	Защита государством материнства и детства	24	29	32	35	43	46	58	54	45	37	34	31	18	17	23	27	24	23
I-7	Право на социальное обеспечение и пенсию	39	36	30	40	49	54	48	50	48	39	33	29	13	13	22	21	18	17
I-8	Право на жилье	12	15	13	13	16	23	71	70	69	65	59	58	17	14	18	22	25	19
I-9	Право на охрану здоровья и медицинскую помощь	25	25	20	24	31	36	64	64	66	57	51	48	11	12	14	18	18	16
I-10	Право на благоприятную окружающую среду	11	12	9	11	18	21	66	67	70	69	56	51	23	21	21	20	26	28
I-11	Право на бесплатное образование	14	20	14	19	25	27	76	68	72	68	58	57	10	12	14	13	18	16
I-12	Право на судебную защиту прав и свобод гражданина	23	24	19	21	29	27	55	56	56	53	44	46	22	20	25	26	27	27

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Политика власти в различных сферах (социальной, образовательной, экологической, медицинской, отчасти правовой) начинает вызывать одобрение граждан. Тем не менее, данные мониторинга показали, что граждане в своем большинстве все же считают, что власти скорее не обеспечивают гарантий прав и свобод в данных областях.

Анализируя спектр мнений респондентов о выполнении государством своих основных обязанностей перед обществом, отметим, что граждане имели более четко сформировавшееся мнение о политике государства в области внутренней жизни страны (см. табл. 20).

Таблица 20

**Мнение респондентов о выполнении государством
своих основных обязанностей перед обществом**
РФ, % от числа опрошенных

Основные обязанности государства перед обществом	Выполняет					Не выполняет					Затруднились ответить							
	2006, июнь	2007, январь	2008, февраль	2008, июнь	2009, декабрь	2010, июнь	2006, июнь	2007, январь	2008, февраль	2008, июнь	2009, декабрь	2010, июнь	2006, июнь	2007, январь	2008, февраль	2008, июнь	2009, декабрь	2010, июнь
Регулирование производства и распределения товаров и услуг	27	26	29	26	23	28	43	46	39	35	42	37	30	28	32	39	35	35
Обеспечение достойной жизни и всестороннего развития граждан	7	8	13	10	9	14	82	81	74	75	72	70	11	10	13	15	19	16
Развитие науки, культуры и образования	25	32	37	33	38	34	54	44	41	38	36	37	21	24	23	29	26	29
Охрана природы и использование ресурсов	13	14	15	11	18	22	66	68	67	66	57	51	21	18	18	23	25	27
Налогообложение и взимание налогов	58	58	57	57	56	54	18	23	20	15	20	22	24	19	23	28	24	24
Охрана прав и свобод граждан, прав собственности, правопорядка	14	14	17	17	16	23	66	67	61	61	64	54	20	19	22	23	23	23
Оборона страны	48	57	56	63	56	58	23	19	18	12	21	19	29	24	26	26	23	23
Обеспечение мира и поддержание мирового порядка	45	49	53	51	53	54	19	18	17	12	17	18	36	32	30	36	30	28
Сотрудничество и укрепление связей с СНГ	40	40	42	43	45	54	22	21	21	13	20	15	38	39	37	44	25	31
Защита жизни и прав соотечественников за границей	12	14	14	16	21	25	44	43	47	33	32	30	44	42	39	50	47	45
Интеграция в мировую экономику	25	33	33	31	34	32	14	16	14	13	16	16	61	50	53	56	50	52
Международное сотрудничество в решении глобальных проблем	34	43	43	38	45	41	14	12	11	10	12	14	52	45	46	52	43	45

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

По данным июньского исследования 2010 г., большинство респондентов считали, что государство лучше всего выполняло свои обязанности по обороне страны (58%), налогообложению и взиманию налогов, обеспечению мира и поддержанию мирового порядка, сотрудничеству и укреплению связей с СНГ (по 54%). 41% опрошенных отметили, что власть обеспечивала международное сотрудничество, около 34% граждан обратили внимание на успешное выполнение российским государством обя-

занностей по развитию науки, культуры и образования и 32% – по интеграции в мировую экономику. По оценкам участников опроса, наихудшим образом государство выполняло обязанности по регулированию производства и распределения товаров и услуг (28%), защите жизни и прав соотечественников за границей (25%), охране прав и свобод граждан, прав собственности, правопорядка (23%), охране природы и использования ресурсов (22%) и обеспечению достойной жизни и всестороннего развития граждан (14%). **Более половины респондентов отметили успешное выполнение государством обязанностей по обеспечению мирового порядка и обороны страны. Данные индикаторы отражают внешнюю политику страны. Однако выполнение государством обязанностей по обеспечению порядка и безопасности внутри страны у граждан вызывает сомнение.**

По результатам последнего исследования зафиксированы критические значения показателей невыполнения властью обязательств по обеспечению условий для достойной жизни и всестороннего развития личности (70%), охраны прав и свобод граждан, прав собственности, правопорядка (54%), охраны природы и использования ресурсов (51%). **В целом, выполнение российским государством обязанностей, связанных с развитием и охраной человеческих и природных ресурсов, находилось на низком уровне.**

Отдельно отметим тот факт, что свыше половины опрошенных затруднились с оценкой деятельности государства по индикаторам интеграции в мировую экономику (52%), защиты жизни и прав соотечественников за границей, международное сотрудничество в решении глобальных проблем (по 45%). **В целом, внешняя политика и вопросы глобализации в меньшей степени волновали россиян.**

Выводы

В череде пореформенных лет 2009 и 2010 гг. оказались для российского общества и государства одними из самых неблагоприятных. На них выпал апогей экономического кризиса, который пришел в нашу страну из-за рубежа и последствия которого создали в российском социуме новый момент истины. Во всех своих слоях, стратах, классах и сообществах российский социум под воздействием внешних причин ускоренно переосмысливал и переоценивал сложившийся за время либеральных реформ материально-технический, технологический, социальный базис и стратегические перспективы своей жизни и гражданского развития.

Следует подчеркнуть, что на всем протяжении кризисных лет продолжало действовать фундаментальное социально-политическое противоречие между интересами общества и государства. Большинство российских граждан продолжали считать, что проводимые государством экономические преобразования не отвечают интересам большинства населения страны. В то же время социологические измерения показывают, что непонимание и отчужденность общества и государства в вопросах антикризисных мер скорее уменьшается, чем увеличивается. Для российского

общества кризис оказался не столь масштабным и глубоким, как его драматически представляли все СМИ независимо от политических и идеологических ориентаций. В стратегическом плане это означает, что уровень гражданского потенциала общества, усилия граждан и политиков оказались достаточными для того, чтобы выйти из кризиса без критически-массовых социальных протестов и забастовок.

Экономический кризис обострил тревожные настроения граждан по поводу материального положения и, в то же время, негативно отразился на общей духовно-нравственной атмосфере в стране, актуализировал тревоги граждан, связанные с ростом преступности, произволом чиновников, личной безопасностью, алкоголизмом, наркоманией. Российское правительство проспало приход кризиса в страну на иллюзиях якобы созданных в РФ стратегических «подушек безопасности». Когда разразился мировой кредитный кризис и возникли угрозы развала банковской системы, правительство, вспомнив кошмар 1998 г., бросилось спасать российские банки. Массовое сознание, наблюдая, как российские банкиры и финансисты за свою некомпетентность и жадность получали от государства, а по сути дела, от общества, баснословные премии, умножая свои личные состояния, а не работая на общее благо, все больше склонялось к мнению: «Кому война, а кому – мать родна». Тем не менее, мобилизовав на полную мощь пропагандистские, экономические, политические и социальные институты и инструменты, правительству удалось купировать тревоги населения по поводу материальных лишений и потерь, не произошло их перерастания в массовую панику и гражданский протест. Общество достаточно спокойно прошло через кризисный период, вспомнив практики выживания прошлых лет.

Однако такая толерантная реакция на кризис не означает, что социум не был наполнен критическими настроениями и пассивен в протестных действиях. Как указывалось выше, в своем большинстве российское общество по-прежнему считает, что проводимые экономические преобразования не отвечают интересам большинства населения, а почти половина опрошенных граждан считали недостаточно эффективной программу антикризисных мер Правительства России.

Индикаторы протестной активности не показывали резкого роста значений, хотя каждый десятый гражданин был готов в случае необходимости взять в руки оружие, а треть респондентов в своих ответах указали, что они готовы к активным гражданским действиям в защиту своих интересов. Трудно ожидать снижения критических настроений граждан на фоне сообщений об удвоении состояния «золотой сотни» – богатейших предпринимателей России.

Объективные экономические индикаторы показывают, что российская экономика начинает выходить из кризиса. Субъективные показатели, как показывают наши последние измерения, представленные выше, также зафиксировали сдвиг настроений в позитивную сторону. Однако фундаментальные социально-политические противоречия не устранены. Государство так и не дало ясных сигналов обществу о своих намерениях проводить реформы в интересах большинства членов общества. Во всяком случае в многочисленных заявлениях официальных лиц общество так и

не нашло ответов когда и как будет улучшаться положение большинства граждан, продолжающих испытывать материальные трудности. Большая часть граждан страны продолжают не доверять государству, большинству его политических институтов и проводимой политике, результирующей в стесненном и бедственном положении населения. Необходим решительный перелом в первую очередь в сфере наращивания мотивации труда, создания новых рабочих мест. Фундаментальное социально-политическое противоречие между результатами политической практики государства и актуальными и коренными интересами общества остается главной движущей силой существующего в стране конфликта, который может обостряться или затухать по мере складывающейся конъюнктуры.

Российское общество выходит из мирового экономического кризиса нулевых годов, получив еще один урок жизни и усвоив новые знания, которые избавляют его от очередных иллюзий и миражей на вечной дороге к совершенному гражданскому обществу, представляющему и защищающему всех без исключения членов социума.

© Левашов В.К., Шушпанова И.С., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., 2010

С.В.Рязанцев

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ: УСПЕХИ И НЕУДАЧИ¹

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич – доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра Института социально-политических исследований РАН.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности демографической ситуации в России, в том числе на региональном уровне. Приводятся оценки последних мер демографической политики, реализованных в стране в 2007–2010 гг. Предложены рекомендации по развитию мер демографической политики в России.

Ключевые слова: демографическая ситуация, рождаемость, смертность, миграция, демографическая политика.

Демографическая ситуация в глобальном контексте

Мировое население на протяжении 2000-х гг. продолжало интенсивно увеличиваться. Согласно данным ООН в 2007 г. оно составило 6,6 млрд человек, в том числе 82% жили в развивающихся странах и только 18% – в экономически развитых государствах. Сейчас наиболее населенными регионами мира являются Азия (около 4 млрд человек) и Африка (1 млрд человек). В числе пятнадцати стран-лидеров по численности населения насчитывалось 11 развивающихся стран, в том числе наиболее крупными являются Китай и Индия, в которых живут более 1 млрд человек. Также огромное население сосредоточено в Индонезии, Бразилии, Нигерии, Мексике, Филиппинах, Вьетнаме и Эфиопии.

¹ Исследование проведено в рамках проекта РФФИ № 09-06-00193-а.

В условиях ограниченности природных ресурсов и отсутствия свободных земель во многих развивающихся странах растет плотность населения, все острее ощущается нехватка жилья, воды и продовольствия, распространяются заболевания. Демографические прогнозы свидетельствуют о том, что в ближайшей перспективе демографические диспропорции в мире будут нарастать. Будет происходить увеличение доли населения в развивающихся странах, а в развитых государствах сокращаться. В 2050 г. в развивающихся странах будет проживать уже более 86% населения мира.

В самых бедных из развивающихся стран в ближайшие двадцать лет население может удвоиться за счет высокой рождаемости. Самой крупной из экономически развитых стран по численности населения являются США (304 млн человек), здесь также отмечается менее интенсивный, но рост населения, как за счет естественного движения, так и за счет миграции. Благодаря восходящей динамике численности населения США сохранят третье место в мире по численности населения вплоть до 2050 г. Во многих экономически развитых странах численность населения начала сокращаться или начнет сокращаться в обозримой перспективе. Например, в Японии население сократится на 16 млн человек в ближайшие двадцать лет. Аналогичные тенденции отмечаются в странах Западной Европы. Например, население Германии уменьшится на 4 млн человек. Также сократится население в Австрии, Бельгии, Финляндии, Франции, Греции, Италии, Нидерландах, Португалии, Испании, Швейцарии. Конечно, в некоторых из экономически развитых стран будет отмечаться небольшой рост населения (например, в Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, Дании, Исландии, Ирландии, Израиле, Люксембурге, Мальте, Норвегии, Сингапуре, ЮАР и Швеции). Однако в целом в экономически развитых странах численность населения будет сокращаться, что вызвано сокращением рождаемости.

В настоящее время Россия является самым крупным государством в мире и занимает площадь более 17 млн. кв. км. Являясь самой большой страной по площади в мире, Россия в последнее время существенно сдает свои позиции по численности и качеству населения. Население России в настоящее время стремительно сокращается. По данным 2007 г. Россия занимает 9-е место в мире по численности населения (142 млн человек). При сохранении сложившихся демографических тенденций. В 2050 г. Россия будет занимать 17-е место с населением 112 млн человек, пропустив Мексику, Филиппины, Вьетнам, Эфиопию и некоторые другие страны. Расчеты показывают, что на территории России при равномерном расселении в благоприятных районах комфортно могло бы разместиться не менее 500 млн человек. Для России сокращение населения чревато, прежде всего, геополитическими рисками. Слабозаселенные регионы Дальнего Востока и Сибири удерживать в составе страны будет очень сложно, в условиях, когда рядом находятся очень крупно населенные страны (прежде всего, Китай), которые будут нуждаться в ресурсах и новых территориях. Имеются экономические аспекты этой проблемы – страну может ожидать дефицит трудовых ресурсов, сокращение призывников, школьников и студентов, интенсивное старение населения. Наконец, численность и качество населения определяют место страны в мировом рейтинге.

Региональные особенности демографических процессов в России

В настоящее время территория России по результативности демографических процессов разделилась на два неравномерных ареала. Первый ареал – территории сокращения численности населения, в которых демографические процессы усугубляют проблемы недостатка трудовых ресурсов на рынках труда. В этом ареале находится по итогам 2008 г. 59 субъектов федерации, т.е. большая часть территории России. Максимальное число регионов, в которых сокращалось население, пришлось на 1999 г. – их число составило 81. Надо отметить, что с тех пор и количество регионов в России сократилось из-за административно-территориальных преобразований (в настоящее время их 83, а несколько лет назад их было 89). По сравнению с 2006 г. количество таких регионов несколько сократилось за счет перехода ряда территорий к росту населения и за счет сокращения количества территорий (административных преобразований). Отчасти это свидетельствует об определенных успехах в демографической сфере на региональном уровне, но насколько убедительны эти успехи и устойчива тенденция перехода от убыли к росту населения пока судить трудно.

Сокращение численности населения происходит за счет различных компонентов. Первый тип – это территории абсолютной демографической депрессии, в которых отмечается естественная и миграционная убыль населения одновременно. В их число в 2007 г. входили 24 территории. Ареал абсолютной демографической депрессии охватил многие субъекты федерации на Дальнем Востоке, в южной части Сибири, на Северо-западе, на Северном Кавказе, в Поволжье, в Центральной России. Например, Центральная Россия стала «демографической ямой» в мировом масштабе, поскольку сокращение населения в некоторых субъектах весьма интенсивно. В данную зону входят такие области как Смоленская, Тамбовская, Костромская области. Сокращение населения в этом регионе происходит за счет естественной убыли населения, поскольку смертность значительно превышает рождаемость. А также свою лепту вносит миграционный отток населения, который ориентирован на Москву и Московскую область. В Сибири и на Дальнем Востоке в зону демографической депрессии входят Приморский, Алтайский, Иркутская, Магаданская и Сахалинская области. Сокращение численности населения во многих из перечисленных регионов создает реальные предпосылки для «замещающей» миграции в данные регионы из Китая. В ареал абсолютной демографической депрессии входят также территории Юга России (Волгоградская и Ростовская области), Поволжья и Урала (Коми, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Пермский край, Ульяновская, Кировская, Курганская, Омская и Оренбургская области), Севера и Северо-запада России (Архангельская, Магаданская, Мурманская и Псковская области). Для многих приграничных территорий страны имеет огромное значение сохранение численности и состава российского населения, что связано напрямую с геополитической безопасностью и территориальной целостностью страны.

Второй тип регионов в ареале сокращения численности населения – это районы относительной демографической депрессии, которая может быть обусловлена одним из демографических компонентов – убылью на-

селения либо в результате миграционного оттока, либо в результате естественной убыли населения. В 2007 г. к этому виду территорий относились 36 субъектов федерации. Однако они не являются однородными с точки зрения компонентов, обуславливающих сокращение численности населения. Среди них можно выделить два подтипа.

В 30 регионах России в настоящее время отмечается значительная естественная убыль населения, которая не перекрывается положительным миграционным приростом. В их числе регионы, расположенные на Северном Кавказе (Адыгея), в Центральной России (Брянская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Калужская, Липецкая, Орловская, Рязанская, Тверская, Тульская и Ярославская области), в Северо-западном регионе (Карелия, Вологодская, Ленинградская и Новгородская области, город Санкт-Петербург), на Урале (Свердловская и Челябинская области), в Поволжье (Пензенская, Самарская, Саратовская и Нижегородская области), в Сибири (Красноярский край, Кемеровская и Новосибирская области), на Дальнем Востоке (Хабаровская область и Еврейская автономная область). Данная группа регионов очень нестабильна – некоторые из них переходят к категории регионов с убылью населения за счет двух компонентов – естественного и миграционного прироста.

В 2007 г. всего в 6 субъектах федерации отмечалось общее сокращение населения за счет миграционного оттока, превышавшего положительный естественный прирост. В большинстве своем, это национальные административные образования, расположенные на Северном Кавказе, в Сибири и на Дальнем Востоке: Бурятия, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Камчатский край, Читинская область, Чукотский автономный округ. В сравнении с концом 1990-х гг. количество таких территорий сократилось, также несколько изменился их состав, но в большинстве своем эту группу составляли именно национальные образования. Подобная результативность демографических процессов обусловлена особенностями этнических процессов на данных территориях, которая предопределяет миграционный отток русского населения из регионов. Потенциально данный тип регионов может перейти к позитивной демографической динамике при сокращении масштабов выезда русского населения.

Второй ареал – территории увеличения численности населения, в которых демографические процессы обеспечивают региональные рынки труда достаточным количеством трудовых ресурсов или формируют их избыток. В 2008 г. в этот ареал попали 24 субъекта федерации, в то время как в 2005 г. их было всего 11. Группа этих регионов также неоднородна, в ней следует выделить два подтипа.

Во-первых, это районы абсолютного демографического благополучия, в которых отмечается рост населения за счет двух компонентов – миграции и естественного движения населения. Их число остается практически стабильным – в 1999 г. было 7, в 2008 г. – 6 территорий. На Северном Кавказе в данную группу вошла Ингушетия – республика, которая приняла значительное количество вынужденных мигрантов из соседней Чечни и при этом сохраняет достаточно высокие показатели рождаемости. Остальные территории располагаются в Сибири – это Ханты-Мансийский автономный округ, республики Алтай, Хакасия и Тюменская область.

Большинство из сибирских регионов остаются привлекательными в миграционном отношении из-за высокого уровня социально-экономического развития. При этом здесь рождаемость превышает смертность, что не свойственно общероссийской ситуации. В этом заслуга мер демографической политики – например, Ханты-Мансийский автономный округ одним из первых в стране принял концепцию демографической политики и начал реализацию мер в этой сфере.

Во-вторых, районы относительного демографического благополучия, в которых отмечается рост населения, но за счет только одного из демографических компонентов. Всего таких регионов в 2008 г. было 18, в то время как в конце 1990-х гг. насчитывалось 16. Определенную роль принесли меры демографической политики, реализованные в ряде территорий России. Территории разные по структуре процессов, но сходны по результативности – здесь сохраняется рост населения.

В 7 территориях естественный прирост превышает миграционный отток. Это возможно за счет высокой рождаемости, которая сохраняется на относительно более высоком уровне и обеспечивает как минимум простое, а иногда слаборасширенное воспроизводство населения. В число данных регионов входят Бурятия, Дагестан, Кабардино-Балкария, Тыва, Чеченская Республика, Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа.

В 11 российских территориях миграционный прирост обуславливает рост населения, при этом здесь отмечается естественная убыль населения. В конце 1990-х гг. таких субъектов было гораздо больше – 12. По итогам 2008 г. в перечень вошли Адыгея, Башкортостан, Татарстан, Краснодарский край, Ставропольский край, Белгородская область, Московская область, Новосибирская область, Томская область, Москва, Санкт-Петербург. Общий прирост населения, обеспечиваемый здесь только миграцией, которая связана с высоким уровнем заработной платы, развитостью инфраструктуры и удобством жизни.

Подобная динамика демографических процессов привела к усилению тенденции сокращения численности населения в восточной части России. Расчеты показывают, что население Сибири с 1996 г. по 2007 г. сократилось почти на 1,5 млн человек, Дальнего Востока – почти на 1 млн человек. Напротив, растет концентрация населения в европейской части страны: население Московского региона увеличилось за указанный период почти на 2 млн человек, Северного Кавказа – на 1 млн человек. В сочетании с ростом экономических диспропорций подобные демографические тенденции могут привести к серьезным геополитическим последствиям, вплоть до потери территорий на востоке страны.

Оценка эффективности последних мер демографической политики в России

В последнее время все чаще из официальных источников звучит, что демографическая ситуация в России изменилась в лучшую сторону, растет рождаемость и сокращается смертность. Действительно, нужно признать, что власти Российской Федерации, в последнее время уделяли определенное внимание решению демографических проблем.

В Послании Президента России В.В.Путина Федеральному Собранию 10 мая 2006 г. демографическая проблема была названа «самой острой проблемой современной России», а демографическая ситуация критической. Советом Безопасности Российской Федерации 20 июня 2006 г. был принят комплекс мер демографической политики, имевших определенный эффект. В частности, в 2007 г. была утверждена Концепция демографической политики Российской Федерации до 2025 г., в которой были прописаны стратегические направления действий в этой сфере.

С 2007 г. началась реализация программы стимулирования рождаемости. Наиболее важной мерой программы являются введение материнского (семейного) капитала и ежемесячное пособие по уходу за ребенком до полутора лет. Впервые в новейшей истории России эти меры стали учитывать очередность рождения детей, они были направлены на поддержку семей с несколькими детьми, стимулирование вторых и последующих рождений, что важно для обеспечения воспроизводства населения.

С 2007 г. реализуется программа «Дети России», состоящая из трех подпрограмм: «Здоровое поколение», «Одаренные дети», и «Дети и семья». Приоритетные национальные проекты «Качественное здравоохранение», «Современное образование», «Доступное и комфортное жилье – жителям России» также нацелены на решение актуальных проблем населения и семей. В рамках национального проекта «Качественное здравоохранение» были существенно увеличены затраты на высокотехнологические виды медицинской помощи, на родовспоможение, на оказание первичной медицинской помощи, предотвращение внешних причин смертности.

Также с 2007 г. реализуется Государственная программа стимулирования возвращения в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом.

2008 год был объявлен в России годом семьи, в рамках которого были проведен комплекс мероприятий на федеральном и региональном уровнях в области поддержки семьи. В некоторых регионах страны были проведены подобные акции. Например, 2006-й год был объявлен годом отца в Липецкой области.

С 2009 г. реализуются меры направленные на формирование здорового образа жизни, борьбу с курением табака и потреблением алкоголя. Многими субъектами Российской Федерации в дополнение к федеральным мерам были приняты и реализуются региональные концепции и программы демографического развития.

В результате, меры демографической политики имели определенный эффект для России: число умерших за период 2006–2008 г. сократилась на 228 тыс. человек с 2304 тыс. до 2076 тыс. человек; продолжительность жизни населения выросла на 1,8 года с 72,4 до 74,2 года; число родившихся выросло на 257 тыс. человек с 1457 тыс. до 1714 тыс. человек; миграционный прирост увеличился на 102 тыс. человек со 155 тыс. до 257 тыс. человек; количество российских регионов с ростом населения увеличилось с 15 до 24. Но эти очевидные успехи не могут и не должны успокаивать руководство страны, поскольку в демографической сфере России по-прежнему остается достаточно много проблем, требующих решения, а позитивные тенденции, обозначившиеся в последнее время, еще очень неустойчивы и требуют закрепления.

Во-первых, демографический кризис в России имеет огромные масштабы, системный характер и глубокие социальные причины. За период 1992–2008 гг. население Российской Федерации сократилось на 8,2 млн гативными социальными факторами: бедность и коррупция, безработица и низкая оплата труда, отсутствие социальной защищенности и уверенности в «завтрашнем дне», разрушение семейных ценностей и недоступность медицинских услуг, деградация моральных устоев и распространение асоциальных форм поведения. Согласно рейтингам международных сопоставлений по уровню потребления алкоголя Россия занимает 22-е место в мире, по уровню жизни – только 65-е место в мире (между Ливией и Македонией), по индексу восприятия коррупции – 143-е место (между Индонезией и Того), по уровню бедности – 95-е место в мире (между Индией и Алжиром). По методологии МОТ в 2009 г. в стране насчитывалось 6,3 млн безработных (уровень безработицы в России составлял 8,6% экономически активного населения). Социальные факторы накладывают существенный отпечаток на демографическое поведение населения. В результате социологического опроса ВЦИОМ были выявлены три ключевых помехи к рождению детей в России: материальные проблемы (59% россиян), жилищные проблемы (42%) и страх за будущее своих детей (30%)¹.

Во-вторых, абсолютное число рождений по-прежнему ниже, чем абсолютное число смертей, что приводит к убыли населения в результате естественного движения населения. В 2008 г. убыль российского населения составила 363 тыс. человек, даже положительный миграционный прирост в объеме 256 тыс. человек не смог «перекрыть» естественной убыли. В итоге население России сократилось в 2008 г. сократилось на 107 тыс. человек. Сокращение населения охватывало более 70% регионов страны. С 2006 г. по 2008 г. Сибирь потеряла 1,5 млн, Дальний Восток – 1,1 млн человек. Еще более значительными стали демографические потери в «сердце» России – Центральный федеральный округ за исключением Москвы и Московской области потерял около 2,4 млн человек. Снижение численности населения в приграничных регионах может привести к утрате части территорий государства, которые без населения удерживать и развивать невозможно.

В-третьих, рождаемость остается ниже простого воспроизводства и ниже уровня, необходимого для выхода на нулевой естественный прирост (1,81). По-прежнему Россия существенно отстает от многих не только экономически развитых, но и даже развивающихся государств по многим демографическим показателям. Например, по ожидаемой продолжительности жизни Россия занимает только 162-е место в мировом рейтинге (между Гренадой и Бутаном), по суммарному коэффициенту рождаемости – только 194-е место в мире между Болгарией и Германией (1,41 ребенка на одну женщину). Напротив очень высоко стоит по таким показателям как коэффициент смертности – на 16-ом месте в мире (между Чадом и Мали) – 16,1 смертей на 1 тыс. жителей.

В-четвертых, несмотря на последние положительные демографические тенденции, возрастная структура населения России продолжает ухуд-

¹ Всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 20–21 мая 2006 г. Опрошено 1594 человека в 153 населенных пунктах в 46 субъектах Российской Федерации. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.

шаться – сокращается доля людей трудоспособного и репродуктивного возраста. Например, доля 20–29-летних женщин (активный репродуктивный потенциал) составляет 8,6%, в общей численности населения, по прогнозным оценкам сократится до 7,3% (к началу 2015 г.), до 5,4% (к началу 2020 г.), до 5% (к началу 2025 г.). Наиболее интенсивно сокращение женщин репродуктивных возрастов будет происходить с 2012 г. по 2021 г., что приведет к снижению рождаемости.

С 2006 г. абсолютная численность населения в трудоспособном возрасте начала сокращаться. Например, за 2008 г. она сократилась на 800 тыс. человек. В ближайшие двадцать лет численность трудоспособного населения сократится на 16 млн человек. Сокращающаяся численность молодежи, вступающей в трудоспособный возраст в 2006–2025 гг. возместит убыль рабочей силы только наполовину. Наиболее интенсивно сокращение численности трудоспособного населения будет происходить в 2011–2015 гг. (40% всех потерь двадцатилетия). Потери ВВП от уменьшения трудовых ресурсов в 2007 г. составят 250 млрд руб., страна недополучит около 75 млрд руб. налоговых поступлений. За период 2007–2025 гг. суммарные потери ВВП составят 102 трлн руб., потери налоговых поступлений – 30,7 трлн руб. С 2013 г. потери налоговых поступлений составят 730 млрд руб., т.е. превысят величину предлагаемых расходов на повышение рождаемости и сокращение смертности.

С 2010 г. также будет расти пенсионная нагрузка: если сейчас на 1000 трудоспособных приходится 322 пенсионера, то к 2025 г. – 506, а к 2050 г. число пенсионеров и трудоспособных сравняется. Будут расти затраты на пенсионное обеспечение и социальные расходы стареющего населения. Дефицит Пенсионного фонда в 2010 г. может составить 900 млрд, а к 2015 г. – до 2 трлн руб., что превысит доходы фонда.

В-пятых, общие затраты государства на реализацию мер демографической политики в России составляют около 220 млрд руб., или 0,7% ВВП (опыт экономически развитых стран показывает, что на меры демографической политики нужно тратить не менее 2,0–2,5% ВВП). Затраты на систему здравоохранения в России составляют 6,2% ВВП (в экономически развитых странах – 9,0–15,0% ВВП) Помимо общего объема расходов важна и эффективность расходования средств, которая в России остается пока низкой. Зачастую средства направляются не на приоритетные направления, которые могут дать максимальный демографический эффект, а по инерции «распыляются» на малоэффективные меры.

Например, на ежемесячное пособие женщинам по уходу за ребенком до полутора лет выделяется в 2009 г. было потрачено 74,7 млрд руб. При этом 2009 г. минимальный размер пособия с учетом индексации составлял всего 1873 руб. по уходу за первым ребенком и 3746 руб. по уходу за вторым ребенком и последующими детьми. Если женщина выходит на работу, то она теряет право на получение этого пособия. При этом величина прожиточного минимума для детей в России была установлена на уровне 4857 руб. Понятно, что на эти средства содержать ребенка невозможно. Неэффективность этих выплат очевидна. Они не могут рассматриваться ни как мера стимулирования рождаемости, ни как мера поддержки семьи.

В 2008 г. размер расходы государства на материнский (семейный) капитал, выделяемый при рождении второго и последующих детей, соста-

вят около 55 млрд руб. Однако, эти средства можно использовать только через три года после рождения ребенка, причем нельзя использовать на лечение и отдых. Зачастую лечение или операция требуются самому ребенку, причем в самые первые месяцы и годы его жизни. Наконец, на компенсацию платы за детские сады выделяется в 2008–2010 гг. 8 млрд руб., однако мест в детских садах катастрофически не хватает. Многие родители просто не смогут воспользоваться правом на получения этих выплат, поскольку не могут устроить детей в детский сад, их катастрофически не хватает – многие в период демографического спада были распроданы и приватизированы, теперь эти здания используются для других целей.

В-шестых, некоторое время назад в России умышленно или по незнанию была нарушена система сбора демографических данных. Например, согласно закону «Об актах гражданского состояния» от 15 ноября 1997 г. №143-ФЗ из актов записи гражданского состояния был исключен такой ряд важных сведений, таких как очередность рождения ребенка, национальность родителей и пр. В том числе это не позволяет определить влияние очередности рожденных детей на изменение показателей рождаемости и, следовательно, влияние реализуемых мер демографической политики. Только в 37 регионах России статистические службы продолжают собирать эти сведения неофициально, что позволяет давать хотя бы примерные оценки эффективности мер демографической политики.

Также указанным выше законом из национальной статистики исключены сведения о социальном статусе, отрасли занятости умершего, что не позволяет оценить эффективность мер по сокращению смертности в разрезе социальных групп населения. Кроме того, качество сбора данных о смертности нарушено на локальном уровне с точки зрения фиксации причин смерти. Как показывают исследования, за резким ростом количества смертей от «неустановленных причин смерти» в России скрывается множество фактов смерти от криминальных причин, внешних (предотвратимых) причин из-за неэффективной работы органов здравоохранения.

Кроме того, из статистической разработки по непонятным причинам были исключены сведения о национальности мигрантов, региональные базы данных о мигрантах до сих пор не объединены в единую систему, что не дает реального представления о численности и распределении иностранных мигрантов по территории России. В этой ситуации трудно дать объективную оценку демографическим процессам, эффективности реализации демографической политики, обозначить правильные приоритеты ее развития на перспективу. По причине отсутствия полноценной и точной информации некоторые меры демографической политики лишены научного обоснования.

В-седьмых, в стране отсутствует единая координация демографической политики, она реализуется различными министерствами и ведомствами, финансируется из разных источников, по разным проектам и программам, которые не объединены концептуально и технологически. Например, сейчас демографическими вопросами в той или иной части и мере занимаются Министерство здравоохранения и социального развития, Федеральная миграционная служба, Министерство образования и науки, Министерство регионального развития, Министерство спорта, туризма и молодежной политики. Демографические показатели не учитываются при оценке эф-

фективности работы органов государственной власти на разных уровнях. Между тем, например такой показатель как «ожидаемая продолжительность жизни» мог бы быть объективным индикатором социально-экономического развития страны, субъекта федерации, муниципалитета. В ожидаемой продолжительности жизни аккумулируются многие компоненты, в том числе социально-экономические условия, уровень доходов, качество жизни, меры поддержки семьи и пр.

В-восьмых, решение демографической проблемы, как главной угрозы страны, должно стать, но пока не стало общенациональным делом. К сожалению, многие представители бизнеса и средств массовой информации пока не «прониклись» важностью демографической проблемы для общества. И, как следствие, активно не участвуют в изменении ситуации. Между тем, бизнес мог бы более активно поддерживать работников с детьми, соблюдать трудовое законодательство в отношении женщин, имеющих детей и т.п.; средства массовой информации могли бы более активно «продвигать» образ семьи с несколькими детьми, семейные ценности и пр. Конечно, существуют отдельные положительные примеры, но пока не произошло «перелома» в массовом сознании.

При отсутствии демографической политики к 2050 г. население России может сократиться на 31,5 млн человек (или примерно на 22% от современной численности). Это самые значительные масштабы сокращения населения среди стран мира. В случае реализации данного сценария Россия с населением 112 млн человек может переместиться с нынешнего 9-го места на 17-е место в мире. Известны идеи, которые высказывались рядом политиков (М.Тэтчер, М.Олбрайт и др.) о том, что необходимо сократить численность населения России до 15 млн человек, которые будут работать только в добывающих отраслях, «размыть» этнический состав населения за счет иммигрантов, расколоть страну на 50 небольших конфликтующих между собой государств. Подобные мысли неоднократно высказывались рядом политиков на Западе. Таким образом, от решения демографической проблемы в настоящее время от решения демографических проблем во многом зависит будущее нашего государства.

Решение демографической проблемы в России требует объединения всех реализуемых направлений демографической политики в специальную Национальную программу демографического развития на период до 2025 г. с выделением достаточных средств и созданием специальных федеральных органов власти, ответственных за ее реализацию. Расходы на реализацию Национальной программы демографического развития должны составлять не менее 2,5% ВВП с четким распределением средств по статьям расходов, выделением критериев и индикаторов по эффективному расходованию средств. Национальная программа демографического развития России должна включать три направления: «Стимулирование рождаемости, поддержка семьи, ответственного материнства и отцовства», «Улучшение здоровья и сокращение смертности населения» и «Оптимизация системы расселения, регулирования миграции и стимулирование занятости населения», а также меры организационного порядка.

ЭКОНОМИКА

С.Беззубов

ЗАРОЖДЕНИЕ МАЛОГО БИЗНЕСА В РОССИИ

БЕЗЗУБОВ Сергей – аспирант ИСПИ РАН.

Аннотация. В статье представлена начальная стадия социологии российского малого предпринимательства, отраженная в физиологическом очерке И.Кокорева и социологическом исследовании А.Ильина. Рассмотрены с социологической точки зрения предмет малого предпринимательства, технология промысла, его работники, рынки сырья и сбыта произведенной продукции, морально-нравственные основы трудовой деятельности. Малый бизнес по-русски может и должен стать успешной альтернативой транснациональным финансово-экономическим монстрам, наиболее подверженным кризисным явлениям и «разгоняющим» их на все сегменты национальных экономик.

Ключевые слова: финансовый кризис, мелкая промышленность, субсидарность, деревянный промысел Подмосковья, социология промысла, кредит, торговля опилками, транспортные расходы.

Финансовый кризис, начавшийся как, казалось бы, локальный кризис ипотечных заимствований, стремительно развившись во вселенских масштабах экономическую катастрофу, внес сумятицу в мировую систему разделения труда и торговли. Вместе с тем, он оказал отрезвляющее воздействие на правительства и истеблишмент ведущих стран, на сознание командиров индустрии, на научное сообщество, исследующее социально-экономическое развитие стран и мировой системы в целом. Снова, в который уже раз, активно заговорили о малом предпринимательстве как о необходимой альтернативе финансово-производственным монстрам, которые из-за своей неповоротливости и инерционности подвержены опасности кризисных явлений. Снова возрос интерес к исследованиям малого бизнеса в России, к социологии становления этого вида предпринимательской деятельности в России периода очередных реформ (1830–1840).

Физиологический очерк И.Кокорева как предтеча социологии малого предпринимательства

Иван Тимофеевич Кокорев успел за короткую трудную жизнь оставить заметный след в отечественной литературе, в основном, как очеркист физиологического направления. Как утверждает исследователь творчества И.Т.Кокорева белорусский ученый В.П.Иванов «Писатель чутко уловил зарождение в стране новых, капиталистических отношений и затронул эту проблему в ряде своих произведений. Важно отметить, что в предполагаемой большой серии очерков о Москве внимание писателя должно было сосредоточиться на разнообразных слоях столичной бедноты» [3, 18–28].

Схожая тематика интересовала и первых русских социологов, обративших свой взгляд, в первую очередь, на обездоленные слои населения, на их трудовую деятельность, зачастую обеспечивавшую им в обмен на воистину каторжный труд лишь скудное, беспросветное существование.

По принципу схожести исследуемых трудовых процессов, географической близости объектов трудовой деятельности и, в целом, сочувственному отношению к персонажам литературно-научного отображения – представителям простого трудового люда, мы выбрали физиологический очерк И.Кокорева «Мелкая промышленность и диковинки московские» и социологическое исследование А.Ильина «Промыслы московской губернии».

«Две промышленности ведутся в Белокаменной: одна – блестящая, казовая, занимающая сотни тысяч рук,двигающая сотнями миллионов рублей; другая, не в обиду ей сказать, грошовая; одна одевает и убирает почти всю Россию, шлет свои изделия к «стенам недвижимого Китая» и в «пламенную Колхиду»; знают о ней и степной хивинец, и красноголовый (*кизиль-баши*) персиянин; другая идет лишь для домашнего обихода, известна одним коренным жителям столицы», – разворачивает экспозицию промышленности московской очеркист, и сразу заявляет предметом своего исследования промышленность «другую». Ту, «...которая от роду не участь ничему, берется почти за все, у которой нет ни фабрик, ни заводов, что, впрочем, не мешает ей быть необходимым чернорабочим для многих из них, которая, наконец, существуя везде, нигде не оставляет прочных, явных следов своего бытия, не подлежит никакому контролю, не упоминается ни в одной статистике» [5, 65].

Уместим в системную табл. 1 классифицированную по-своему И.Кокоревым мелкую промышленность московскую.

В дополнение к перечисленным в таблице занятиям мелкой промышленности московской отметим, что цивилизация лишила ее двух постоянных отраслей летнего дохода: до изобретения фосфорных спичек мелкая промышленность московская собирала в лесах трут, запасалась кремнями, делала нехитрые серные спички и снабжала этими товарами, по крайней мере, половину столичных хозяек [5, 77].

Из приведенной табл. 1 становится ясно, что деятельность мелкой промышленности московской времен И.Кокорева, в основном, заключалась в обслуживании более состоятельных городских сословий. Запросы горожан, которые удовлетворяла мелкая промышленность, можно отнести скорее к над- и сверхнормативным, к увлечениям, капризам.

Таблица 1

Род деятельности и сбыт мелкой промышленности московской

Происхождение (социальное) действователей мелкой промышленности	Род занятия	Место труда	Сбыт	Спорадические занятия (осень–зима)
Вольноотпущенные крепостные	Сбор раннего щавеля, крапивы, земляники, грибов	Останкинская, Марьино рощи, городские парки, окрестные леса	Рынки	Приобретение на бойне (даром) требухи, сычуга, а то и целого гусака
Вдовы с детьми	Сбор трав, корней, почек	- // -	Аптеки и травяные лавки	Тщательная прорывка уже копаных грядок огородников (с разрешения последних)
Совращенные мещане (пьяницы)	Сбор дубовых листьев для соления огурцов	- // -	Рынки, городские солильни	Заготовка хвороста
Артисты (музыканты)	Добывание муравьиных яиц для соловьев	- // -	Птичий рынок	Сбор костей, тряпья, стекл
Отставные солдаты	Ловля рыбы	Реки, озера, пруды	Рынок, трактиры, рестораны	Работа прачкой, швейей
	Ловля певчих птиц	Останкинская, Марьино рощи, городские парки, окрестные леса	Птичий рынок, дома известных любителей птиц	Перетирка табака
	Вязание цветочных букетов на Троицын день	- // -	Рынки, торговля с рук	Починка обуви
	Заготовка травяных венчиков для очистки платья	- // -	- // -	Изготовление домиков для чижигов
		Гулянье, кладбище, городской парк	Марьино роща, Перово, Петровско-Разумовское и т.п.	Изготовление примитивных игрушек
	Торговля вразнос яблочным квасом, сладостями.	Перекупка по окрестным селеньям	Обжорный ряд, Дворянская кухня, торговля на своих «избранных местах» бойких улиц	Изготовление ваксы
	Торговля драченою, студнем, пирожками		- // -	Разукрашивание цветными лоскутами вербы
	Торговля «комплексным обедом по 10 коп.		- // -	Разрисовывание пасхальных яиц
				Дрессировка птичек
				Исполнение песен на торжествах, изготовление наряда невесты, обряжение ее под венец

Хлеб насущный поставлялся к столу горожан *промышленностью большой* – пекарнями, мясными рядами, зелеными лавками, торговлей молоком и молочными продуктами и т.д., а вот за поставку сезонных лакомств (раннего щавеля, салатной крапивы, грибов, лесных ягод и т.д.)

брались действователи мелкой промышленности. То же относится ко второму по значимости сегменту городских потребительских запросов – одежды. Массовый спрос москвичей обеспечивало сообщество портных, обувщиков, белошвеек и т.д., а сообразить наряд для невесты, оригинально и красиво убрать ее под венец брались действователи малой промышленности. Естественно, речь не шла о невестах и свадьбах из высших слоев общества, малая промышленность московская помогала тем, кто не был в состоянии заказать свадебный наряд у модного портного, а то и выписать его из Парижа или какой другой европейской столицы.

Необязательный характер указанных выше и подобных им запросов имел следствием неустойчивый заработок для их исполнителей. Реальные материальные затруднения у горожан в первую очередь отсекали заказы, обеспечивающие прокорм делателям мелкой промышленности; всякого рода чрезвычайности и связанный с ними режим экономии самым пагубным образом сказывались на исследуемой нами социальной страте.

При этом неверным было бы, на наш взгляд, считать труд мелкой промышленности примитивным, не требующим знаний и навыка. Даже простое лесное собирательство предполагает, как минимум, хорошую ориентацию в соответствующей флоре и фауне, пусть и примитивное, зачаточное, но *ботаническое* и *физиологическое знание*. Требование это в первую очередь относится к сбору грибов. Здесь дилетантство и недостаточная ответственность сборщиков способны нанести серьезный урон здоровью потребителей грибной продукции. Добавим необходимость свободно ориентироваться в лесном или парковом массиве, знать и запоминать особо изобильные на промысел территории, водные акватории (топографические знания), обладать *технологией сбора*, соответствующим *инструментарием*, навыком первичной консервации, благодаря чему и возможно сохранять заготовленный товар в максимально свежем виде вплоть до окончания его реализации.

Конечно, элементарную починку бедняцкой обуви (для мещан и более высоких городских сословий на этот случай имелся профессиональный сапожник), перетирку табака и изготовление ваксы не назовешь технологически сложными ремеслами, однако, наряду с этими видами деятельности, мелкая промышленность московская, как видно из реестра И.Кокорева, бралась за исполнение заданий куда как более сложных, требующих помимо навыка еще и *художественной предрасположенности* (чтобы не сказать таланта, дарования). Это и разукрашивание цветными лоскутами вербы к Пасхе, и роспись пасхальных яиц, и исполнение песен на торжествах, и уже упомянутое обряжение под венец невесты и, наверняка, еще ряд иных подобных дел, оставшихся вне поля зрения И.Кокорева.

Обратим особое внимание на бесспорно позитивные качества (по Кокореву) делателей малой промышленности московской. Это:

– *субсидарность*¹, достигнутая напряженным трудом и сохранением в городских условиях элементов крестьянского уклада (свой огород подле слободского домика, хлев при нем с коровой, птицей и прочей живностью

¹ Самообеспечение.

и т.д.), что обеспечивает им пусть и относительную, но самостоятельность и независимость;

– *трудовой универсализм*, заключающийся в том, что, в силу сезонности и малой доходности каждого по отдельности из приведенного И.Кокоревым реестра занятий для пропитания, безымянные герои его очерка не специализировались на каком-то из них особо, а старались (и, как видим, безуспешно) овладеть как можно большим числом навыков и ремесел, дабы расширить диапазон своей трудовой деятельности и, таким образом, увеличить заработок. «<...> только успевай подвертываться, если не хочешь поспорить с желудком; берись за все, что ни случится, являйся всюду, где можно пустить в оборот свою сметливость, трудись и хлопочи до упаду» [1, 81].

Лев Толстой, рассуждая о русском крестьянстве, заметил как-то, что для нормальной, общепринятой в сельской общине жизни русскому крестьянину необходимо владеть, примерно, тремя десятками ремесел и рудовых навыков. Подобный универсализм сохранили и герои И.Кокорева – в основном, вчерашние крестьяне, приспособив его к особенностям городской среды;

– *психологизм*, который наиболее убедительно и ярко живописует И.Кокорев в той части очерка, где речь идет о «торговле самоварами», т.е. торговле чаем вразнос. «В праздник, в знойный полдень <...> пойдите в какое-нибудь из московских предместий, – приглашает читателя И.Кокорев, – и здесь вы наверно встретите не одну группу вроде следующей: пожилая женщина несет объемистый самовар, мужчина – в одной руке ведро, в другой кулек с углями; двое детей тоже идут не порожняком: у кого бутылка с молоком, узелок с чашками, у кого скамеечка или домашний запас пищи <...> Гостей зазывает всегда нежный голосок девочки или приветливая речь самой матери. Просим милости, господа, садитесь, где заблагорассудится (на что лучше, как не здесь, на зеленой мураве, под тенью развесистой березы); кушайте, сколько душе угодно; пейте не спеша, с прохлаждением <...> наслаждайтесь невинным сельским удовольствием под отдаленные напевы голосистого хоровода, под рассказы хозяйна, который, как присяжный служивый, не проминует обстоятельно доложить вашему благородию в каких походах и баталиях был он...» [5, 69–70]. Воистину *так* обслужить клиента способны лишь опытные в общении с земляками делатели мелкой промышленности московской, *стихийные психологи*, тонкие знатоки человеческих душ.

Важно отметить, что, показывая с явным сочувствием к своим героям и скорее всего неосознанным, патриархальным менторством по отношению к читателю не работу даже, а каждодневную борьбу за выживание действующих лиц мелкой промышленности московской, автор, где только удается, отмечает их природную русскую домовитость, строгость и трепетность в исполнении религиозных обрядов и уважительное следование исконно русским нравственным императивам. «Порядок удивительно как скрывает темные пятна нищеты, а бережливость дает мелкой промышленности средства позволить себе иногда кое-какие удобства в жизни. Редкий день пройдет без чаю; в праздник непременно являются пироги или какое-нибудь сверхштатное кушанье; но с другой стороны, в этот же день последний

гривенник употребляется на покупку деревянного масла для лампы перед иконами, на свечку в божьей церкви, – и ни один нищий не отойдет от окна человека не многим богаче его без посильного подаяния...».

Интересны приведенные И. Кокоревым рассуждения действователей мелкой промышленности московской по поводу того, отчего они – по своему характеру своей деятельности настроенные на инновации работники, – оказываются столь консервативными, когда речь заходит об освоении навыков для последующего коммерческого использования уличных представлений, того, что позже Бахтин назовет «карнавалом улицы».

«При речи о райках, очень естественно, рождается вопрос, почему же мелкая промышленность не возьмется за разные фиглярства, не вступит в компанию с шукарями, не выдумает каких-нибудь представлений? Ответ будет решительный и ясный. «Это дело тальянцев и немцев: они *облизьяну выдумали*, блох обучили плясать, лошадь часы узнавать, собак *муштруют*, свинок морских, словно невидаль какую показывают, шарманкой да волынкой кормятся; а русский человек, как ни беспечен, совестится быть дармоедом, приобретать хлеб подобными средствами, считает недостойным себя пуститься в комедиянство» [5, 72–73].

Ощущается, что в целом отстраненно-объективный автор в данном вопросе сочувствует обездоленным соотечественникам, способным и почти что на социальном дне сохранять человеческое достоинство и гордость, с уважением воспринимает их возвращенные на национальной традиции доводы, поддерживает их «невыгодные» в мирской жизни нарождающихся капиталистических отношений принципы.

На основании вышеизложенного, нам представляется правомерным отнести И.Т.Кокорева к числу, по крайней мере, стихийных родоначальников становления в России *социологии морально-нравственного императива*, направления, которое получило бурное развитие в мировой и отечественной социологии новейших времен. Для него явно характерна симпатия к присущему идеологиям нравственности «абсолютному долженствованию», которое по Г. Зиммелю приобретает «демоническое очарование догмы», когда в самом долженствовании мы не различаем «никаких условий и мотивов» [9, 79]. И.Т.Кокорев отчетливо видит в своих героях «... таинственную природу этого закона, этот голос в нас, который не связан ни с каким внешним толчком, ни с каким видимым интересом» [10, 63].

Отметим также важный для нашего исследования момент: автор очерка выяснял отношение своих героев к участию в «райках» способом, который в современной социологии называется «методом опроса или интервью». Об этом косвенно, но убедительно свидетельствует наличие в ответах характерной лексики городских простолюдинов, т.е., факт почти, что цитирования этих ответов. В итоге мы имеем дело с демосномией – замером мнения населения по конкретному вопросу. Этим автор и ограничился, не стал искать объяснения установке на выявленный им довольно странный для низшего сословия «национальный изоляционизм» в трудовых предпочтениях. Такое ограничение исследовательской задачи, в основном, констатацией фактов в очередной раз подтверждает наше представление о физиологическом очерке как о пока еще предсоциологическом феномене, предтечи отечественных социологий.

При этом о большей близости (временами почти до тождественности!) литературного творчества И.Кокорева тому исследовательскому методу, который позже назовут «социологией», свидетельствуют его статьи «Успехи образованности в Новороссийском крае» [7, 49–52] и «Разыскания в архивах об Архангельском порте» [8, 99–101]. Статьи эти по какой-то причине вышли в свет без указания фамилии автора, но из переписки И.Кокорева с редактором «Москвитянина» М.П.Погодным [2] ясно, что автор их – И.Т.Кокорев...

И.Кокорев отдает себе отчет в том, что очерк его «Мелкая промышленность Москвы» неполон, что созданная им картина мелкой промышленности столицы весьма фрагментарна, что о некоторых действителях он даже не упомянул. Впрочем, заключает очеркист: «Я хотел изобразить только тех людей, которых «нужда научает и калачи печь». У кого есть одно постоянное занятие, ремесло ли, торговля ли, кто, как говорится, век свекует в одном гнезде, – те не входили в мою раму¹, ибо об них следует говорить наряду с крупною промышленностью» [5, 77].

Не входила в «раму» И.Кокорева также «еще одна промышленность, которую я назову темной, потому что она живет и действует в темноте, прячется от добрых людей, словно летучая мышь; и не бойся я оскорбить ваш вкус, мы бы познакомились и с ней» [5, 77].

Можно лишь сожалеть о том, что за пределами писательского внимания И.Кокорева оказались также московские нищие: неплохо организованное, жестко структурированное *профессиональное сообщество*, оказывающее значительное влияние на бытование столичного «низа» и «подполья». Влияния этого сегмента московского социума уже непосредственно на все население Москвы возрастало столь стремительно и последствия его оказывались столь угрожающими, что «18 мая 1898 г. в заседании Комиссии, учрежденной при Министерстве юстиции для разработки вопроса о мерах борьбы против профессионального нищенства и бродяжничества, было признано необходимым озаботиться собиранием материалов, могущих выяснить причины развития нищенства в России, а также указать средства для его уменьшения» [6, 1]. Среди необходимых мер, Комиссия определила «обозрение русской и иностранной литературы» по вопросу нищенствования. Так что, обрати в свое время И.Т.Кокорев более пристальное и действенное внимание на эту социальную страту – московских нищих, – заточи он на них свое перо очеркиста, и можно не сомневаться, что господам членам Комиссии при знакомстве с «обозрением» было бы гарантировано увлекательное и во всех смыслах полезное чтение...

Однако удовлетворимся авторским отбором объектов изображения, и с благодарностью незаурядному очеркисту за яркие живые впечатления от очерков московской жизни середины позапрошлого столетия (некоторые из них, как, например, очерк «Публикации и вывески», в котором на конкретных примерах московских торговых вывесок и объявлений пока-

¹ Как свидетельствует архив рано ушедшего из жизни писателя, свою «раму» он намеревался существенным образом дополнить, обратившись к описанию рабочих профессий: наборщика, переплетчика, красковара, столяра, свинцоволитейщика, механика и т.д.

зано наше бездумное преклонение перед иностранщиной, в данном случае – лингвистической, речевой – словно списаны с нынешней нашей печальной реальности) отправимся далее.

Социологическое исследование А.Ильиным промысла Подмосковья

Промыслы, которые исследует А.Исаев, классифицируются им по двум видам:

- 1) изделия из дерева;
- 2) изделия из металла.

Соответствующим образом оформлено и само исследование, где каждому тому соответствует свой вид ремесла.

В отличие от «малой промышленности московской», в основном, осуществлявшей напрямую торговое и бытовое обслуживание зажиточных москвичей, столярные и токарные промыслы Подмосковья по сути являлись подсобными, вспомогательными производствами для крупных промышленных предприятий. Отсюда и номенклатура выпускаемой ими продукции: упаковочные ящики, катушки и кружки для прядильных фабрик, балясы для перил и т.п. Пожалуй, лишь мундштуки, папиросницы и подобные им мелкие галантерейные изделия можно рассматривать как самостоятельный конечный продукт.

Регулятором номенклатуры является рыночный спрос. «Спрос на рынке побуждает их видоизменять изготавливаемые товары: нынче они делают папиросницы, полгода тому назад делали ящики в 5 вершков вышины, а через год, быть может, станут делать в 10 вершков» [4, 3].

География данного промысла обусловлена в первую очередь наличием неподалеку промыслового леса. Она охватывает 11 деревень Ягунинской волости, Звенигородского уезда и 8 Оршковской, Рузского.

Причинами, вызвавшими к жизни промысел, А.Исаев называет:

- 1) плохое состояние земледелия, не способного прокормить крестьянскую семью;
- 2) богатство лесов, покрывших эту местность.

Правда, относительно второй причины тотчас оговаривается, что «богатство лесов» – в прошлом, отчего лесные материалы дорожают с каждым годом, делая промысел все менее доходным. Дело дошло до того, что в ряде селений столярным и токарным промыслом занимаются лишь некоторые хозяева, а остальные занялись отхожими промыслами, в частности, извозом.

Исследование затрагивает подготовительный период (заготовка древесины, доведение ее до кондиции), разбор производственной структуры, описание инструментария, анализ корпоративных отношений, анализ взаимодействия с оптовиком, принципы индивидуальной реализации произведенного товара, показ специфики работы по найму и даже такой нюанс, как ученичество. «Поступают в ученики мальчики 12 лет, а срок обучения длится 5 лет. Собственно для того, чтобы изучить промысел нужны 3–4 года, и со стороны хозяев требуются некоторые старания, чтобы показать мальчику все таинства ремесла. Хозяева дают им харчи и, по окон-

чании ученичества, 25 руб. надживы или 5 руб. деньгами и поддевку, сапоги и картуз. В 17 лет ученик становится мастером» [4, 5–6].

Скрупулезно исследован производственный инструмент. Так для ящичников набор исчерпывается топором, 2-мя пилами – большой и малой, фуганком, 2-мя рубанками, 2-мя стамесками, перкой, ладилком с верстаком. Главное орудие токарей – токарный станок. Обтачивание заготовок производится на нем при помощи набора долот: плоских, полуплоских, круглых и т.д. Для пиления теса, служащего заготовками, используются продольные двуручные пилы.

Энергия, приводящая в действие инструментарий, исключительно мышечная самого работника. Даже токарный станок не составляет исключения, ибо приводится в действие ножной педалью, которую следует постоянно давить, преодолевая существенное сопротивление материала заготовки.

Описаны, вплоть до размеров, помещения промышленных заведений; процесс изготовления того либо иного товара (технология). При этом скрупулезность, с какой исследуется автором производственный процесс, вызывает невольное уважение. Вот как описано им производство катушек и кружков для прядильных фабрик: «Главнейшие операции при производстве катушек, кружков состоят в следующем:

- 1) животик оболванить и повернуть (*животиком* называется средняя часть катушки);
- 2) живот обтесать;
- 3) кружки повернуть (кружки надеваются на оба конца животика);
- 4) гайки подточить;
- 5) заклеить (только после 5-й операции образуется катушка);
- 6) катушку оболванить;
- 7) начисто выточить» [4, 4].

Не обойден вниманием *капитал*, необходимый для обеспечения процесса, выведена стоимость продуктов годовичного труда для каждого вида изделий.

При производстве больших ящичков (1,5 аршина длины и 0,75 аршина ширины) одним ящичником может быть произведено 200 шт. в течение года. В таком случае издержки составят:

Теса 2000 шт. по 11 руб. за 100	220 руб.
Клея 25 фунтов по 25 коп.	6 руб. 25 коп.
Свечей 40 фунтов по 15 коп.	6 руб.
Харчей работающему	45 руб.

Итого: 277 руб. 25 коп.

При реальной цене за одну «тройку» в 1 руб. 50 коп. производитель получает за свой товар 300 руб., а за вычетом затрат у него остается 23 руб. Но это еще не прибыль! На производителе лежат расходы на доставку товара в Москву. Как заключает исследователь, транспортные расходы в такой ситуации вовсе не могли бы быть покрыты, если бы лошадь, доставляющая ящики на рынок, не кормилась бы сеном со своих лугов.

Даже если представить, что транспортные расходы у владельца лошади нулевые, то оставшиеся 23 руб. составляют лишь менее 10% годовых расходов средней (по уровню достатка) семьи. Скажем, приведенной в исследовании семьи Ивана Дроздова из с. Луцына Звенигородского уезда (всего 8 душ: двоих мужчин – 75 и 35 лет, троих женщин – 56,30 и 32 лет, троих детей – двоих малолетних и одного грудного).

Таблица 2

Годичный расход семьи Ивана Дроздова

Статья расхода	Сумма (руб.)
Хлеб в год – 14 четвертей по 7 руб.	98
Соль – 4 пуда	4
Гречневая крупа – 3 пуда	3,75
Капуста – 8 ушатов	8
Картофель – 30 мер	6
Огурцы – 8 мер	1,6
Конопляное масло – 5 фунтов	0,7
Мясо – 8 пудов	24
Молоко – от 2 коров	30
150 яиц – от 4 кур	1,5
Отопление	8
Освещение фотогеном	1
Обувь	10
Одежда и белье	30
Чай (по праздникам) – 1 фунт	1,4
Сахар – 5 фунтов	1
Пшеничная мука – 1 пуд	1,6
На трактир	2
Праздники	2
На церковь и причт	2
Повинности	22
На 1 лошадь 150 пудов сена – 20 коп.	30
На 2 коровы 300 пудов соломы – 8 коп.	24
На 2 овцы 30 пудов сена	6
Пастушья	3
На 5 кур	1,5
На орудия, утварь, мелочи	10
ИТОГО	333 руб. 5 коп.

Годичный доход от земледелия у той же крестьянской семьи складывался следующим образом.

Таблица 3

Годичный доход от земледелия

Статья дохода	Сумма (руб.)
Рожь 2 четверти	14
Овес 3 четверти	12
Картофель 30 мер	6
Огурцы 8 мер	1,6
Капуста 8 ушатов	8
Сено 80 пудов	15
Солома	5
Дрова	8
Молоко	30
Яйца	1,5
Своя свинья 8 пудов	24
ИТОГО	121 руб. 10 коп.

Таким образом, из 333 руб., необходимых для годовых расходов на поддержание жизнедеятельности семьи, сельское хозяйство дает только 121 руб., т.е. – 37%, а остальные 63 % должны покрываться доходами от промысла. Должны, но, согласно выкладкам А.Исаева, – ...не покрываются! Притом дефицит семейного бюджета составляет огромную в этой грошовой бухгалтерии сумму – почти 190 руб.!

Представить, как в таких условиях выживает крестьянская семья – невозможно. Пусть ее промысел оплачивается выше, чем труд ящичника. Скажем, на уровне пильщика тесин, который зарабатывает по свидетельству того же А.Ильина до 100 руб. в год. Все равно остается дефицит почти, что в 100 рублей! И, несмотря на это, *реальная* крестьянская семья из года в год продолжает потреблять указанный выше список, умудряясь расплачиваться за него почти, что сотней «виртуальных» рублей.

Лукавство всякой, но в особенности отечественной статистики – отдельная статья. Не даром стало крылатым высказывание о том, что существует, по крайней мере, два вида искажения реальности: откровенная ложь и... статистика!

Не может ни видеть очевидной нестыковки статистических показателей в таком важном разделе, каковым является вопрос о затратах, себестоимости, прибыли и сам исследователь деревянного промысла Москвовии. Поэтому пытается заделать явную прореху в статистическом ряду, но делает это крайне неубедительно. «Вопрос о чистом доходе слишком щекотлив, чтобы затрагивать его(its!). Если сделать строгий расчет всех издержек, включая из них и расходы по доставке товаров на рынок, то окажется, что промышленник работает в убыток. Небольшие остатки от ведения промысла обязаны своим происхождением первобытным вычислением промышленников, непоставлением ими в число издержек и расходов по провозу на собственной лошади, а также при изготовлении товара из леса, растущего на землях надела».

«Первобытные вычисления промышленников» – крепко сказано! Сдается, за этой «туземной»¹ практикой много чего интересного сокрыто, особенно в разделе расчетных операций. Нужным для промышленника образом искажены закупочно-сбытовые цены, уровень оплаты труда, затраты. Как следствие неизбежно «скорректированы» затраты, себестоимость, доход, реальная прибыль и т.д.

Но это уже феномен из области народной психологии, национальной традиции позиционировать себя в социуме. Если балансирующий на грани разорения янки на вопрос о состоянии своих дел неизменно ответит широкой улыбкой и оптимистическим «о´кей!», то русич, даже надежно обеспечивший тылы, утаивший от государева (государственного) надзора, от общины, от соседей и даже родни приличные средства на проживание, сочтет за благо прикинуться сырым бедняком.

Естественно, что в такой нарочито запутанной обстановке традиционные формы товарно-денежных отношений оказываются либо неразвиты совсем, либо представлены в архаическом, проверенном и перепроверенном длительной практикой виде. «У промышленников кредит очень мало распространен, – констатирует А.Ильин. – Это объясняется частью отсутствием денежных людей в исследуемой местности, частью легкостью, с которой здешний крестьянин иногда ссужает своего односельчанина небольшой суммой в несколько десятков рублей. Некоторые, впрочем, занимают деньги у какого-то звенигородского еврея за умеренные проценты – 10 коп. за 1 руб. в месяц»². Народные кредитные учреждения вовсе неизвестны» [4, 10–11].

Отмечает исследование завидную деловую сметку участвующих в промысле крестьян. Обработка древесины породила к жизни особый вид промысла – *торговлю опилками*. Чем ни столь чаемое во все времена безотходное производство! В этом оказавшемся весьма выгодном деле сложилась и своя цепочка. Столяры продают «у верстака» опилки по 3 копейки за пуд, тогда как приобретающие их односельчане перепродают их уже за 20 копеек за тот же пуд. 700% прибыли, если не считать собственного труда и расходов по транспортировке в Москву, где опилки с охотой используют для посыпки полов в общественных местах. Наиболее расторопные крестьяне зарабатывают этим промыслом по 60–70 руб. в год.

Уровень детализации исследования, подробность и дотошность, с которыми описаны все процессы деревянного промысла Подмосковья, невольно наталкивают на мысль о том, что исследователь имел в виду еще и задачу составления своеобразного пособия для тех, кто сподобится последовать примеру подмосковных крестьян-промысловиков. Внимательно изучив текст А.Ильина, и обретя четкое представление о технологии процесса, рынке сырья и сбыта, общей цене вопроса, можно самому зачинать описанное им токарное и столярное дело. Тем более что в представлении А.Ильина выглядит оно весьма привлекательно своей незамыслова-

¹ Туземцами называет жителей подмосковных деревень, участвующих в деревянном промысле, сам А.Ильин, при этом, в отличие от нас, не заключает это слово в кавычки.

² 120% годовых. И это считалось «умеренной» ценой кредита?!...

тостью и патриархальной семейственностью. По выводам социолога «<...> промыслы удержали характер домашний подсобный», а «Семейная жизнь ведется во всей ее чистоте: нарушения супружеской верности и добрачные связи неизвестны». Промысловики же «Мало потребляя чая и сахара, расходуя немного на одежду и ничего на табак, отличаются большой простотой нравов, гостеприимством» [4, 18].

Список литературы

1. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. в 13-ти т. Т. 1. М., 1955.
2. ГБЛ ОР, ф. 231 (арх. Пог./II), карт. 15, ед. хр. 104, письмо №5.
3. *Иванов В.П.* И.Т.Кокорев. Жизнь и творчество. Минск, 1984.
4. *Ильин А.* Промыслы Московской губернии // Московская губернская земская управа. Т. I, II.
5. *Кокорев И.Т.* Мелкая промышленность в Москве // Очерки Москвы 40-х гг. Л., 1932.
6. *Левенстим А.А.* Нищенство в России по отзывам начальников губерний. СПб, 1899.
7. «Москвитянин». Кн. 2. 1849, №2.
8. «Москвитянин». Кн. 1. 1849, №7.
9. *Simmel G.* Einleitung in die Moralwissenschaft, B. I. Berlin 1892.
10. *Kautsky K.* Ethik und materialistische Geschichtsauffassung. Stuttgart, 1906.

РЕГИОНЫ

И.И.Дзусов

РЕЛИГИОЗНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ РЕСПУБЛИК

ДЗУСОВ Ирбек Игоревич – аспирант кафедры социологии политических и социальных процессов Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова.

Аннотация. Статья написана на материалах этносоциологических исследований, проведенных в республиках Северо-Кавказского федерального округа РФ. Объем выборки 3500 респондентов, из них 50% автохтонного населения, 50% – русские и русскоязычные. Рассмотрены знания основ религии, религиозных писаний, догматов, ритуалов населением республик Северного Кавказа. Изучение данного вопроса проводится в разрезе демографических, национальных, образовательных признаков. Исследуется степень религиозности жителей северокавказских республик, ее содержание.

Ключевые слова: религия, степень религиозности, догмат, ритуал, национальность, гендер.

В республиках Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) у части населения призывы «идти назад к Корану» принимают даже формы борьбы за нравственные устои общества и в последнее время прослеживаются антиглобалистические выступления.

Те, кто читают Коран на бытовательском уровне, понимают и воспринимают его мифологическую сторону или просто воспринимают все буквально, как информацию.

Для изучения религиозной ситуации в республиках Северного Кавказа в январе–феврале 2008 г. нами было проведено исследование, которое затрагивало вопросы религиозной догматики, знания основ веры, Корана или Библии. Для полноценной реализации целей и задач исследования в каждой республике был проведен репрезентативный опрос жителей. Целе-

сообразный объем выборки составил 500 респондентов и 5 экспертов в каждой республике. Математическая ошибка такой выборки не превышает 3,1%, т.е. обеспечивает надежную репрезентативность для каждого обследуемого субъекта Российской Федерации. Общий объем выборки для семи республик составил соответственно 3500 респондентов (из них 50% – коренное население и 50% – русские и русскоязычные) и 35 экспертов. Для проведения опроса в каждой республике выборка строилась как территориальная, стратифицированная по типам населенных пунктов, маршрутная, квотная по социально-демографическим и национальным признакам. А также с учетом возможности сравнительного анализа установок «титульной» части населения республик ЮФО и русского и русскоязычного населения (пол, возраст, образование, национальный состав), с учетом возможности сравнительного анализа автохтонной части населения республик СКФО и русской и русскоязычной частей.

Читать Библию или Коран – это великий труд, и, как видно из материалов нашего опроса, совсем незначительная часть опрошенных их читает. Несмотря на относительно высокую религиозность населения ЧР, «никогда не читали» Библию (Коран) 34,6% чеченцев и 46,9% русских и русскоязычных ЧР. Каждый третий респондент из числа кабардинцев, балкарцев КБР также не знаком с Библией (Кораном).

Сравнительно высок этот процент и у ингушей (22,5%), учитывая, что в РИ каждый второй респондент соблюдает основные религиозные обряды (см. табл. 1.). И только 5,6% русских и русскоязычных РИ никогда не читали священные писания. Высок процент респондентов, не читающих священные книги, в РД: никогда не читали Библию (Коран) 26,7% представителей коренных народов и 22,1% русских и русскоязычных. Обращает внимание на себя тот факт, что в некоторых республиках, где, в общем, невысокая религиозность, сравнительно низок процент респондентов, не знакомых со священным писанием: РСО–А (24,3% осетин, 18,6% русских и русскоязычных), РА (23,8% адыгейцев и 23% русских и русскоязычных), КЧР (17,6% карачаевцев, 22,1% русских и русскоязычных), РД (26,7% народов Дагестана, 22,1% русских и русскоязычных).

Чаще других второй вариант ответа звучит у респондентов РСО–А (38,8% осетин, 37,2% русских и русскоязычных) и Адыгеи (33,3% адыгейцев и 35,7% русских и русскоязычных). Русские и русскоязычные респонденты северокавказских республик чаще утвердительно отвечали на второй вариант ответа. Для сравнения: если когда-то читали Библию (Коран) в КЧР 30,5% русских и русскоязычных респондентов, то карачаевцы, черкесы – 27%, в РД – 32,0% русских и русскоязычных, 23,6% – народов Дагестана, в РИ – 27,8% русских и русскоязычных, 16,2% – ингушей. В РСО–А, наоборот: 38,8% осетин и 37,2% русских и русскоязычных респондентов когда-то читали Библию (Коран). И только 11% чеченцев ЧР когда-то проявили интерес к чтению Библии (Корана).

Легитимный процент, т.е. более 25,0% респондентов коренных национальностей КБР, ЧР, РД, никогда не читал Библию (Коран). Аналогичная ситуация среди русских и русскоязычных КБР и КЧР.

По результатам исследования, наблюдаются некоторые расхождения по гендерному признаку. В Адыгее чаще на первый вариант отвечали жен-

Особняком стоит РСО–А, где почти четверть респондентов коренного населения (24,2% женщин, 24,5% мужчин) не знакомы со священными книгами. Интересно, что русские и русскоязычные респонденты-мужчины в РСО–А реже других выбирали первый вариант ответа, в РИ же вообще не оказалось среди русских и русскоязычных мужчин таких, кто не читал Библию (Коран). В РСО–А почти каждый второй (47,2%) русский и русскоязычный респондент-мужчина когда-то читал Библию (Коран), сравнительно высокую осведомленность продемонстрировали и женщины-осетинки (40,8%). В КЧР 39,4% русских и русскоязычных мужчин когда-то читали Библию (Коран). В Адыгее почти каждый третий респондент-адыгеец обоих полов (мужчины 30,8%, женщины 35,6%) когда-то читал Библию (Коран), то же и в среде русских и русскоязычных мужчин (36,6%) и женщин (35,0%). В КБР выбрал второй вариант ответа каждый третий русский и русскоязычный мужчина (32,7%). Если в РД второй вариант ответа в среде русских и русскоязычных чаще выбирали женщины (35,1%), то в РИ – мужчины (33,3%). Народы Дагестана обоих полов набрали одинаковые проценты: (по 23,8%). В ЧР и РИ только каждая пятая русская и русскоязычная женщина когда-то читала Библию (Коран): в РИ – 22,2%, в ЧР – 20,5%. Только 7,9% мужчин ЧР когда-то брали в руки Библию (Коран).

Чаще других третий вариант ответа выбирали русские и русскоязычные женщины РД (37,1%), РСО–А (36,0%). Почти каждый третий среди мужчин-адыгейцев (33,3%) и женщин русских и русскоязычных (28,3%) в РА, карачаевков, черкешенок (32,5%), русских, русскоязычных женщин КЧР (32,3%), мужчин-чеченцев ЧР (29,3%) «иногда читают Библию (Коран)». Около пятой части русских и русскоязычных женщин в РИ и РСО–А (по 22,2%), ингушек (20,4%) в РИ, чеченок (21,6%) в ЧР, мужчин-осетин в РСО–А иногда берут в руки священные книги. Небольшая доля ответивших подобным образом среди народов РД мужского пола (12,5%), мужчин-кабардинцев, балкарцев КБР (11,4%), мужчин русского и русскоязычного населения ЧР (9,1%) и РД (8,0%). Удивили русские и русскоязычные женщины-респонденты РИ, которые даже иногда не читают Библию (Коран).

Каждый пятый русский и русскоязычный респондент-мужчина в РИ «регулярно читает Библию (Коран), а другие положенные тексты – нерегулярно» (22,2%). Четвертый вариант ответа отметили также 17,5% респондентов-мужчин РИ и чуть меньше – 13,5% ЧР.

Чаще остальных затруднялись с ответом русские и русскоязычные женщины РИ (66,7%), мужчины-ингуши (31,6%), русские и русскоязычные мужчины РД (30,7%), русские и русскоязычные КБР (26,9%), чеченцы ЧР (8,4%) и т.д. Лучше остальных справились с вопросом русские и русскоязычные женщины РД (9,3%) и РСО–А (8,0%).

Из опроса следует, что регулярное чтение основ религии – Библии (Корана) – для жителей северокавказских республик не является нормой.

Как видно, гендерный аспект дает следующую картину: большей частью с Библией (Кораном) не знакомы женщины коренных национальностей в РА, КБР, РД, РИ и ЧР и мужчины автохтонного населения КБР, РД и ЧР. Среди русского и русскоязычного населения, наоборот: не знакомы с Библией (Кораном) в основном мужчины РА, КБР, КЧР, РД, ЧР и женщины КБР, РД и ЧР.

Ответы респондентов, разделенных на группы в зависимости от национальности и возраста, представлены в табл. 3. Надо отметить, что среди респондентов северокавказских республик вариант «никогда не читал эти тексты» отмечался чаще респондентами возрастной категории старше 35 лет: 22,2% адыгейцев РА до 35 лет и 24,6% старше 35 лет, 25,4% кабардинцев и балкарцев КБР до 35 лет и 47,0% старше 35 лет и т.д. Исключение составили респонденты русской и русскоязычной национальностей КЧР – 31,0% респондентов до 35 и 18,2% старше 35 лет. Результаты опроса показывают, что ранее священные писания читали в основном респонденты возрастной категории до 35 лет: 43,6% осетин РСО–А, 43,3% русских и русскоязычных РСО–А, 43,5% русских и русскоязычных РА, 42,9% русских и русскоязычных РИ. Интересно, что в ЧР всего 9% респондентов до 35 лет когда-то читали Библию (Коран). Регулярно читают Библию (Коран) и другие положенные тексты 2,8% кабардинцев и балкарцев КБР до 35 лет и 1,1% русских и русскоязычных КБР старше 35 лет, 0,9% осетин РСО–А и 0,8% чеченцев ЧР той же возрастной категории.

При анализе национальности и возраста (как видно из табл. 3) среди автохтонного, русского и русскоязычного населения более знакомы с Библией (Кораном) те, кому до 35 лет (РА, КЧР, РСО–А). По всей видимости, сказались атеистическое воспитание представителей старшего поколения и подъем религиозного мировоззрения после распада СССР.

Установки респондентов в зависимости от национальности и уровня образования представлены в табл. 4. Большая разница в ответах в зависимости от образования у респондентов русской и русскоязычной национальностей ЧР со средним специальным (39,7%) и высшим (63,6%) образованием, которые отметили вариант ответа «никогда не читал данные тексты». В КБР вариант «регулярно читаю Библию (Коран) и другие положенные тексты» отметили только 1,9% русских и русскоязычных респондентов с высшим образованием. В Ингушетии разница в ответах русских и русскоязычных респондентов по данному критерию следующая: 12,5% респондентов со средним специальным образованием никогда не читали данные тексты, 37,5% когда-то читали; по 22,2% респондентов с высшим образованием отметили варианты: «Когда-то читал Библию (Коран)», «Иногда читаю Библию (Коран)» и «Регулярно читаю Библию (Коран), а другие положенные тексты – нерегулярно». Ни один респондент РИ с высшим образованием не отметил варианты ответа: «Никогда не читал эти тексты» и «Регулярно читаю Библию (Коран) и другие положенные тексты», а 22,2% респондентов отказались или затруднились ответить. А вот из респондентов со средним специальным образованием никто не отметил варианты: «Иногда читаю Библию (Коран)», «Регулярно читаю Библию (Коран), а другие положенные тексты – нерегулярно» и «Регулярно читаю Библию (Коран) и другие положенные тексты».

Отказались или затруднились ответить 50,0% русских и русскоязычных респондентов РИ со средним образованием.

Анализ переменных показал, что уровень системы образования на активное чтение Библии (Корана), за исключением нескольких нюансов, особую картину не дает.

Установки респондентов в зависимости от национальности и типа населенного пункта показали, что среди русских и русскоязычных РИ, проживающих в сельской местности, никто не отметил вариант ответа «никогда не читал эти тексты». Каждый второй городской русский и русскоязычный респондент ЧР (50,0%) не знаком с Библией (Кораном), такой же уровень познаний продемонстрировали респонденты сельской местности (46,2%). 43% кабардинцев, балкарцев КБР – сельчан никогда не читали священные писания (см. табл. 5). Каждый третий сельчанин (35,0%) и горожанин (34,1%) респондент-чеченец, горожанин-кабардинец, балкарец (30,0%), горожанин – русский и русскоязычный (29,2%), сельчанин-осетин (27,8%), горожанин-ингуш (27,1%), русский и русскоязычный житель села КЧР, РА (26,3%) никогда не читал Библию (Коран). Русские и русскоязычные (20,0%), проживающие в сельской местности ЧР, отметили вариант «когда-то читал Библию (Коран)», а из городских респондентов данной республики такой ответ никто не отметил.

Исходя из данных нашего опроса, те 3,6% русских и русскоязычных, которые регулярно читают все религиозные тексты, проживают в селе, а 2,5% дагестанцев, регулярно читающих Библию (Коран) – в городе.

На рассматриваемый вопрос нашей анкеты затруднились ответить каждый второй русский и русскоязычный житель села (50,0%) и 41,7% городских жителей РИ, каждый третий карачаевец, черкес КЧР сельской местности (28,1%), ингуш из сельской (34,1%) и городской среды (27,1%), каждый четвертый русский и русскоязычный сельский житель народов Дагестана. Лучше других с опросом справились сельские жители КЧР (5,4%).

Подводя итог, можно отметить, что подавляющее большинство респондентов северокавказских республик не читают Библию (Коран), т.е. и речи не может быть о глубокой религиозности жителей северокавказских республик. Верующие соблюдают лишь внешнюю сторону, так сказать, атрибутику вероисповедания. То, что респонденты посещают церковь (мечеть), больше говорит о том, что они солидарны со своей этнической группой.

Материалы массового опроса подтвердили: большинство граждан слушают, как толкуют, как раскрывают смысл многих положений и тезисов священного писания, посещая церковь или мечеть, но сами не могут при чтении раскрыть смысл: читают Библию (Коран), у них появляются вопросы, но не ответы.

Мнения экспертов на вопрос: «Читаете ли вы Библию (Коран) и другие религиозные тексты, положенные для чтения? Если да, то как часто?», – следующие:

- «Я думаю, читают священные писания единицы. Вряд ли найдется в республике глубоко убежденный человек, который от первой до последней страницы прочитал бы Коран или Библию».
- «После распада Советского Союза многие нашли опору в религиозных общинах, а в ЧР ислам стал даже главной идеологией в борьбе за «независимость», приведшую огромную массу людей к экономическому хаосу».
- «Я читала Библию, Коран и некоторые другие книги, в которых содержатся основные религиозные догматы. Но для меня

они не являются предметом культа, истиной в последней инстанции. Я считаю их, скорее, историческим источником, источником философских учений, не более».

Анализ материалов исследования показал, что степень знания истории, догматов, содержания обрядов и ритуалов той или иной религии находится на достаточно низком уровне. Данное обстоятельство является крайне опасным, так как религиозная неграмотность населения зачастую приводит к ложной интерпретации, порождая радикальные экстремистские настроения.

Список литературы

1. Гидденс Э. Социология. М. 2005.
2. Дзусов Х.В., Цуциев А.А. Штрихи к портрету региональных идеологий на Северном Кавказе. Владикавказ, 1997.
3. Кузнецов В.А. Введение в кавказоведение (историко-этнологические очерки народов Северного Кавказа). Владикавказ, 2004.
4. Основы религиоведения. Учебник. М., 2004.
5. Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1976.
6. Угринович Д.М. Введение в религиоведение. М., 1985.
7. Энциклопедический социологический словарь. М., 1995.

© Дзусов И.И., 2010

К.В.Гокоева

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ РЕСПУБЛИК К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

ГОКОЕВА Ксения Викторовна – руководитель пресс-службы администрации главы и правительства Республики Северная Алания Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации.

Аннотация. Статья написана на материалах этносоциологических исследований, проведенных в семи республиках СКФО РФ. Общий объем выборки составил 3500 респондентов. В целом подавляющее большинство граждан поддерживают рыночные отношения, т.е. у них есть понимание того, что рыночные отношения продиктованы современными модернизационными процессами, которые способствуют появлению равных возможностей для роста благосостояния людей. В этих условиях каждый считает необходимым принять участие в развитии глобальной экономики. Одновременно определенная часть респондентов СКФО РФ не поддерживает систему рыночных отношений, это, скорее, связано с тем, что автохтонный, местный капитализм по мере отхода государства от управления экономикой обрастает криминальными составляющими. Общество желает, чтобы государство взяло на себя ответственность за рыночные отношения так же, как несет ответственность за образование, науку и др.

Ключевые слова: рыночная экономика, теневая экономика, коррупция, валовый региональный продукт, макрорегион, частная форма собственности, региональные феодалы, новые экономические отношения в обществе.

Экономика СКФО всегда имела уклон в сторону неофициального сектора хозяйства: по оценкам экспертов, доля ее теневой части составляет 40–60%, что превышает среднероссийский показатель на 20–25%.

Типичным для СКФО является малый объем валового регионального продукта (ВРП). Такая позиция не позволяет решать важнейшие задачи социального развития макрорегиона. В сравнении с людскими ресурсами (16%) доля СКФО в валовом внутреннем продукте (ВВП) России (4,4%) выглядит особенно неубедительно. Неравномерность экономического развития в рамках самого южного округа наглядно проявляется в объемах ВРП на душу населения.

Федеральный бюджет был и остается пока самым крупным инвестором для республик Северного Кавказа. Так, госбюджет является основным

источником в таких республиках, как Чечня (94%), Ингушетия (70%), Кабардино-Балкария (52%), Адыгея (54%), в то время как в Волгоградской области данный показатель составляет всего 7%, в Ростовской и Астраханской – по 9%.

В структуре промышленности преобладает перерабатывающее производство. Это свидетельствует о наличии потенциала для развития экономики региона. Предметом особого внимания и заботы со стороны руководства любого региона являются промышленные предприятия. Именно из налоговых и иных отчислений крупнейших предприятий складывается значительная часть регионального бюджета. Очень важно в этой связи, чтобы соответствующие отчисления шли в бюджеты именно тех регионов, где расположено основное производство. К сожалению, довольно часто налоги перечисляются в субъекты, где зарегистрирована головная компания.

Фактором, сдерживающим развитие хозяйственной системы СКФО, является теневая экономика. По оценкам экспертов, в области промышленности она достигает 23%, в сельском хозяйстве – 82%, в розничной торговле – 87%. Подобные показатели свидетельствуют о неизбежности негативных социально-экономических последствий для региона.

Большинство социологов, экономистов, признавая допустимость частного сектора в экономике нашей страны, высказываются против передачи в сферу частной собственности предприятий транспорта, связи, энергетики, военно-промышленного комплекса и ряда других отраслей. Хозяйственно-финансовая деятельность государства, по их мнению, должна быть сконцентрирована на непромышленной сфере – в образовании, культуре, здравоохранении, фундаментальной науке, обороне.

Каково же мнение респондентов относительно перевода крупных предприятий в частную собственность? В анкету исследования был включен вопрос: «Как Вы относитесь к тому, чтобы частные лица владели крупными предприятиями?», – ответы на который представлены в табл. 1.

Позитивное отношение к данному вопросу, т.е. ответ «безусловно, допустимо», наблюдается преимущественно у респондентов РИ, как у представителей коренной национальности, так и у русских и русскоязычных (ингуши: в РФ – 33,0% в республике – 30,6% и русские и русскоязычные: в РФ – 33,3% в республике – 35,3%). К такому же мнению склоняются, т.е. отметили вариант ответа «скорее, допустимо», главным образом респонденты КБР и КЧР независимо от национальной принадлежности (кабардинцы, балкарцы: в РФ – 40,5%, в республике – 41,6%, русские и русскоязычные КБР: в РФ – 46,8%, в республике – 42,9%; карачаевцы, черкесы: в РФ – 37,8%, в республике – 36,5%, русские и русскоязычные: в РФ – 28,4%, в республике – 24,2%). По мнению большинства опрошенных РА и РД (также независимо от национальной принадлежности), это, «безусловно, недопустимо» (адыгейцы: в РФ – 26,2%, в республике – 28,2%, русские и русскоязычные РА: в РФ – 34,3% в республике – 28,8%; дагестанцы: в РФ – 23,8%, в республике – 28,0%, русские и русскоязычные РД: в РФ – 26,4%, в республике – 26,0%).

К такому же мнению склоняются русские и русскоязычные респонденты КЧР (в РФ – 29,5%, в республике – 25,3%), РД (в РФ – 31,6%, в республике – 28,3%) и ЧР (в РФ – 25,9%, в республике – 30,9%), а также рес-

понденты-осетины (в РФ – 32,7%, в республике – 30,7%) и чеченцы (в РФ – 28,6%, в республике – 28,8%). В целом почти одна пятая часть опрошенных затруднилась ответить на данный вопрос, и преимущественно в их число входят респонденты-русские и русскоязычные таких республик, как КБР (в РФ – 14,3%, в республике – 14,3%), КЧР (в РФ – 12,6%, в республике – 14,7%), РД (в РФ – 19,0%, в республике – 21,4%), а также респонденты-осетины и респонденты-чеченцы (осетины: в РФ – 13,6%, в республике – 9,8% и чеченцы: в РФ – 13,0%, в республике – 6,3%).

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы относитесь к тому,
чтобы частные лица владели крупными предприятиями?»***
В %

Код ответа	Варианты ответа	РА		КБР		КЧР	
		Адыгейцы	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Русские и русскоязычные	Карачаевцы, черкесы	Русские и русскоязычные
1	Безусловно, допустимо	16,7	12,2	29,5	13,5	24,3	21,1
		14,1	11,3	27,2	11,1	24,3	22,1
2	Скорее, допустимо	31,0	26,3	40,5	46,8	37,8	28,4
		31,8	29,2	41,6	42,9	36,5	24,2
3	Скорее, недопустимо	21,4	22,5	15,0	16,7	18,9	29,5
		25,9	27,4	13,3	23,0	12,2	25,3
4	Безусловно, недопустимо	26,2	34,3	3,5	8,7	13,5	8,4
		28,2	28,8	6,9	8,7	17,6	13,7
5	Затрудняюсь ответить	4,8	4,7	11,6	14,3	5,4	12,6
		0,0	3,3	11,0	14,3	9,5	14,7
		100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Код ответа	РД		РИ		РСО-А		ЧР	
	Народы Дагестана	Русские и русскоязычные	Ингуши	Русские и русскоязычные	Осетины	Русские и русскоязычные	Чеченцы	Русские и русскоязычные
1	23,8	7,5	33,0	33,3	17,3	17,0	15,6	19,8
	18,5	5,8	30,6	35,3	16,7	23,0	15,2	19,8
2	25,0	15,5	31,3	33,3	27,1	31,8	31,8	30,9
	23,2	18,5	32,4	29,4	27,9	27,6	39,3	32,1
3	15,2	31,6	20,5	16,7	32,7	19,3	28,6	25,9
	14,3	28,3	27,0	29,4	30,7	27,6	28,8	30,9
4	23,8	26,4	8,0	11,1	9,3	21,6	10,9	19,8
	28,0	26,0	6,3	5,9	14,9	16,1	10,5	14,8
5	12,2	19,0	7,1	5,6	13,6	10,2	13,0	3,7
	16,1	21,4	3,6	0,0	9,8	5,7	6,3	2,5
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Примечание: в РФ/в республике.

Как видно из результатов опроса, позитивно относятся к тому, чтобы частные лица владели крупными предприятиями, преимущественно респонденты РИ, а также КБР и КЧР независимо от национальной принадлежности. Противоположное мнение у большинства опрошенных РА и РД. К такому же мнению склоняются русские и русскоязычные респонденты КЧР, РД и ЧР, а также респонденты-осетины и респонденты-чеченцы. Затруднились ответить на данный вопрос преимущественно русские и русскоязычные респонденты КБР, КЧР, РД, а также респонденты-осетины и респонденты-чеченцы.

Эмпирический материал убеждает, что идея появления экономического человека в республиках СКФО стала реальностью, хотя они по сути являются традиционными, а не индустриальными обществами, и в подавляющей своей части их население живет в малых городах и сельских населенных пунктах. Если в столице РСО-А проживает почти половина населения республики (47,1%), то в столицах других республик СКФО картина другая. Например, в Майкопе от общей численности населения РА проживает 37,7%, в Махачкале 20,8% населения РД, в Грозном 18,7% населения ЧР, в Магасе 0,07% населения РИ, в Нальчике 33,2% населения КБР, в Черкесске 27,1% населения КЧР (данные за январь 2007 г.). Развитие экономики республик СКФО, рыночных отношений тормозится многими факторами, в том числе отсутствием грамотного, компетентного менеджмента на региональном и муниципальном уровнях, усугубляющими дефицит финансовых ресурсов и последствия политического кризиса на Кавказе. В обществе нет понимания доступности бизнеса для каждого гражданина.

В высказанных опрошенными соображениях внимание привлекла мысль о том, не приведет ли частная форма владения крупными предприятиями к негативным последствиям: не закроются ли предприятия, не останутся ли они без работы и средств к существованию. Именно крупные предприятия чаще всего являются основными градообразующими хозяйственными единицами, следовательно – основными субъектами предложения рабочих мест на рынке труда и основным источником трудовых доходов большинства семей, как городских, так и сельских, а также основным источником доходов бюджетов территориальных образований. Кроме того, респонденты высказывали сомнение в справедливости присвоения крупных бывших государственных предприятий частными лицами.

У экспертов есть мнение: при переходе к рыночным отношениям есть реальная опасность того, что, владея крупными предприятиями, многие предприниматели не готовы еще управлять ими в рыночных условиях. Поэтому неотложным является подготовка менеджеров высокой квалификации, знающих все тонкости управленческого процесса. Важно также остановить безудержный поток прибыли частных предприятий в зарубежные страны и вкладывать деньги в развитие собственного производства.

Ответственность за соблюдение прав граждан, по мнению экспертов, лежит на республиканской и федеральной ветвях власти. Другое дело, что на республиканской власти, поскольку она находится к нам ближе, лежит еще большая ответственность за исполнение законов. Если говорить о личных правах конкретного гражданина, то роль республиканских

властей является здесь основной, в первую очередь о правах жителей республики должны заботиться в самой республике. Федеральная власть должна выступать только куратором работы республиканской.

Власть в системе властных отношений опирается не на закон, а часто использует административно-силовые методы и скрытые привилегии государственной бюрократии и близких людей. На этом фоне происходит ослабление модернизационных факторов в социально-политической и экономической жизни. В итоге – полное игнорирование общественным мнением, в том числе на громкие публикации на страницах газет о действиях властей, о захвате государственной собственности, включая земельные участки для незаконного строительства высотных домов, игнорируя понятия исторических мест.

В обществе сложилось мнение: проблема не в форме владения, а в эффективности владения – кто может создать более эффективную форму функционирования предприятия, тот пусть и владеет им. Эффективность выражается в максимальной занятости, высокой заработной плате, а рабочим все равно, кто является владельцем. Проблема в том, что усиление администрирования дает возможность бюрократам и силовикам овладеть этой собственностью и не дает такую возможность людям компетентным и талантливым.

Общество вернулось к архаике привычной формы правления на Северном Кавказе. Обладание собственностью стали рассматривать как вознаграждение за службу, а в итоге страдают простые граждане. Отсутствие контроля со стороны надзорных органов республик СКФО привело к тому, что деревенские жители, потеряв колхозные земли, лишились и средств к существованию, вследствие чего произошел рост беднейших слоев населения. На современном этапе в республиках СКФО начал складываться некий социальный слой, который диктует обществу определенные правила игры в области политики и социально-экономической жизни северокавказского общества. Можно сказать, что мы вернулись в эпоху средневековья.

Интересный расклад мнений возник при постановке вопроса о том, целесообразно ли в условиях Российской экономики, на протяжении последних десяти лет сохранять рынок или вернуться к системе государственного контроля над экономикой. В целом доминирует вариант ответа «сохранять рыночные отношения», и в большей степени он отмечен респондентами РА (адыгейцы – 38,8%, русские и русскоязычные – 31,9%), РИ (ингуши – 57,1%, русские и русскоязычные – 55,6%) и ЧР (чеченцы – 38,4%, русские и русскоязычные – 37,0%), а также представителями автохтонных народностей КБР (40,7%) и КЧР (44,6%) (см. табл. 2). За вариант ответа «возврат к системе государственного контроля над экономикой» преимущественно респонденты по национальности русские и русскоязычные КЧР (40,0%) и ЧР (39,5%), а по мнению респондентов РД, в частности русских и русскоязычных (35,1%), естественные монополии должны принадлежать государству. Вот как выглядит картина в этом отношении в контексте национальной принадлежности.

Как видно из табл. 2, респонденты преимущественно за вариант ответа «сохранять рыночные отношения»; в большей степени его придержи-

ваются респонденты РА, РИ и ЧР, а также представители автохтонных народностей КБР и КЧР. В целом достаточно высок процент респондентов, затруднившихся ответить на вопрос, особенно в КБР и РСО-А.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос:
«Должна ли Российская Федерация сохранить рынок
или вернуться к системе государственного контроля над экономикой?»
В %

Код ответа	Варианты ответа	РА		КБР		КЧР	
		Адыгейцы	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Русские и русскоязычные	Карачаевцы, черкесы	Русские и русскоязычные
1	Сохранять рыночные отношения	38,8	31,9	40,7	29,9	44,6	24,2
2	Вернуться к системе государственного контроля над экономикой	34,1	36,6	15,7	18,9	20,3	40,0
3	Естественные монополии должны принадлежать государству	15,3	24,4	11,0	18,9	18,9	20,0
4	Затрудняюсь ответить	11,8	7,0	32,6	32,3	16,2	15,8
		100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Код ответа	РД		РИ		РСО-А		ЧР	
	Народы Дагестана	Русские и русскоязычные	Ингуши	Русские и русскоязычные	Осетины	Русские и русскоязычные	Чеченцы	Русские и русскоязычные
1	29,6	11,5	57,1	55,6	26,9	20,7	38,4	37,0
2	38,9	32,2	23,2	22,2	29,7	28,7	29,5	39,5
3	20,4	35,1	8,0	16,7	19,8	24,1	16,8	19,8
4	11,1	21,3	11,6	5,6	23,6	26,4	15,3	3,7
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Если на начальном этапе рыночной экономики возлагали надежды на новые экономические отношения в обществе, то сейчас наблюдается другая тенденция – апатия как со стороны существующих, так и со стороны потенциальных бизнесменов. Государственные структуры проявляют интерес к работе бизнесменов чтобы их ограбить. У них нет понимания важности создания новых рабочих мест в регионе, им не до патриотизма и развития экономической мощи государства. Вот почему важно разработать законы для реального развития рынка, чтобы каждый гражданин РФ мог реализовать себя в бизнесе.

Сегодня зарабатывать – значит иметь что-то привлекательное для рынка. Рынок должен хотеть именно твой труд. А в условиях глобализации

людей надо ориентировать на самовыражение своей индивидуальности. Это очень важно в традиционных обществах Северного Кавказа, где коллективное мышление очень сильно развито, это поможет государству в создании среднего класса.

В обществе есть твердая убежденность: нужно поддерживать отечественного производителя, а не тех, кто «тут купил, а там продал». Это было бы очень положительным для республик СКФО. Частное предпринимательство надо поощрять, а не порицать.

Сегодняшнее предпринимательство – это уже отдельный класс. Граждане не против тех бизнесменов, которые заботятся о своих работниках. И владельцы крупных корпораций заинтересованы в своих специалистах.

Крупные предприятия должны быть в собственности у государства, которое определило бы их тактику и стратегию развития, обеспечивая конкурентоспособность этих предприятий и производимой продукции, развивая их технологии, обеспечивая экономический успех. Частные лица в России, как показывает опыт, не работают на общество, на развитие отрасли.

Переход к рыночной экономике, преобразование отношений собственности в 1990-е гг. сопровождалось падением уровня жизни большей части населения, ростом неудовлетворенности жизнью, особенно материальными условиями.

Большинство испытывали относительную депривацию: воспринимали изменения в своей жизни за последние годы негативно и считали сложившуюся ситуацию несправедливой. Усугубление жизненных тягот заставляет представителей депривированных слоев, сравнивая советский образец с либеральной моделью, признать преимущества первого. Они отвергают ценности и нормы, регулирующие поведение в рыночной экономике.

Главные задачи власти республик СКФО – соблюдение прав граждан. Права граждан не гарантированы конституционно. В этих условиях частная собственность идентифицируется с сущностью самого человека, она – результат его труда. Раз частная собственность неприкосновенна, значит, и человек неприкосновенен. Мы не завершили первоначальное накопление капитала и сохраняем лазейку для перераспределения, отсюда и проблемы рейдерства, т.е. набеги на собственность. Если бы у нас был закон неприкосновенности частной собственности, таких фактов не было бы. Во-вторых, исполнение МВД своих функций. Правоохранительные органы не выполняют полностью свои обязанности, потому что в их рядах служат сотрудники, которые в прошлом являлись членами мафиозных групп и которые вошли в эту структуру для того, чтобы «крышевать» другие структуры. В-третьих, огромное количество законов не доведено до логического конца, управление происходит произвольно, люди не обращаются к правосудию, потому что это бессмысленно. Законы настолько неопределенны, что умелый адвокат может интерпретировать эти законы так, как хочет. Они сделаны «под себя» на период первоначального накопления капитала. Даже законы о банкротстве созданы таким образом, чтобы чиновник мог этим воспользоваться в своих интересах. Законы на этой стадии нашего развития не могут быть нормальными, потому что и сам процесс функционирования экономики ненормальный.

Как показывают материалы опроса, респонденты и эксперты занимают две основные позиции. Представители первой считают, что мы опоздали с рынком. Частный сектор безоговорочно должен быть везде, где люди могут проявить усилия – индивидуальные или небольших групп (такси, кафе и т.д.). Вмешательство государства должно быть минимальным.

Вторая часть опрошенных и экспертов считает, что контроль государства над экономикой необходим. Причем, как только вмешательство государства ослабилось, вскоре наступали экономический кризис, депрессия, государство сразу же брало экономические рычаги в свои руки – и выводило экономику из кризиса. Нынешний мировой экономический кризис «обнаруживает себя» прежде всего в ослаблении участия государств в экономических процессах, предоставлении бизнесу безграничной свободы действий.

Рыночная система поддерживается подавляющим большинством жителей республик СКФО. Это свидетельствует о том, что население этих республик желает вписаться в современную глобальную систему, где на первый план выступают материальные ценности, а материальное дает статус, уважение, престиж. И для традиционных обществ Северного Кавказа, где подавляющая часть населения проживает в сельской местности, люди имеют тесные контакты, данные факторы характерны для горцев весьма привлекательными ценностями: построил особняк, купил машину... – весь этот антураж рынка их явно привлекает. Здесь за бортом остаются морально-ценностные установки западной культуры (честный труд, порядочность), и на первый план выходит стремление к максимальному удовлетворению материальных потребностей любой ценой.

Анализируя ситуацию, связанную с переводом крупных предприятий в частные руки, возможно учитывать следующие моменты. Дисбаланс между национально-государственными и социально-экономическими факторами развития – одна из характерных особенностей современного российского федерализма. Государственный статус в рамках Российской Федерации в силу ряда исторических причин получили практически все крупные автохтонные этносы Кавказа. При этом, однако, уровень экономического развития и возможности самообеспеченности в современных условиях отдельных субъектов РФ и СКФО несопоставимы.

Большинство экспертов, признавая допустимость частного сектора в экономике нашей страны, высказываются против передачи в сферу частной собственности предприятий транспорта, связи, энергетики, военно-промышленного комплекса и ряда других отраслей. Хозяйственно-финансовая деятельность государства, по их мнению, должна быть сконцентрирована на непроизводственной сфере – в образовании, культуре, здравоохранении, фундаментальной науке, обороне.

Материалы исследования позволили сделать следующие выводы.

В целом подавляющее большинство граждан поддерживают рыночные отношения, т.е. у них есть понимание того, что рыночные отношения продиктованы современными модернизационными процессами, которые способствуют появлению равных возможностей для роста благосостояния людей. В этих условиях каждый считает необходимым принять участие в развитии глобальной экономики. Опосредованно этим можно объ-

яснить и спрос на качественное образование как в целом в Российской Федерации, так и в республиках СКФО, так как образование формирует культуру предпринимательской деятельности, прививает умение ориентироваться в информационных технологиях, обучает планировать риски и находить ответы на них.

Одновременно определенная часть респондентов СКФО РФ не поддерживает систему рыночных отношений, это, скорее, связано с тем, что автохтонный, местный капитализм по мере отхода государства от управления экономикой обрастает криминальными составляющими.

Общество желает, чтобы государство взяло на себя ответственность за рыночные отношения так же, как несет ответственность за образование, науку и др. Предприниматели понимают: если государство не берет на себя бремя ответственности за рынок, они (из-за сопутствующих негативных моментов в рыночной экономике) с большей вероятностью потеряют то, что вложили в собственный бизнес.

В обществе устойчиво представление о том, что, если есть свобода, то только у теневых и криминальных структур, находящихся у власти, но не у реально действующих предпринимателей, платящих налог в бюджет. Контролируются не только печатные органы, но и фиксируются любые слова, сказанные на межличностном уровне по поводу криминальной деятельности власти на местах. Главная задача развития рыночной системы на Северном Кавказе – сделать рынок свободным не только от государства, но и от криминала и создать подлинный рынок, приносящий доход как предпринимателям, так и государству.

Список литературы

1. *Кравченко А.И.* Прикладная социология и менеджмент. М., 1995.
2. *Радаев В.В.* Экономическая социология. М., 1997.
3. *Соколова Г.Н.* Экономическая социология. Учебник для вузов. Минск, 1998.
4. *Сото Э.* Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М., 2001.
5. Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М., 2002.
6. *Чангли И.И.* Труд. М., 2002.
7. *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003.

Э.А.Чурюмова

**ДИСБАЛАНС НА РЫНКЕ ТРУДА:
СПРОС И ПРЕДЛОЖЕНИЕ**
По материалам Республики Калмыкия

ЧУРЮМОВА Эльвира Аркадьевна – аспирантка ИСПИ РАН.

Аннотация. В данной статье автор анализирует ситуацию на рынке труда (спрос и предложение) в Республике Калмыкия на основе эмпирических материалов. Данные материалы показывают, что большинство молодых людей планируют продолжить образование или работать за пределами Калмыкии, рассматривая республику в качестве своеобразного «инкубатора».

Ключевые слова: Рынок труда, спрос и предложение на рынке труда, работодатели, молодежь.

Труд, занятость для индивида – это не только способ получения средств к существованию, дохода, но и многомерная социализация человека. В ходе выбора места работы каждый индивид руководствуется как рациональными, так и нерациональными мотивами. Например, пониманием того, что такое «достойная работа», «достаточная зарплата», «положение в обществе», «грязная» и «чистая» работа, все это выходит за рамки экономических оценок. Существенное влияние на этот процесс оказывают государственная политика в социально-экономической сфере, социальные факторы, социальные стереотипы, общественные устои, личный опыт. Рынок труда отражает состояние социально-политической, экономической ситуации в регионе, своеобразие исторического и этнокультурного развития, сложившиеся традиции и ценности. Проблемы рынка труда особенно обострились в связи с переживаемым экономическим кризисом в стране и оказывают существенное влияние на социально-политическую ситуацию в республике. Поэтому нами была поставлена задача изучения спроса и предложения на рынке труда в Республике Калмыкия на основе обобщения мнений работодателей, выпускников средних школ и профессиональных учебных заведений республики и выявить их влияние на социально-политическую ситуацию в регионе.

Серьезными проблемами рынка труда Калмыкии являются: ограниченность экономического развития, безработица среди отдельных социально-

демографических групп (молодежь, выпускники профессиональных учебных заведений, женщины и др.), несоответствие спроса и предложения, низкооплачиваемость вакантных рабочих мест, временный характер предлагаемой работы, ее «непрестижность»: на 1 января 2002 г. доля рабочих профессий составила 63,5% от общего количества вакансий¹; за 1-е полугодие 2010 г. – 93,2% от общего количества вакансий² (потребность в работниках за первое полугодие 2010 г. составила 4988 вакансий, из которых 4651 – по рабочим профессиям). Сегодня республике требуются «воспитатели детских садов, врачи, медицинские сестры, лаборанты, садовники, водители, лифтеры, официанты, а ищут работу юристы, экономисты, финансисты и программисты»³.

В ходе проведенного исследования было выявлено, какое количество предприятий имели вакансии на момент проведения опроса.⁴ Результаты показали, что на абсолютном большинстве исследуемых предприятий – 76,4% – вакансий не было. Отсутствие вакансий также является одной из главных причин, мешающих трудоустройству безработных граждан республики, по мнению большинства опрошенных работодателей – 55,9% (см. диаграмму 1).

На каждом пятом предприятии – 23,6% – вакансии имелись, в основном, для работников неквалифицированного труда (пастухи, уборщицы, мойщики автомобилей, разнорабочие, сторожа, грузчики, кухонные работники, гуртоправы и др.). Из квалифицированных работников чаще всего требовались водители, электрики, сварщики, технологи, механизаторы и др. Высококвалифицированным специалистам найти работу было наиболее затруднительно: имелся совсем небольшой спрос по таким профессиям, как учителя, зоотехники, врачи различных специализаций, бухгалтеры, инженеры и др. Другими словами, рынок труда республики можно охарактеризовать как рынок неквалифицированного, а значит низкооплачиваемого труда.

¹ Преобладает спрос на рабочие профессии // «Известия Калмыкии». 2002, 5 февраля. С.1.

² «Трудовой вестник Калмыкии». 2010, 19 июля. С.1.

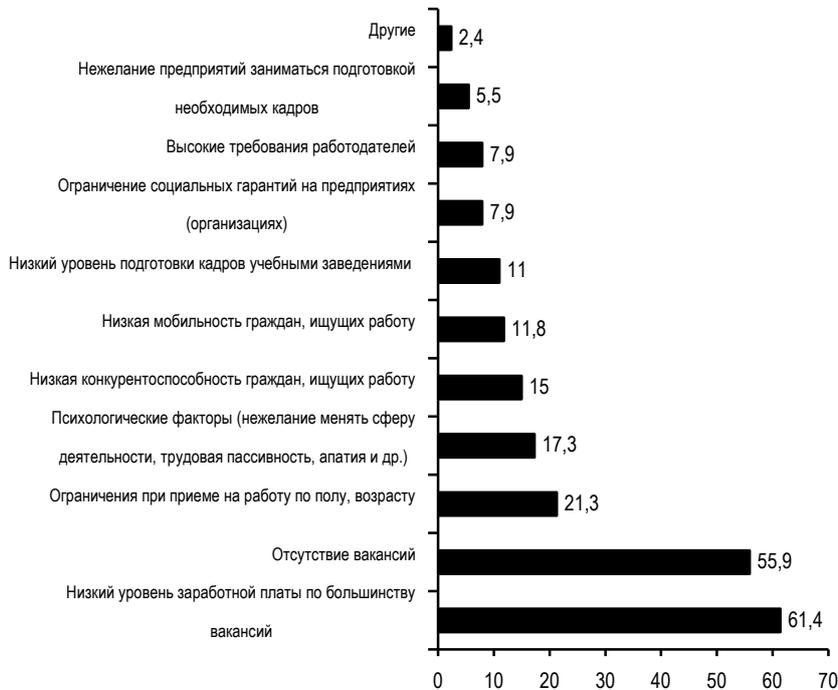
³ Поводов для отчаяния нет // «Известия Калмыкии». 2010, №100, 9 июня. С.2.

⁴ Эмпирической базой данного исследования послужили материалы социологических опросов по изучению спроса (опрос работодателей, проведен в октябре–ноябре 2009 г.) и предложения (опрос выпускников средних школ и выпускников ССУЗов/ВУЗов, проведен в апреле–мае 2010 г.) на рынке труда Республики Калмыкия. Для сбора первичной информации был использован анкетный опрос. В качестве объекта исследования для изучения спроса выступали потребители рабочей силы – организации (предприятия), индивидуальные наниматели. Опросом было охвачено 128 руководителей, главных специалистов государственных и негосударственных предприятий и организаций республики, предпринимателей республики. Для изучения предложения на рынке труда: 362 выпускника средних школ, 357 выпускников ССУЗов и ВУЗов Республики Калмыкия.

Целевые группы респондентов формировались следующим образом: 1. По изучению спроса: городское предприятие «зрелого» возраста, работающее в непроизводственном секторе экономики, находящееся в частной собственности и имеющее в своем штате до 5 работников. 2. По изучению предложения: выпускник(ца) средней школы в возрасте 16 лет, живущий(ая) в селе в малообеспеченной семье и имеющий(ая) одну сестру или брата; выпускник(ца) профессионального учебного заведения в возрасте 18–19 лет, живущий(ая) в городе в семье со средним материальным достатком и имеющий(ая) одну сестру или брата.

Диаграмма 1

**Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы думаете, каковы причины, мешающие трудоустройству
безработных граждан Республики?»**
В %

При этом абсолютное большинство выпускников средних школ республики намерены стать высококвалифицированными специалистами: планируют получить высшее образование в Калмыкии или за ее пределами – 78,4%, рассчитывая повысить свои статусные и профессиональные возможности. Среднее специальное образование выбирает значительно меньшее количество школьников – 8,2%, скорее такое образование непопулярно среди молодежи (см. диаграмму 2). Основная причина выбора среднего специального образования – это отсутствие материальных возможностей у семьи для поступления и учебы в ВУЗе. На момент проведения опроса, подавляющее большинство выпускников школ республики – 74,9% – уже выбрали профиль своего обучения или же конкретный ВУЗ или ССУЗ, куда намерены поступать. В основном, выбор был сделан по таким профессиям, как юрист, экономист, которые не являются сегодня востребованными на рынке труда республики. Желающих получить специальности врача, инженера или профессию гуманитарного профиля было заметно меньше. Сельскохозяйственные, строительные профессии, наиболее востребован-

ные на рынке труда региона, хотели бы получить сравнительно небольшое число выпускников средних школ.

Диаграмма 2

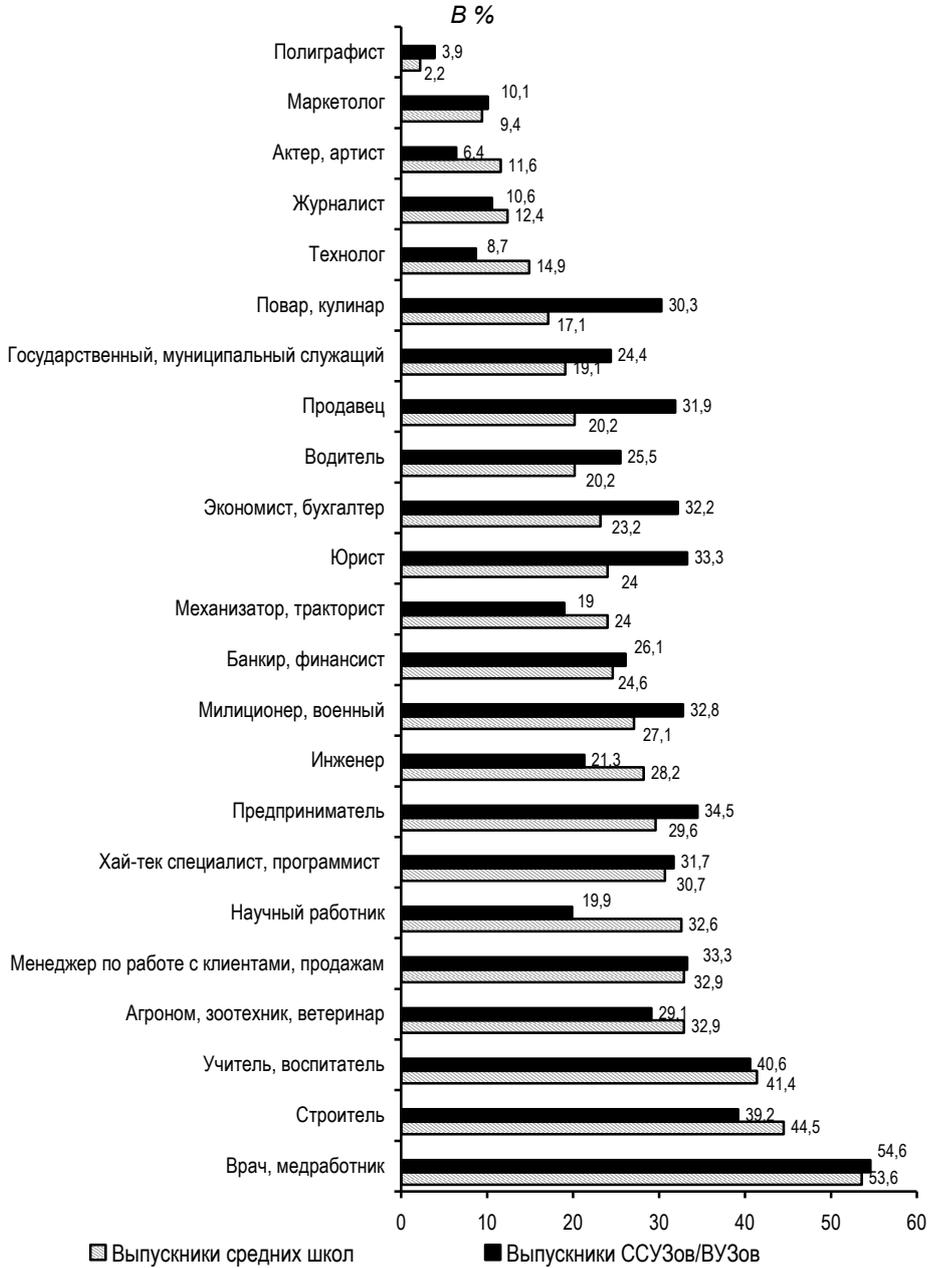
**Распределение ответов на вопрос:
«Что ты собираешься делать после окончания школы?»**
В %

Можно предположить, что молодые люди не имеют представления о потребностях спроса на региональном рынке труда, так как выбирают «модные» профессии, невостребованные в регионе профессии в том количестве, в котором их выбирают. Согласно же материалам опроса, данное предположение не верно. По мнению молодых людей, в республике востребованы работники бюджетной сферы, сельского хозяйства, сферы услуг. Молодые люди имеют реальное представление о потребностях спроса рынка труда республики, называя востребованными «врача», «строителя», «учителя», «зоотехника», «чабана», «механика» и др. (см. диаграмму 3). Вместе с тем, эти же востребованные профессии респонденты посчитали «непрестижными» и не выбрали их в качестве своей будущей профессии. Мнения выпускников средних школ и выпускников профессиональных учебных заведений полностью совпали в определении «пятерки» самых «престижных» профессий: «бизнесмен» – 91,3 и 96,9%, «банкир, финансист» – 95,2 и 94,4%, «политик» – 86,7 и 79,2%, «хай-тек-специалист, программист» – 82,6 и 78,8%, «юрист» – 77,1 и 78,7%; и «пятерки» самых «непрестижных» профессий: «продавец, официант» – 93,7 и 82,3%, «водитель» – 86,4 и 79,4%, «чабан, гуртоправ» – 85,6 и 81,7%, «механизатор, тракторист» – 81,1 и 86,1%, «зоотехник, агроном» – 78,2 и 78,5%, соответственно.

Диаграмма 3

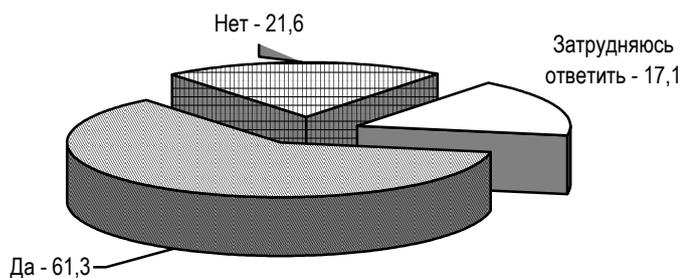
**Распределение ответов на вопрос:
"На твой взгляд, какие из перечисленных ниже
специальностей/профессий
востребованы сегодня в нашей республике?"**

Если рассматривать спрос на республиканском рынке труда с точки зрения уровня квалификации, то такой рынок труда можно назвать рынком неквалифицированного труда, рынком труднозаполняемых вакансий. Субъекты предложения рынка труда республики направлены на удовлетворение потребностей спроса крупных российских городов, особенно гг. Москвы и Санкт-Петербурга. Об этом косвенно свидетельствуют трудовые ориентации выпускников профессиональных учебных заведений, которые четко представляют себе потребности регионального рынка труда, но ориентируются на потребности спроса в других регионах. Статистических данных о количестве уехавших в поисках заработка в гг. Москву, Санкт-Петербург нет, так как подсчитать маятниковую (возвратную) миграцию невозможно. Приведем материалы социологического опроса: большинство выпускников профессиональных учебных заведений Калмыкии – 61,3% думают или намерены уехать из Калмыкии (см. диаграмму 4).

Диаграмма 4

Распределение ответов на вопрос:
«Думаете (намерены) ли Вы уехать из Калмыкии в другой регион?»
 В %

Наиболее распространенными причинами для того, чтобы покинуть Калмыкию являются: желание больше зарабатывать – 45,7%, для продолжения образования – 36,0%, а также по причине сложной экономической ситуации в регионе – 24,6%. Кроме того, низкий уровень заработной платы по большинству вакансий является одной из причин безработицы по мнению опрошенных работодателей республики – 61,4%. Ради достижения жизненного успеха молодые специалисты готовы, в первую очередь, переехать в другой город – 55,7%, затем отказывать себе в отдыхе, развлечениях – 32,5% и иметь ненормированный график работы, трудиться по 12–16 часов в сутки – 23,2%. Да и большинство выпускников средних школ – 58,8% – ориентируются на получение высшего образования за пределами Калмыкии.

Следует отметить, что молодые люди, заканчивающие профессиональное учебное заведение в Калмыкии при ответе на вопрос: «В чем из перечисленного вы нуждаетесь сегодня больше всего?», – вторым по значимости необходимым ресурсом назвали «качественное образование» – 23,8%, а первым – «опыт работы, профессиональные навыки» – 41,5%. Означает ли это, что респонденты были не довольны профессиональной подготовкой, полученной в своем учебном заведении? Согласно полученным результатам, большинство молодых специалистов в основном удовлетворены своей профессиональной подготовкой – 46,2% и более трети – 36,7% – полностью удовлетворены, т.е. в целом 82,9% респондентов. Свое видение этого вопроса высказали работодатели республики, которым был задан вопрос: «Отвечают ли выпускники профессиональных учебных заведений квалификационным требованиям работодателей республики?» Суммарно позиции «в целом, да» и «скорее да, чем нет» составили 40,1% опрошенных; позиции «абсолютно не отвечают» и «скорее нет, чем да» – 43,4%. Некоторые работодатели высказывали мнение о том, что существует проблема дефицита в рабочих и специалистах определенных видов деятельности, несоответствия между вновь подготовленной рабочей силой и требованиями работодателей. Из тех исследуемых работодателей, кто выразил неудовлетворенность уровнем подготовки выпускаемых специалистов, большинство – 40,2% – указали на недостаток профессиональных знаний у выпускников профессиональных учебных заведений Калмыкии.

Можно сказать, что мнение работодателей и самих молодых специалистов совпадают в том, что выпускникам не хватает профессиональных знаний, опыта, т.е. получая диплом, молодые люди чаще всего не обладают практическими навыками по полученной профессии и одновременно выражают удовлетворенность профессиональной подготовкой в своих учебных заведениях.

Ожидания молодых специалистов о спросе на полученную ими специальность в Калмыкии весьма реальны (как уже отмечалось, на момент проведения опроса на абсолютном большинстве исследуемых предприятий – 76,4% – вакансий не было): абсолютное большинство – 70,4% – назвали его «небольшим». Практически две трети молодых специалистов не уверены в трудоустройстве в Калмыкии по своей специальности. Большинство молодых специалистов – 30,0% – только «приблизительно знают, где будут работать».

При поиске работы молодые специалисты ориентируются не столько на поиск работы по специальности, сколько на поиск той работы, которая обеспечит им приемлемый доход.

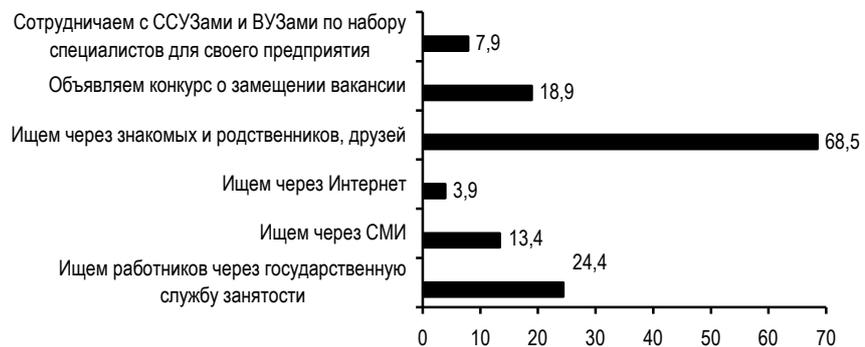
В случае возникновения необходимости подбора и приема новых сотрудников руководители обращаются к различным источникам информации в поисках соискателей. Какие же из предложенных каналов информации оказались наиболее используемыми работодателями Калмыкии? (см. диаграмму 5).

Подавляющее большинство – 68,5% – исследуемых руководителей используют в этом случае неформальные связи: ищут работников через знакомых, родственников, друзей. Почти каждый четвертый – 24,4% – восполь-

зуется услугами государственной службы занятости. Конкурс на замещение вакансии объявляют – 18,9% респондентов. Более чем каждый десятый – 13,4% – ищет сотрудников при помощи средств массовой информации. 7,9% – сотрудничают непосредственно с ССУЗами и ВУЗами по набору специалистов для своего предприятия. Ищут сотрудников в сети Интернет пока еще совсем немногие – 3,9%.

Диаграмма 5

**Распределение ответов на вопрос:
«Какие каналы Вы используете при подборе работников
для Вашего предприятия (организации)?»**
В %

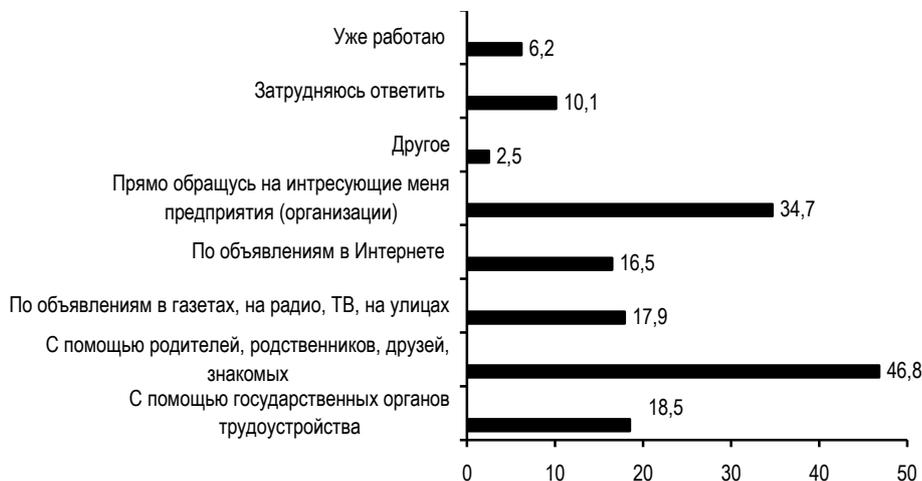

С помощью каких каналов информации ищут или собираются искать работу выпускники профессиональных учебных заведений? (см. диаграмму 6).

Из приведенной диаграммы 6 видно, что молодые специалисты 46,8%, как и работодатели, ищут или будут искать работу с помощью неформальных каналов информации. Неформальные связи занимают значимое место во взаимодействии между субъектами рынка труда республики – работодателями и соискателями. Система знакомств, родственных связей, «свои источники» имеют решающее значение в подборе кадров и в трудоустройстве. Другими словами, личные неформальные связи во многом, выполняют функции государственной службы занятости. Руководители предприятий частной формы собственности, имея «хорошие» вакансии, как правило, не обращаются в службу занятости для решения своих кадровых вопросов. Роль государственной службы занятости в процессе трудоустройства сведена к минимуму: ее услугами воспользуется лишь каждый четвертый работодатель (24,4%) и почти каждый пятый молодой специалист (18,5%).

Диаграмма 6

**Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы ищете (собираетесь искать) будущее место работы?»**
В %

Таким образом, проведенные социологические исследования показали, что спрос (работодатели) и предложение (выпускники профессиональных учебных заведений) на рынке труда Калмыкии находятся в состоянии дисбаланса. Такая ситуация не может не оказывать влияния на социально-политическую ситуацию в республике. Молодые люди выражают намерение работать или учиться за пределами республики, где рассчитывают больше зарабатывать или получить качественное образование. Молодые специалисты, вероятнее всего, не смогут найти работу в своем регионе, которая удовлетворяла бы их материальные и достигительные потребности. Подготовленные в республике молодые специалисты не находят реализации своим знаниям и способностям в своей республике по причине отсутствия подходящих для них вакансий. И поэтому ориентируются на потребности рынков труда крупных городов, причем в большей мере это образованные, высококвалифицированные работники. Молодые люди, которые не намерены уезжать из республики называют такую, наиболее распространенную причину своего желания остаться в Калмыкии: «хочу жить и работать в своей республике, на родной земле». Их можно назвать патриотами своей республики.

Можно сказать, что такая ситуация на рынке труда республики объективно способствует ухудшению социально-политической ситуации в Калмыкии. Негативные экономические (неразвитость экономической инфраструктуры, безработица и др.), социальные (сокращение численности населения республики по причине миграционной убыли, ориентация молодежи учиться и работать за пределами республики и др.) факторы являются дестабилизирующими составляющими в развитии калмыцкого общества.

КЛАССИЧЕСКАЯ И СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ: Э.ГИДДЕНС, Ю.ХАБЕРМАС, П.БУРДЬЕ¹

Дайджест подготовлен И.Б.ОРЛОВОЙ и Т.И.ШУМИЛИНОЙ по материалам книги S.APPELROUTH and L.DESFOR EDLES «Classical and Contemporary Sociological Theory». USA, 2008.

Знакомство с новой книгой американских авторов С.Аппельроут и Л.Десфор Эдлис «Классическая и современная социологическая теория»² мы начали с раздела, посвященного трем ведущим теоретикам современной социологии: Энтони Гидденсу, Юргену Хабермасу и Пьеру Бурдьё. Первая часть, опубликованная в предыдущем номере журнала, представляла Энтони Гидденса. В данном номере речь будет идти о Юргене Хабермаса.

Напомним читателю, не знакомившемуся с первой частью, что авторы книги объединили названных ученых по принципу наибольшего вклада в выработку *многомерного теоретического видения социальной жизни*. Все три теоретика работали на преодоление одностороннего подхода в социальной теории, на сочетание субъективистской и объективистской, сознательной и бессознательной, макро- и микро- ориентации. Во второй половине XX в. ученые начали активно включать в свои концепции идеи из целого ряда смежных дисциплин и направлений – психоанализа, экономики, сравнительной лингвистики, марксизма, феноменологии, социальной антропологии и других. Но различные подходы конкурировали между собой, не способствуя выработке теоретического синтеза и общего предмета обсуждения. По-прежнему преобладали одномерные теоретические модели, не охватывавшие все многообразие и сложность взаимосвязей, существующих между индивидом и обществом.

Рассматриваемые ученые, каждый по-своему, преодолевают одномерный подход к объяснению социальной жизни. Они представили свое интегративное теоретическое видение, в котором обосновывается фундаментальное единство человеческой практики, непротивопоставление объекта и субъекта, материального и символического, макро- и микроанализа социальных явлений.

¹ Продолжение. Начало см. «Наука. Культура. Общество». 2010, №2. С.147–158.

² Scott Appelrouth and Laura Desfor Edles. Classical and Contemporary Sociological Theory. Ch. 16. Contemporary Theoretical Syntheses. California State University, Pine Forge Press, USA, 2008.

Часть 2. ЮРГЕН ХАБЕРМАС

Краткий биографический очерк. Юрген Хабермас родился в Германии в Дюссельдорфе в 1929 г. Его детство прошло в небольшом немецком городке Гуммерсбахе (Gummersbach), где отец был главой местной торгово-промышленной палаты. В возрасте десяти лет в начале Второй мировой войны Хабермас был записан в Гитлерюгенд – обязательную молодежную организацию, в которой юноши проходили подготовку к военной службе, а девушки – к будущему материнству. Однако после поражения Германии Хабермас осудил нацизм как «преступную систему»¹ и оценил окончание войны как «освобождение, одновременно историческое и личное».

В период между 1949–1954 гг. Хабермас изучал философию, историю и психологию в университетах Гёттингена, Цюриха и Бонна. В 1953 г. он опубликовал критическую статью в адрес влиятельного философа Мартина Хайдеггера, в которой прослеживал связь между преданностью Хайдеггера идеям нацизма и его философией экзистенциализма. В следующем году он завершил диссертацию «Абсолют в истории»², о философе-идеалисте Шеллинге. К концу университетского образования он увлекся работами Маркса и критической теорией ученых франкфуртской школы. Огромное влияние на него оказали «История и классовое сознание» Георга Лукача³ и «Диалектика просвещения»⁴ Хоркхаймера и Адорно. В период с 1956 по 1959 гг. Хабермас работал ассистентом Адорно в Институте социальных исследований (ISR).

Несмотря на интерес к критической теории, интеллектуальная позиция Хабермаса стала меняться, он стремился освободиться от жестких догматов, своих наставников. Особенно его разочаровало отрицание первыми представителями критической теории значения публичной сферы полемикой как возможной арены демократического, прогрессивного обмена мнениями и их пессимистическое восприятие современного общества в целом. В 1959 г. Хабермас покидает ISR и готовит вторую диссертацию в Марбургском университете – «Овладение профессиональным мастерством»⁵. Далее он работает в качестве профессора философии и социологии в Гейдельбергском университете, а после 1964 г. во Франкфурте. Франкфурт он вынужден покинуть из-за идейных расхождений со студенческим протестным движением, придерживавшимся экстремистских политических позиций. В период между 1971 и 1981 гг. он жил в Штарнберге (Бавария), где занимал пост директора Института Макса Планка по изучению условий жизни в научно-техническом обществе (Max Planck Institute for the Study of the Conditions of Life in Scientific-Technical World). За это время он написал ряд хорошо принятых работ, в том числе: «Знание и человеческие интересы» (1971), («Познание и интерес») и «Кризис легитима-

¹ Интервью, 1992.

² The Absolute in History.

³ Georg Lukács – «History». And Class Consciousness».

⁴ Horkheimer and Adorno – «Dialectic of Enlightenment».

⁵ «Habilitation».

ции» (1975)¹. В 1980 г. Хабермас получил премию Т.Адорно, присуждаемую г. Франкфуртом. С 1982 г. по 1994 г. – год его выхода на пенсию – он профессор философии в Гейдельбергском, затем Франкфуртском университетах.

Хабермаса считают одним из наиболее значительных интеллектуалов в Европе, а журнал «Der Spiegel» назвал его «самым интеллектуально одаренным и ярким» философом Германии. Его читают не только социологи, философы и политологи, но также и политики во всем мире. Его самые значительные работы – «Теория коммуникативного действия»: том 1 «Разум и рационализация общества» (1984) и том 2 «Жизненный мир и система»², до сих пор продолжают вдохновлять демократических активистов.

Интеллектуальное влияние и основные идеи

Ю.Хабермас является признанным наследником традиции франкфуртской школы. Являясь учеником двух ее основателей – М.Хоркхаймера и Т.Адорно, в своем творчестве он главным образом опирался на критическую теорию и продолжал исследование наиболее важных проблем, которые пытались разрешить ее ведущие представители: *роль разума в развитии свободного и справедливого общества*. Однако интеллектуальное влияние, испытанное Хабермасом, этим не ограничивается. Оно уходит корнями в интеллектуальную историю Германии, в наследие мыслителей немецкого Просвещения, восходящего к XVIII в. Усвоив и переработав взгляды Канта, Гегеля и Маркса, он формирует современный подход к пониманию эмансипаторской роли научного проекта развития социальной философии. Этот проект предусматривает создание такого социального порядка, в котором разум и рациональность обеспечивают путь к установлению экономического равенства, политической демократии и освобождению личности от различных систем господства. Все эти темы составляют сущность собственного теоретического направления Хабермаса, источником которого, помимо идей Маркса, стали взгляды Вебера, Дюркгейма, Мида, Гуссерля, Шюца, Парсонса, а также лингвофилософов и эволюционных психологов.

Подобно Веберу и теоретикам франкфуртской школы Хабермас утверждает, что современный мир характеризуется все возрастающей инструментальной рационализацией, т.е. широким распространением и внедрением методических процессов и расчетных правил во все более широкие сферы социальной и личной жизни. Однако, тогда как прежние выразители критической теории рассматривали рационализацию как путь, ведущий лишь к разложению человеческого разума и к разрушению цивилизации, Хабермас считает, что современная эпоха порождает смешанные результаты. И хотя и является справедливым то, что возможности демократии и человеческой свободы в современных обществах деформированы и извращены, эпоха модерна установила правление закона, обеспечила

¹ Knowledge and Human Interests; «Legitimation Crisis».

² The Theory of Communicative Action. V. 1 «Reason and Rationalization of Society»; V. 2 Lifeworld and System».

расширение политических и гражданских прав, и если и не достигла полной реализации демократии, то, по крайней мере, добилась освящения демократических принципов правления. Кроме того, процессы рационализации привели к успехам в различных областях, от медицины и производства продуктов питания, до архитектуры и искусств. В то же время произошли бюрократизация социальной организации, усложнение политических и экономических процессов, подчиненность средств массовой коммуникации носителям определенных групп интересов. *Именно такую двойственность, заключенную в рационализации общества – одновременно и облегчающую, и ограничивающую развитие человеческого знания, демократии и, в конечном счете, свободы – Хабермас и стремится раскрыть.*

В противовес теоретикам франкфуртской школы, чья антимодернистская позиция и утрата веры в разум привела к отказу от марксовой приверженности утопической идее освобождения, Хабермас гораздо больше надеется на силу разума, способного преодолеть дегуманизирующие последствия рационализации общества. Однако его утопическое представление о рационализации общества не означает возврата к ортодоксальному марксистскому представлению о капитализме как главной причине несвободы человечества. Напротив, *исходя из концепции феноменологии, Хабермас реконструирует марксизм, обращая главное внимание на интерсубъективные и нормативные измерения социальной жизни*, которыми Маркс во многом пренебрегал. По Хабермасу, не экономическое или материальное воспроизводство общества (т.е. взаимосвязи между индивидами и их физическим окружением), а *символическое воспроизводство общества (процессы социализации, формирование идентичности и социальной интеграции) в наибольшей степени обуславливают свободу и прогресс в современном обществе.*

Жизненный мир и система

Анализ исторического развития обществ и движения к свободе Хабермас начинает с рассмотрения основополагающих в его теоретической концепции понятий: *жизненный мир (lifeworld)* и *система*. Заимствуя и расширяя концепции Гуссерля и Шюца, Хабермас трактует понятие *жизненный мир* как «сеть общих и разделяемых всеми значений, которые индивиды выводят для построения идентичностей, обсуждения ситуационных дефиниций или для достижения социальной солидарности». *Понятие «жизненный мир» включает в себя «само собой разумеющиеся» культурные знания, обычаи и нормы, посредством которых обеспечивается способность людей формировать общие представления о социальном мире.*

«Жизненный мир» служит основой для социальной интеграции, формирования идентичности и выработки значений и смыслов в двух сферах человеческого существования: в частной сфере семьи и общественной, публичной сфере открытых дискуссий. Взаимодействие в этих сферах осуществляется посредством языка и выработки разделяемых всеми значений, которые в свою очередь используются для укрепления или оспаривания легитимности существующих социальных норм и ценностей.

Однако главной составляющей современных обществ является продолжающаяся *рационализация* жизненного мира, в котором дискурсы, касающиеся таких важных общих понятий, как «истина, добродетель и красота», разнесенные по различным сферам знания, начинают широко и публично обсуждаться. В процессе дискуссий обсуждаются такие в высшей степени абстрактные понятия, как демократия, свобода и всеобщие права; и эти дискуссии, в свою очередь, создают условия для согласованного понимания тех сил, которые формируют социальную жизнь.

Концепция жизненного мира, как полагает Хабермас, помогает скорректировать марксову одностороннюю теорию общества. Маркс и его последователи, по его мнению, не сумели признать значение символической и коммуникативной сфер общественной жизни, подчеркивая вместо этого роль материального производства и отношений собственности.

В то же время, чтобы избежать создания своей собственной односторонней, а потому и несовершенной, теории, Хабермас вводит в нее понятие «система», чтобы обратиться и к некоторым элементам марксистской схемы. Понятие «система» включает политические и экономические структуры общества, отвечающие за организацию отношений власти, а также производство и распределение материальных ресурсов. Поскольку общества развиваются, и государство и экономика также развивают свою собственную формальную структуру и вырабатывают механизмы для самоорганизации. Хабермас определяет эти организационные механизмы как «управляющие средства» (*steering media*) и утверждает, что они выступают в двух их главных формах – это *власть и деньги*. Тогда как государство организуется на основе распределения власти, экономика организуется на основе денежного обращения. Уникальность власти и денег в том, что они являются абстрактными, обезъязыченными («*delinguistified*») средствами; они действуют в соответствии с целеориентированной, инструментальной логикой, находящейся вне сферы нормотворческих языковых дискуссий, приводящих к консенсусу.

В развитых капиталистических обществах семьи связаны с обществом посредством денег: заработные платы выплачиваются за работу, которые затем расходуются на потребление товаров и услуг. В процессе этих отношений семьи не контролируют условия этого обмена. В то же время индивиды связаны с государством не столько как просвещенные граждане, способные эффективно влиять на политические решения, сколько как «клиенты», которые пользуются услугами (образование, здравоохранение, социальное обеспечение и т.д.). Такая «клиентская» связь усиливается по мере того, как государство проникает во все более многочисленные сферы, которые прежде были свободны от политического вмешательства. *Государство не только вмешивается в экономику для сведения к минимуму дестабилизирующих флуктуаций в сфере рынка* (например, путем создания государственного сектора или повышения участия в капитале); *оно также все глубже проникает и в область частных вопросов, обычно относящихся к «жизненному миру»*. Государство сегодня фактически регулирует каждый аспект персонального «выбора» (от брака и биологического воспроизводства до эвтаназии).

В обмен на товары и услуги, приобретаемые в сфере экономики, и на те привилегии, которые обеспечивает государство, индивиды предлагают

свою лояльность системе. Массовая лояльность, таким образом, обеспечивается ценой опережающего демократического участия в выработке решений, которые затрагивают самые важные аспекты повседневной жизни. Однако, поскольку массовая лояльность никогда не может быть обеспечена полностью, «кризисы легитимации» являются органически присутствующими в системе. Эти кризисы возникают, когда раскрываются социальные противоречия политической системы. И хотя государство ответственно за обеспечение и повышение благосостояния всех его граждан, оно часто проводит политику, которая продвигает интересы наиболее привилегированных его слоев; оно обязано так действовать для обеспечения постоянного роста экономики. Однако такая политика противоречит демократическим принципам всеобщего равенства, составляющим основу политической системы. Эти принципы необходимо защищать для того, чтобы придать легитимность действиям государства. Чтобы избежать подобных кризисов легитимации, государство предоставляет своим гражданам (клиентам) материальные вознаграждения в виде различных программ социального обеспечения. А ограничивая политическое участие граждан периодическими избирательными кампаниями, государственные чиновники добиваются для себя «существенной свободы от публичной подотчетности», в то же время обеспечивая легитимность государства.

Взаимосвязь между жизненным миром и системой, по мнению Хабермаса, есть решающий фактор развития человеческого общества. Хотя система и берет свое начало в жизненном мире, сильно дифференцированные и сложноорганизованные общества разработали целый ряд новых и развивающихся структур, которые все более отделяются от коммуникативных и интегративных процессов жизненного мира. В небольших и менее дифференцированных обществах система и жизненный мир гораздо более тесно связаны между собой. В таких обществах очень велико значение традиции, определяющей для членов общества восприятие мира как само собой разумеющегося. Брачные установления, производство материальных благ, распределение богатства и власти предстают перед членами общества как естественные и неизменные условия социальной жизни. Однако, по мере того как общества растут и становятся более сложноорганизованными, система и жизненный мир начинают все более обособляться. Экономические и политические институты становятся функционально независимыми от построенных на сходстве интересов структур, которые служили ранее основанием социальной организации. С одной стороны, такое «разъединение» является важным условием развития современных обществ и, с другой стороны, больших возможностей для индивидуальной свободы, которую они обеспечивают. Это позволяет современным обществам более эффективно реализовывать и контролировать свои производственные и административные функции. Кроме того, одновременно с растущей рационализацией жизненного мира, индивиды получают возможность обладать символическими ресурсами, которые позволяют им обсуждать и ставить под сомнение легитимность существующих социальных условий и требовать их четкого, недвусмысленного обоснования в соответствии с разделяемыми принципами и стандартами. Для Хабермаса, *рационализация жизненного мира является «регулятором, задающим темп» социальной эволюции.*

С другой стороны, по мере того как сложность организации системы, ее сила и дифференциация возрастают, она постепенно накладывает свой отпечаток на жизненный мир и в конечном итоге поглощает его. Хабермас называет этот процесс «колонизацией жизненного мира». В этом процессе управляющие средства системы (деньги и власть), а также ее технико-инструментальная логика приходят на смену согласованному обсуждению разделяемых значений, являвшихся основанием социальной интеграции и воспроизводства жизненного мира. Результатом этого процесса явилось «полностью управляемое» общество, в котором социальные связи все больше устанавливаются и регулируются посредством власти и денег, а межличностные споры и дискуссии в сфере жизненного мира начинают оказывать все меньшее воздействие на организацию системы. Таким образом, хотя современные общества и явились свидетелями исключительно широкого развития производительных возможностей и материального благосостояния, они еще не добились осуществления идеалов Просвещения. Чтобы лучше представить неоднозначное, амбивалентное видение Хабермасом современности, следует обратиться к рассмотрению его концепции рациональности.

Хабермас и рациональное действие

Вслед за приверженцами критической теории в социологии, Хабермас строил свою исследовательскую работу на основе изучения все возрастающей рационализации общества, обратившись к теме, впервые исследованной М.Вебером. Хабермас постулирует три формы рациональности – инструментальную, нравственно-практическую и эстетико-экспрессивную. Каждая форма соответствует определенному виду интеллектуальной деятельности (табл. 1).

Таблица 1

Обобщенное представление концепции рационального действия Хабермаса

Рациональность	Вид интеллектуальной деятельности	Решаемые проблемы	Сфера	Действие
Инструментальная	Наука	Истина–знание	Объективная	Телеологическое
Нравственно-практическая	Закон	Справедливость–мораль	Социальная	Нормативно-регулируемое
Эстетико-экспрессивная	Искусство	Эстетика Правда–ложь	Субъективная	Драматургическое
Коммуникативная	Критическое проявление	Взаимопонимание Координация действия Социализация	Жизненный мир	Передача культурного знания. Социальная интеграция. Формирование идентичности.

Вслед за Вебером, Хабермас представляет инструментальную рациональность как намеренную целеориентированную установку, лежащую в

основе стремления к постижению объективной истины и овладению техническим, эмпирическим знанием. *Инструментальная рациональность* отражает проявление работы разума, воплощенной в науке, поскольку она служит для оценки (квантификации), организации и систематического контроля объективного или внешнего мира физических объектов.

Нравственно-практическая рациональность является такой формой работы разума, которая формирует наше понимание культурных норм и ценностей, этики и закона, справедливости и использование власти – т.е. «правильность» и легитимность действия. В сочетании с законом она служит нормативным и нравственным ориентиром в социальном мире межличностных отношений.

Наконец, *эстетико-экспрессивная рациональность* формирует наши «вкусовые» оценки, а также правдивость или лживость используемых собственных представлений или выражений. Она ориентирована на субъективный и внутренний мир личного опыта и вынесение художественного суждения.

Хотя в своей трактовке рациональности Хабермас во многом разделяет позицию Вебера, он, тем не менее, утверждает, что Вебер (так же, как Маркс, ранние представители критической теории, Парсонс – все, чьи идеи он так или иначе воспринял) не сумел признать важность еще одного измерения: человеческую рациональность, воплощенную в intersubъективном взаимодействии – *коммуникации*. Для восполнения этого пробела Хабермас использует работы теоретиков символического интеракционизма и феноменологии (особенно Г.Миды и А.Шюца) и лингвистических философов при разработке своей концепции «*коммуникативной рациональности*» или «коммуникативного действия». Хабермас определяет коммуникативное действие как процесс, в результате которого индивиды приходят к взаимному пониманию и согласию путем открытых и лишенных принуждения споров и дискуссий, свободных от разъедающего воздействия денег, власти и махинаций. Охватывая другие формы рациональности и затрагивая одновременно все вопросы, относящиеся к сферам объективного, социального и субъективного опыта, коммуникативное действие включает критическую позицию, предусматривающую обсуждение разделяемых значений, координацию действия и социализацию индивидов. В ходе этого процесса коммуникативное действие – само являющееся продуктом эволюционной рационализации жизненного мира – воспроизводит жизненный мир путем передачи накопленного культурного запаса знаний, интеграции индивидов в сообщество и обеспечивая формирование личной и социальной идентичности. Таким образом, согласно Хабермасу, рациональность, воплощенная в коммуникативном действии, создает основу для обновления социального порядка в соответствии с совместными потребностями в его надежности, прочности, законности и аутентичности. Определение того, пытается ли кто-либо достигнуть разделяемого нами понимания или же старается манипулировать нами – представляет собой главный определяющий аспект коммуникации. Коммуникативное действие является решающим средством, при помощи которого могут быть выражены формальные, нравственные и эстетические критические высказывания и возражения, что создает, в свою очередь, основу для взаимного согласия и развития демократии.

Вера в разум: публичная сфера и «новые» социальные движения

Одним из наиболее дискуссионных элементов теории Хабермаса является его стойкая вера в силу разума и значение критической рефлексии, способных избавить человечество от воздействия систем господства и угнетения. Это его убеждение не только приводит к разногласиям с основателями критической теории, но также и к выступлению против наиболее важных утверждений теоретиков-постмодернистов. *В то время как теория постмодерна ставит под сомнение само существование истины и утверждает, что всякое знание является по своему существу относительным, Хабермас утверждает, что универсальные стандарты обоснования истинности фактов или выработки нормативных суждений являются не только возможными, но и необходимыми для обозначения пути к повышению уровня индивидуальной свободы и созданию прогрессивного общества.* Для того, чтобы получить право считаться «истинными», универсальные стандарты должны родиться в процессе демократического выражения коммуникативной рациональности. В современном обществе коммуникативное действие, направленное на решение широких социальных проблем, является наиболее ярко выраженным в публичной сфере и в протестных выступлениях новых социальных движений.

Хабермас утверждал (1962), что сфера публичных дискуссий и споров, впервые возникшая в европейских буржуазных кругах XVIII–XIX вв., несла в себе многообещающие надежды на развитие и укрепление демократического управления. *Публичная сфера* состоит из ряда социальных пространств, в которых, в идеале, отдельные индивиды могут собираться и свободно обсуждать политические, этические и социальные вопросы в свободно выражаемой и «неискаженной» форме. *Публичная сфера – это не институт, не организация и не система, напротив, она представляет собой сеть для передачи информации и различающихся точек зрения;* информационные потоки в этом процессе фильтруются и синтезируются таким образом, что в результате они объединяются в тесные совокупности (узлы) специфических тематически связанных общественных мнений. Подобно всему жизненному миру, публичная сфера также производится посредством коммуникативного действия.

Публичная сфера разделяется на различные уровни в соответствии с плотностью коммуникации, ее организационной сложностью и диапазоном – от эпизодических публичных взаимодействий, наблюдаемых в барах, кафе или на улицах; «случайных» или «подготовленных» публичных взаимодействий в процессе особых представлений или событий (например, театральных спектаклей, рок-концертов, партийных собраний или церковных конгрессов) до абстрактной публичной сферы, состоящей из обособленных читателей, слушателей и зрителей, рассеянных по большим географическим областям, или даже по всему земному шару, и соединяемых воедино лишь посредством средств массовой информации¹.

¹ Хабермас, 1996.

В публичной сфере победа в спорах в идеале достигается за счет наилучшей аргументации, а мнения формируются независимо от статуса или власти их участников или же используемых манипуляций или принуждения.

Хотя трактовка понятия «публичная сфера» подверглась резкой критике как слишком идиллическая, Хабермас, тем не менее, продолжает утверждать, что возможности создания подлинно демократического общества, основанного на всеобщем разуме, заключается именно в этой сфере. Однако он не оставался глухим к своим критикам. Он отмечает, что с расширением демократических прав все больше граждан требовали своего включения в публичную сферу, и происходившая в результате «структурная трансформация» задерживала ее собственное рациональное развитие. *«Социальные решения все больше и больше исключались из тематики рационально-критического дискурса граждан в политической публичной сфере и перешли в сферу компетенции чиновников, уполномоченных экспертов и элит групп по интересам»*. Это особенно наглядно проявляется в коммерческих средствах массовой информации, распространение которыми публичных новостей и информации искажается «привнесением частных интересов, добившихся в них привилегированного представительства»¹. Структурная трансформация проявляется также и в фабрикации «публичности» организованными заинтересованными группами, которые манипулируют публичной сферой для проведения своей «скрытой политики». *Публичная сфера является теперь в меньшей степени пространством для свободных дискуссий, а скорее рынком по продаже расфасованных мнений*.

Аргументы Хабермаса отражают реальные проблемы и трудности, с которыми мы сталкиваемся ежедневно. Теория Хабермаса помогает нам понять, почему политические споры сейчас случаются редко и почему они оказывают столь слабое влияние на те социальные институты, которые наиболее наглядно воздействуют на жизнь людей. Он утверждает, что *пространство для открыты, демократических публичных дискуссий ограничено в той мере, насколько такие ресурсы, как деньги и власть вмешиваются в процесс формирования общественного мнения*. Публичные дискуссии стали редкими, потому что, сталкиваясь с политическими и экономическими процессами, которые предстают как неподдающиеся контролю широкой публики, мы начинаем осознавать ограниченность эффективности таких дискуссий. Таким образом, мы испытываем своего рода *коммуникативное отчуждение* в публичной сфере, которая становится все более подвластной могущественным и рационалистическим социальным силам (таким, например, как политические и экономические группы по интересам), которые в значительной степени не зависят от влияния публичного обсуждения. *И в результате, публичная сфера, идеализируемая Хабермасом, оказывается деформированной, что делает все более насущной и важной необходимость пересмотра представления о роли того эмансипаторского проекта, начало которому было положено эпохой Просвещения*.

Однако Хабермас не отказывается от оценки роли коммуникативной рациональности и ее выражения в публичной сфере. Надежды на свободу и прогресс он возлагает на «новые» социальные движения, чьи усилия говорят о растущем сопротивлении «колонизации жизненного мира» и де-

¹ Хабермас, 1989.

формации публичной сферы. Новые социальные движения представлены целым рядом различных группировок, чьи неодинаковые и несравнимые цели можно объединить общим названием «критика роста». Они возникают «на обочине» господствующих экономических и политических структур, став выразителями «кризисного сознания», которое привлекает внимание к социальным патологиям и деформациям среды обитания, сопутствующим развитому промышленному капитализму. *Эти движения не построены на классовой основе*: это не рабочие движения, цель которых – добиться более справедливого, эгалитарного распределения богатств или же обеспечить более гуманные условия труда. Движения, на которые теоретики марксизма возлагали свои надежды, не являются более авангардом прогрессивных изменений. *Не экономические интересы или же проблемы, связанные с материальным воспроизводством, находятся в центре их внимания; а напротив, проблемы «качества жизни», заключенные в символическом воспроизводстве жизненного мира*. Все их заботы и тревоги выражаются в различной форме: групп «зеленых», борющихся против уничтожения лесов или же загрязнения среды обитания, или антиядерных движений, движений скваттеров, протестных выступлений против слияния медийных средств, или групп, требующих повышения личного контроля за решениями, касающимися здоровья и жизни людей...

Все эти движения потенциально являются эффективными средствами укрепления публичной сферы, поскольку они вносят в политический процесс такие требования, которые во многом второстепенны для интересов бюрократических политических структур и их лидеров. Новые социальные движения и их направленная против существующих институтов политическая тактика, например, гражданское неповиновение, является показателем того, что эмансипаторский проект эпохи Просвещения, как надеется Хабермас, «еще не завершен». Используя механизмы коммуникативного действия, новые социальные движения обещают демократию и социальное равенство, которые могут быть достигнуты только в битвах, направленных на защиту жизненного мира от вмешательства денег и власти и разлагающего влияния инструментальной рациональности.

Подобно Бурдье, Хабермас воспринял влияние различных научных взглядов при создании своей собственной широкой, сложной и многомерной теоретической системы. Его труды несут отпечаток влияния не только классических теоретиков социологии (особенно Маркса, Вебера, Дюркгейма и Мида), но и современных мыслителей в области социологии, психологии, политологии, феноменологии и философии. Результатом такого теоретического синтеза является его собственная теоретическая система, которая объединяет воедино *индивидуальный и коллективный уровни анализа*, рассматривает проблемы индивидуального поведения (образа действий) и социальных структур, и исследует сложные вопросы, связанные с *рациональными и иррациональными измерениями социальной жизни*.

Далее авторы книги предлагают вниманию читателей **две основные работы Ю.Хабермаса**, предпослав им свое предисловие. В первой из них – **«Гражданское общество, общественное мнение и коммуникативная власть»**¹ – Хабермас определяет основные характеристики публичной

¹ «Civil Society, Public Opinion and Communicative Power», 1996.

сферы, подчеркивает ее роль в содействии развитию дискуссий и споров, а также указывает на те силы, которые вредят ее эффективности, а также разлагают коммуникативные процессы, проистекающие из жизненного мира.

В этой работе Хабермас исследует взаимосвязи, существующие между публичной сферой, формированием общественного мнения и эффективностью демократической политики. Публичная сфера служит «сигнальной панелью» или «системой предупреждения», которая оповещает политическую систему и обращает ее внимание на неотложные социальные проблемы, а также предлагает возможные решения. Сама по себе она не является ни организацией, ни институтом, не обладает она также и функциями, и содержанием коммуникаций. Скорее публичная сфера – это социальное пространство, созданное коммуникативным действием.

Выступая в качестве пространства для формирования общественного мнения, публичная сфера сама по себе не наделена политической властью, необходимой для проведения в жизнь решений каких-либо проблем. В публичной сфере действующие субъекты участвуют в борьбе за влияние, т.е. за умение формировать общественное мнение с тем, чтобы «вбросить» важную проблему для рассмотрения официальных, институционализованных политических органов. Однако, чтобы такое публичное воздействие могло быть преобразовано в эффективную политическую власть, оно должно прежде всего пройти «через фильтры институциональных процедур демократического формирования мнения и волеизъявления и через парламентские обсуждения в рамках легитимного законотворчества». Таким образом, структура публичного мнения обусловлена «правилами разделяемой практики коммуникации», которые определяют «качество» или «успех» общественного мнения.

Однако демократический потенциал, присущий публичной сфере, подвержен деформации под воздействием по крайней мере двух факторов. Прежде всего, деньги и организационная власть способны манипулировать процессом формирования общественного мнения до тех пор, пока их использование остается скрытым от общественного видения. Но как только широкая публика узнает о ранее необъявленном «влипании» денег и власти, мнения, сформированные под воздействием таких ресурсов, как считает Хабермас, лишаются своего доверия.

Другая опасность демократически сформированной публичной сфере проистекает из журналистской деятельности и средств массовой информации. В публичной сфере, где господствуют масс-медиа, журналисты и медийные руководители действуют как стражи, пропускающие поток информации. На основании своих решений о том, что заслуживает внимания, они определяют темы и прогнозы, предназначенные для массовой аудитории. Более того, по мере того, как масс-медиа становятся все более сложноорганизованными, разветвленными и дорогостоящими, каналы коммуникации делаются все более централизованными. И в результате, осуществленный ими контроль за отбором тем сообщений и точек зрения делает их все более могущественной властью, формирующей общественное мнение. Группы, находящиеся на периферии организованной политической системы или же не обладающие значительными ресурсами, оказываются менее способными влиять на медийные программы. Хабермас отмечает также, что эта проблема усложняется для групп, чьи «сообщения» «не попадают в хорошо выве-

ренный, строго определенный спектр «установившихся мнений», господствующих в программах электронных СМИ». Кроме того, построенные на выгоде рыночные стратегии, управляющие программами СМИ, приводят к *сверхупрощению или сглаживанию сообщений, что «способствует деполитизации публичной информации»*. Однако, несмотря на очевидный подрыв публичной сферы, как только в ней возникают «кризисы сознания» и баланс власти нарушается, – тотчас же субъекты действия (акторы) начинают требовать решения насущных социальных проблем и восстановления баланса.

В другой своей работе **«Задачи критической теории общества»**¹ Хабермас развивает идеи предыдущего труда, исследует растущую напряженность, которая проявляется между «системой» и «жизненным миром» и подчинением, «колонизацией» последнего управляющими механизмами, заложенными в системе.

Хабермас развивает анализ публичной сферы в более общую теорию коммуникации, распространяя ее на современные общества. В центре его внимания – ряд ключевых концепций: система, жизненный мир, колонизация жизненного мира и коммуникативное действие. Согласно представлению Хабермаса, все общества можно теоретически объяснить как состоящие из двух основных компонентов – системы и жизненного мира. Система представляет собой совокупность взаимосвязанных социальных структур, таких как государство и экономика, которые образуют первичную основу для организации социальной жизни. Жизненный мир – это сфера повседневного, человеческого взаимодействия, возникающего из постоянной и обсуждаемой межличностной коммуникации.

Хабермас утверждает, что оптимально функционирующим обществом является такое, в котором системные процессы тесно связаны с определяемой жизненным миром динамикой повседневной коммуникации и формирования консенсуса. В то же время он указывает, что в современном мире система и жизненный мир оказались «разъединенными», что приводит к возникновению «кризисов управления» и различным «патологиям жизненного мира». Наиболее заметные нарушения произошли в сфере жизненного мира, который стал все более подчиненным, «колонизированным» материальными процессами, происходящими в системе. И задача критической теории общества состоит в необходимости критики существующих социальных структур для того, чтобы установить новое равновесие между системой и жизненным миром и создать необходимые условия для построения свободного и демократического социального порядка.

Свои надежды на эмансипацию человечества Хабермас возлагает на протестную деятельность социальных движений и, в особенности, на силу коммуникативного действия.

Обе работы Ю.Хабермаса содержат авторское представление о демократии в современных обществах и идеи, позволяющие исследовать те препятствия, которые возникают на пути реализации эмансипаторского проекта мыслителей Просвещения.

(Продолжение следует: Часть 3. П.Бурдьё).

¹ «The Tasks of a Critical Theory of Society».

Е.А.Карцев

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ФРАНЦИИ НА ТЕМУ ДИСКРИМИНАЦИИ

КАРЦЕВ Евгений Александрович – доктор социологических наук.

Аннотация. Статья посвящена дискурсу в общественной мысли Франции на тему дискриминации, предпочтений и социальных исключений. Анализируется неоконсервативная (либеральная) концепция дискриминации как ложной проблемы социальных различий, когда «нарушение прав собственности» на свою идентичность – несправедливо, во всех других случаях социальные различия – законны. Дирижистские методы борьбы с социальными различиями под предлогом борьбы с «дискриминацией» неизбежно имеют редистрибутивный характер, подрывают рынок и эффективность национальной экономики.

Ключевые слова: исключения, дискриминация, сегрегация, предпочтения, свобода, рынок, редистрибуция, государственный дирижизм.

Дебаты во Франции относительно *дискриминации, предпочтений и социальных исключений* разделили общество на непримиримые группировки и, как это часто бывает, носили слишком эмоциональный характер. Это побудило представителей французского неоконсерватизма уточнить обсуждаемые дефиниции и проанализировать четыре фундаментальных вопроса: в чем явление дискриминации является злом? Любое ли различие между людьми является следствием дискриминации? Если дискриминация имеет место, отчего она происходит и как она может существовать длительное время без активного соучастия Государства? Есть ли уверенность в том, что принудительный запрет на дискриминацию не вызовет более губительных последствий, чем те, которых хотят избежать?¹.

Французский неоконсерватор, соучредитель Движения сторонников свободы воли, профессор экономических наук в Университете Лилль II (также

¹ См. Lemennicier B. Discrimination, preferences et liberte // Millan P. et le Club de L'Horloge. Le refus de l'exclusion nouvelle expression de l'utopie egalitaire. Editions Lettres du Monde. Paris, 1995. P. 49–50.

вым он был в период написания коллективной монографии, сегодня он профессор Университета Париж II) Бертран Леменнисье попытался проанализировать существующие социальные регламентации, чтобы убедиться в том, насколько дискриминация (от лат. *discriminatio* – различение, разделение) действительно является злом. С этой целью он исследовал разнообразные различия между индивидами, чтобы установить – являются ли они следствием дискриминации? Выявляя действительную роль Государства в феноменах дискриминации, Б.Леменнисье задается вопросом: как часто Государство является соучастником дискриминации и какова его роль в продолжительности этого явления в обществе? Наконец, насколько полезна «защита от дискриминации» для тех, кого пытаются защитить¹?

В полном соответствии с концепциями «расширенного порядка» Ф.А.Хайека и «открытого общества» К.Р.Поппера французский экономист полагает, что вмешательство государства в тонкую область социальных отношений не менее губительно, чем государственный дирижизм в экономике. Он является сторонником либерального принципа «не мешайте, дайте работать» и настаивает на «невмешательстве» государства в область социальных отношений под предлогом борьбы с дискриминацией.

Автор задается вопросом: в чем зло дискриминации? И рассуждает на эту тему следующим образом: у слов *дискриминация*, *сегрегация*, *исключение* дурная репутация в средствах массовой информации. Они ассоциируются с «идеей ущерба», который якобы испытывают индивиды в одиночке или в группе из-за цвета кожи или гендерной принадлежности, а также потому, что их деятельность или поведение «не соответствуют норме», принятой в обществе. В их числе могут быть адепты той или иной конфессии, лица, страдающие венерическими заболеваниями, наркоманы, алкоголики, разведенные супруги и др. индивиды. Понятие дискриминации обычно ассоциируется с идеей, что она является «выражением страсти или предпочтения». На самом деле, эти слова гораздо более нейтральны, чем принято думать, считает Б.Леменнисье. Дискриминационное поведение может быть оправданным в случае реакции на злобное и девиантное поведение. Оно же может быть следствием стремления к улучшению своего положения путем вступления в престижный клуб.

Дискриминация, сегрегация, исключения постоянно наблюдаются в повседневной жизни. Как правило, они выдают предпочтения индивидов. Кто-то любит круассаны, а кто-то их терпеть не может. А ведь нелюбовь к круассанам лишает булочника дополнительных доходов. Обычно предпочитают бывать на людях с хорошенькими и умными женщинами, «если эти качества совместимы», предусмотрительно оговаривается Б.Леменнисье, и избегают появляться с теми, кто в меньшей степени наделен этими достоинствами. Если же все-таки приходится появляться на людях с женщинами, не блещущими ни красотой, ни умом, это просто означает, что выход в свет с женщиной – «не односторонний акт».

¹ Op. cit. P.50.

«Предпочитать какую-то вещь другой или кого-то кому-то другому» (не усматривая в этом принципиального различия) – это, – полагает он, – акт дискриминации, исключения, сегрегации. Подобный акт непременно чреват нанесением ущерба кому-то. И далее: «Тот факт, что вы женились на женщине, к которой я вождедею, является способом изолировать меня и лишить меня радостей, которые я бог бы испытать с ней. Почему подобная сегрегация или дискриминация, допущенная по отношению ко мне, не наказывается? Если эта хорошенькая женщина – блондинка с голубыми глазами, а я сам скорее светло-русый шатен с карими глазами, вы сочтете это нормальным. Но представьте себе, что я чернокожий или хуже того, что я женского пола, дает ли это мне право требовать жить с вашей женой три дня в неделю без ее или вашего согласия под тем предлогом, что у вас большая вероятность соблазнить эту молодую женщину, потому что ваша кожа того же цвета, что и ее. Какая разница между этим обязательством и тем, которое навязывают работодателю, когда заставляют его брать на работу определенное число зеленокожих женщин или мужчин, тогда как он не выносит женщин и страдает дальтонизмом, т.е. предпочитает общаться с мужчинами и с людьми более нейтрального цвета. Увы, никакой разницы нет»¹.

Автор полагает, что право каждого человеческого существа «жить с кем ему заблагорассудится». Это право является «фундаментальной чертой свободных обществ», потому что, индивидуальные дискриминация, сегрегация и исключение являются «выражением или проявлением человеческих предпочтений». Однако, когда законодатель произносит слово дискриминация, он понимает его в извращенном смысле. Французский законодатель ориентируется на определение, содержащееся в Словаре Робер (Dictionnaire Robert), где говорится, что это «факт отделения какой-то социальной группы от остальных путем худшего обращения с ней»². Таким образом, считает Р.Леменнисье, речь идет не о борьбе с индивидуальной дискриминацией, «естественным выражением предпочтений», а с коллективной дискриминацией.

Но и тут, продолжает свои рассуждения автор, не все так просто, как кажется. Случается, что большинство дискриминирует меньшинства. «Люди по большей части правши, следовательно, мы пишем чаще слева направо. Эта условность ставит в невыгодное положение всех левшей и наносит им ущерб. Лилипутам трудно вступать в брак с людьми нормального роста, они исключены из общества и вынуждены воспроизводиться в своей среде.

Аналогичным образом некоторые меньшинства прилагают усилия, чтобы дискриминировать большинство. Клуб по определению дискриминирует и исключает не членов клуба. Ротари клуб проводит дискриминацию, богачи любят жить вместе, братства являются ассоциациями, куда вступают путем кооптации при соответствии определенным критериям, которые имеют явной целью демаркацию членов от не членов»³.

¹ Op. cit. P.51.

² Ibid. P.52.

³ Ibid.

О социальной позиции автора можно судить по его заявлению, что «само Государство осуществляет дискриминацию в больших масштабах, когда облагает богатых пропорционально большим налогом, чем бедных». В другом случае, защищая французское автомобилестроение, оно дискриминирует потребителей, которые вынуждаются «покупать машины по ценам, превышающим цены на мировом рынке». Национальная иммиграционная служба осуществляет контроль, запрещая, если сочтет это нужным, въезд на территорию Франции некоторым иностранцам. Это дискриминирует и исключает их из числа иммигрантов.

«Общественное принуждение зачастую используется большинством для эксплуатации меньшинства и взаимнообразно. Запрет евреям занимать должности служащих и владеть землями – того же свойства» – подытоживает он¹.

Нам представляется, можно согласиться с утверждением автора, что суверенитет личности на индивидуальном уровне неизбежен, так как сама жизнь снимает проблему индивидуальной дискриминации, поскольку любой поведенческий акт является выражением предпочтений, которые по определению являются дискриминационными.

Сложнее обстоит дело с проблемой коллективной дискриминации. Если допускается индивидуальная дискриминация, то она допускается в группе, при условии, что группа, выражая свои предпочтения, не нарушает ни одного из индивидуальных прав тех, кто не является членом группы. Б.Леменисье пишет: «Евреи в своей группе предпочитают жить в своей среде и сохранять религиозную идентичность, следуя драконовским запретам заключения межэтнических браков. Но осуществляя такую сегрегацию и изоляцию, они уважают индивидуальные права не евреев (которые могут вступать в брак между собой) как и евреев, которые берут в жены женщин, не принадлежащих еврейскому сообществу. Когда они решают жениться на не еврейках, то утрачивают свою идентичность как евреи. Если дискриминация в группе порождает проблему дискриминации, это объясняется тем, что меньшинство или большинство пользуется незаконными средствами (включая общественное принуждение) дабы навязать свои предпочтения другим. Но в таком случае речь идет о нарушении индивидуальных прав, а не о проблеме, связанной с дискриминацией»².

Следовательно, проблема в том, чтобы выяснить, является ли действие, которое дискриминирует и, следовательно, выражает какое-то предпочтение, ставшее причиной ущерба в отношении другого лица (индивида или в группе) справедливым или нет.

Иначе говоря, в процедурной концепции справедливости любая дискриминация или выражение предпочтений, которое приводит к «нарушению прав собственности» других индивидов на свою идентичность, должно рассматриваться как несправедливое. Во всех других случаях фактическая дискриминация со стороны индивидов (индивидуально или в группе) в отношении другого лица (индивидуально или в группе) справедлива и законна.

¹ Op. cit. P.52–53.

² Ibid.

Приведенное позволяет Б.Леменнисье обосновать вывод: «дискриминация является ложной проблемой, так как люди, которые говорят об этом, и законодатель, который подавляет этих индивидов, чтобы воспрепятствовать дискриминации, имеют в виду иную цель. Они стремятся к равенству результатов»¹.

Можно согласиться с автором, что желание видеть одинаковое обращение с людьми, поодиночке или в группе, в схожих ситуациях не имеет смысла, потому что справедливость, как утверждает Ф.А.Хайек, распространяется на поведение людей, а не на порядок вещей. Порядок вещей может быть несправедливым только в той мере, в какой можно считать кого-то ответственным за такое состояние дел. Порядок вещей может быть хорошим или плохим, но не может быть справедливым или несправедливым.

Социологический смысл дискурса раскрывается посредством следующего примера: мужчина и женщина, занимающие одинаковую должность, получают разную зарплату. Согласно концепции процедурной справедливости, это неравенство в оплате труда абсолютно законно, если оно не является нарушением прав женщины на собственную идентичность. Разве работодатель вынуждал женщину занимать эту должность или принимать условия контракта? Даже если она достоверно не знала перед оформлением на работу, что ее коллега, мужчина, получает более высокую зарплату за ту же работу, ничто не мешает ей, если она хочет работать на тех же условиях, что и ее коллега, потребовать от работодателя, индивидуально или в группе, пересмотреть ее контракт; и если он откажется, она может поискать в другом месте другого работодателя, который предложил бы более высокую зарплату. Различие в оплате труда может быть хорошим или плохим, но нельзя сказать, что оно несправедливо, если не имеет места нарушение прав добровольного обмена.

Б.Леменнисье делает вывод: «Судить о результате, а не о том, как был достигнут этот результат, с нарушением или без нарушения прав обмена, не такое простое дело, так как неясно, как судить об этом различии. И причина этого проста: рынок вознаграждает не за талант или заслуги, а за оказанные услуги!»². Естественно, в рыночном, а не редистрибутивно-клиентском смысле, добавим мы от себя.

Далее в монографии анализируется проблема разной оплаты труда, что весьма актуально для современной псевдорыночной системы в РФ и США. Авторы задаются вопросом: есть ли уверенность в том, что все различия в этой области означают предпочтение одной группы в отношении другой, т.е. соответствуют дискриминации? Как объяснить различия в зарплате в зависимости от расовой или гендерной принадлежности?

Этот вопрос долгое время изучался экономистами и стал классической темой в учебниках по экономике труда, в частности, в учебнике Р.Г.Эренберга и А.С.Смита³. В монографии, со ссылкой на указанных авторов, отмечается, что зарплаты и доходы могут варьироваться в зависимости от:

¹ Op. cit. P.54.

² Ibid.

³ Erhenberg R.G. et Smith A.S., Modern Labor Economics, chap. 14, «The economics of discrimination», Scott Foresman and C, Glenview, Illinois, 1982.

- 1) места размещения производства, профессии или типа занимаемой должности (связанной с риском или нет);
- 2) типа рынка, на котором выступает фирма: подвержен он конкуренции или нет;
- 3) типа трудового контракта, сдельной или помесячной оплаты труда;
- 4) отсутствия или наличия профсоюза;
- 5) возраста или опыта работы;
- 6) уровня образования;
- 7) пола;
- 8) расы;
- 9) религии;
- 10) первоначального гражданства;
- 11) семейного положения и т.д.¹

Если рассмотреть ситуацию, в которой нивелируются последствия, связанные с размещением производства, профессией и родом занятий, то в случае мужчины и женщины, занимающих одинаковый пост на одном предприятии, гипотетически устраняется разница в зарплате, которую можно было бы приписать размещению места работы или занимаемой должности. Единственными различиями в зарплате останутся те, что связаны с индивидуальными характеристиками.

Почасовая оплата в лучшем случае равна стоимости услуги, оказанной мужчиной или женщиной на рынке, к примеру, за один рабочий час. Это цена услуги, умноженная на производительность данного рабочего часа, поскольку цена продукта одинакова, независимо от того используют мужчину или женщину. Индивидуальные различия в зарплате объясняются производительностью труда мужчины и женщины. В таком случае разница в зарплате будет прежде всего объясняться производительностью труда. Возраст, опыт работы, уровень образования или талантливость работающего являются основополагающими факторами, обуславливающими разную производительность труда. Следовательно, нужно сравнивать то, что поддается сравнению, и сохранять постоянной производительность труда мужчины и женщины. Нужно сравнивать индивидов одинакового возраста, с одинаковым уровнем образования и т.д.

Дальнейший анализ сопровождается следующими выкладками: если у мужчины и женщины один и тот же возраст, одинаковый уровень образования и одинаковый опыт работы, но наблюдается разница в зарплате, то возникает вопрос: можно ли ее отнести на счет дискриминации?

В исследовании утверждается, что пока еще нельзя, так как этому могут быть следующие причины, например, прием кого-то на работу может быть связан с определенными расходами, как-то: нужно предпринять поиски, чтобы найти нужного работника, нанять его и подготовить профессионально в соответствии с потребностями предприятия. Нанять мужчину или женщину, это в конечном счете представляет собой инвестирование капитала со стороны работодателя. Он жертвует своими ресурсами, чтобы нанять и подготовить работников в надежде на получение прибыли в дальнейшем. Что важно для работодателя, это капитализированная

¹ Op. cit. P.55.

стоимость производительности труда мужчины и женщины, а не их текущая производительность.

Иначе говоря, к рабочей силе можно относиться двояко, как капиталу, в который нужно инвестировать и как издержкам производства, на которых можно экономить.

И если предприниматель предвидит, что женщина прервет свою профессиональную карьеру, чтобы воспитывать детей, вложения в женщину, по сравнению с мужчиной, рискуют не окупиться или оказаться нерентабельными. Во избежание этого риска он выплачивает женщине меньшую зарплату. Или точнее говоря, если женщина хочет, чтобы ее взяли на работу, она должна согласиться на меньшую зарплату.

Замужние женщины, воспитывающие детей, даже если они работают, несут двойную нагрузку. Они чаще отсутствуют на работе. Работодатель аналогичным образом принимает в расчет это снижение производительности труда и стремится обезопасить себя от этого риска. Это настолько реально, что незамужние женщины определенного возраста получают зарплату, сравнимую с зарплатой неженатых мужчин того же возраста.

Дальнейшие рассуждения на тему разницы зарплат сопровождаются ссылками на то, что семейное положение играет весьма важную роль не только в смысле производительности труда, но и мобильности персонала. Замужняя женщина не так мобильна, как незамужняя. Она не может использовать все возможности, предлагаемые рынком, чтобы иметь такую же зарплату, как и мужчина в аналогичной ситуации. Так, если аналогичное занимаемому мужчиной место работы находится в 600 км от ее дома, выбор этой работы означает для нее лишение себя семейных радостей. Замужняя женщина предпочитает меньшую зарплату, чтобы не разлучаться со своим мужем. Муж сумел бы найти работу поблизости от места работы своей жены. Но на это не рассчитывают. Схожее предприятие рядом с местом работы жены не обязательно предложит мужу такую же зарплату, какую он получал на старом месте работы, которое только что оставил.

Эта меньшая мобильность, являющаяся следствием замужества, сказывается на зарплате. Если принять в расчет все эти переменные характеристики, какие еще основания останутся в силе для понимания различий в оплате труда, задаются вопросом авторы? Они отмечают, что эмпирические исследования, проведенные экономистами, показывают: переменные величины, связанные с производительностью труда – опыт работы, возраст, образование, семейное положение и др. позволяют понять по крайней мере две трети наблюдаемых различий.

Итак, считают авторы, две трети различий в зарплате объясняются имеющимися различиями в производительности труда и мобильности рабочей силы. Тогда, задаются они вопросом, как объяснить остающуюся треть различий? Они полагают, что работодатель должен прогнозировать потенциальную производительность труда нанимаемого работника, но если такая производительность не наблюдается в период до найма, он идет на риск. Если он допустит промах и должен будет уволить этого работника, то понесет убытки, связанные с этим обстоятельством. А ведь его издержки можно было бы избежать при большей осмотрительности перед заключением трудового договора.

Далее, единственной информацией, которой располагает работодатель в момент найма на работу, является характеристика, в которой фигурируют качества, проявленные нанимаемым работником до заключения трудового договора. Работодатель может делать выводы из характеристики, связанные с прогнозом в отношении проектируемой производительности труда. Естественно, среди этих факторов – пол, расовая принадлежность, возраст и т.п. Эта информация обычно сопоставляется работодателями с уже нанятыми работниками с аналогичными характеристиками. В результате, у них складывается примерное представление, правильное или нет, о производительности тех, кого они хотят взять на работу, на основании производительности уже нанятых работников. Срабатывает сарафанное радио: если в среднем какая-то группа лиц оказывается менее производительной, чем другая, работодатели предпочтут взять на работу ту группу, которая, правомерно или нет, расценивается как более производительная, чем другая. Это значит, что происходит стигматизация или дискриминация менее производительных групп¹.

Действительно, если «средний» представитель одной из таких групп малопроизводителен, то маргинальный представитель этой группы, напротив, может быть весьма производителен. Но поскольку работодателю обойдется «в копейку» индивидуальный подход, этому индивиду наносится ущерб. Этот ущерб выражается в дополнительных расходах, которые должен нести работник, чтобы дать понять работодателю, что он не такой, как другие. Эта статистическая дискриминация, теория которой была разработана лауреатом Нобелевской премии по экономике К.Ароу² не является дискриминацией в собственном смысле слова. По мнению Б.Леменисье, «она соответствует не проявлению предпочтений, а состоянию неуверенности, в которой пребывает работодатель перед тем, как нанять работника, которого он не знает»³.

Он также полагает, что ущерб, который несет работник, в данном случае женщина, не является результатом действий работодателя. Работодатели отказываются нанимать замужних женщин на тех же условиях, что и мужчин, потому что среднестатистическая женщина прерывает свою трудовую деятельность. Таким образом, ответственность за данное положение дел лежит на них, а не на работодателе, который должен учитывать их временную или долговременную нетрудоспособность, связанную с рождением ребенка или уходом за детьми.

Что касается замужних женщин, которые не собираются прерывать свою профессиональную карьеру, то они не имеют права осуждать других женщин, но должны довести до сведения работодателей, что желают трудиться как мужчины, считает автор. Тогда «дискриминация или стигматизация исчезнет, когда все замужние женщины перестанут прерывать в статистически значимом количестве свою карьеру из-за воспитания детей...»⁴.

¹ Ibid. P.57–58.

² Arrow K. Some mathematical models of race in the labour market // Pascal A.H. Racial Discrimination in Economic Life, Exington Books, Toronto, 1972.

³ Op. cit. P.58.

⁴ Ibid.

В доказательство приведенных обоснований приводится пример отсутствия дискриминации в случае временной занятости (где легко отследить производительность и где затраты, связанные с наймом или увольнением персонала, незначительны). В этом случае у работодателя нет нужды перестраховываться от возможного промаха при найме на работу: поскольку контракт является временным, ему не нужно инвестировать в работника.

Там, где легко можно проследить возможную производительность труда до найма, работодателю незачем рассчитывать, какой будет производительность группы. Так обстоит дело в отношении спортсменов и профессоров. В этих профессиях не наблюдается разницы в оплате в зависимости от пола. Таким образом, то, что верно в отношении пола, верно и в отношении расовой принадлежности или любого другого свойства личности, которое не поддается изменению самим индивидом до заключения контракта.

Реабилитируя «дискриминацию», Б.Леменнисье заявляет, что можно было бы продолжить исследование и других факторов, которые влияют на разницу в оплате труда. Давая понять тем самым, что разница в оплате труда не объясняется «различиями во вкусах». Если скорректировать эту разницу за счет различий в производительности труда, мобильности и стигматизации, то окажется, что дискриминация не имеет статистически значимого значения. Автор восклицает: «По правде говоря, даже не знаешь, являются ли остаточные различия следствием обнаружения предпочтений работодателей в отношении некоторых работников, потому что, по определению, остаток резюмирует наше невежество в этой области!»¹.

Далее излагается такой пример. Если допустить, что существует разница в зарплате между двумя индивидами, которую не удастся объяснить иначе, чем «различиями во вкусах» предпринимателя, то и это еще не означает, что наблюдаемая дискриминация является следствием действия только работодателя. Так, клиенты могут желать, чтобы их обслуживали женщины (соответственно белые) в увеселительных заведениях, а не мужчины (соответственно цветные). Если клиенты предпочитают обслуживание со стороны мужчин (или белых), женщины этого заведения будут получать меньше или же должны будут иметь более высокую квалификацию, чем мужчины, потому что патрону дорого обойдется наем персонала, отвергаемого клиентами, заявляет Б.Леменнисье.

Однако не только клиенты могут выражать свои предпочтения в отношении некоторых служащих, но и сами служащие могут предпочитать обслуживание клиентов, похожих на них. Например, мужчины, работающие в полиции, или военнослужащие плохо переносят, когда ими командуют женщины. Что верно в отношении этих профессий, верно и в отношении какой угодно профессии, где мужчины (или белые), уходят с работы, если их предпочтения в выборе того или иного контакта не удовлетворяются. Если работодатели хотят, чтобы они не уходили, им приходится больше платить.

Таким образом, считает автор, если дискриминация является «проявлением предпочтений», то не следует ошибаться в мишени. Кто кого дис-

¹ Op. cit. P.59.

криминирует? – спрашивает он. И подытоживает: по сути дела единственное и подлинное проявление продолжительной дискриминации, которую следовало бы выявлять, имеет место в отношении клиентов, т.е. потребителей, которые подобным образом выражают свои предпочтения. Что касается работодателей, то если они допускают дискриминацию исключительно по причине своих вкусов, то лишают, тем самым, себя прибыли. Проще говоря, дискриминация, если она имеет место, не может в долгосрочной перспективе происходить по вине работодателей, так как они теряют на этом свои доходы.

Подводя предварительные итоги, можно согласиться с неоконсервативной точкой зрения на природу дискриминации в техногенном обществе. Действительно, в условиях рыночной экономики, наиважнейшим критерием которой является «законодательствующая роль потребителя» на рынке, иначе и быть не может. Производители, диктующие свою волю и предпочтения потребителям, не имеют шансов на успех. На рынке «законодательствует» потребитель. Для того, чтобы производители (как это было постоянно в условиях «реального социализма») могли демонстрировать «свой ндрав» потребителям, необходима монополия производства и дефицит продуктов и услуг на рынке. Что, естественно, снимает вопрос о применении результатов этого дискурса в условиях редиистрибутивной (принципиально антирыночной) организации общества.

Следующим важнейшим тезисом неоконсерваторов по поводу феномена дискриминации в условиях рыночной экономики, является тезис о том, что соперничество и конкуренция между работодателями препятствует дискриминации как явлению долговременного характера. В монографии приводится следующий пример: работодатель не любит женщин, а чернокожих и того меньше. Он не хочет брать их к себе на работу. Обе эти группы должны быть менее требовательны в отношении зарплаты, чем другие трудящиеся. Если их приняли на работу, значит их зарплата будет ниже при одинаковой производительности с другими наемными работниками, мужчинами или белыми.

Но если дискриминируемые работники соглашаются работать с той же отдачей, что и не дискриминируемые служащие, прибыль, получаемая от использования женщин и чернокожих, увеличивается. Зачем же тогда терять деньги, нанимая мужчин и белых, которые оплачиваются по более высокой ставке? – задаются вопросом авторы. Нанимая женщин и чернокожих, предприятие сократило бы затраты на заработную плату, могло бы снижать цены, захватило бы определенные сегменты рынка и увеличило бы свои прибыли. Однако настаивают неоконсерваторы, дискриминация означает для работодателя простую вещь: лишать себя прибыли. И спрашивают: может ли он в долговременной перспективе согласиться с систематической потерей прибыли ради своих вкусов?

Далее следуют рассуждения на эту тему. В ситуации конкуренции и соперничества подобные предпочтения не могут поддерживаться рынком.

Конкуренты, которые не допускают дискриминации, оплачивают труд своих работников по ставкам, на которых согласны трудиться женщины и чернокожие. У этих фирм меньшие затраты и более низкие цены. Если работодатель, придерживающийся линии на дискриминацию, не меняет ее, он кончит тем, что его вытеснят с рынка его конкуренты.

Санкции могут исходить также от акционеров. Они заинтересованы в прибылях фирмы, а не личных целях управляющих. Они могут наказать за подобную политику, сменив управляющих. Если единственной причиной снижения прибыли является дискриминация, которую проводят управляющие в отношении некоторых служащих, другие акционеры могут усмотреть в этом возможность увеличения прибыли, прибегнув к публичным торгам (O.P.A. – offer publique d'achat) и заменив команду управляющих людьми, более озабоченными задачей максимальной прибыли, а не другими целями, – считают авторы.

Иными словами, дискриминация со стороны работодателя не может продолжаться в конкурентной среде. Напротив, когда фирма защищена от конкуренции или обладает монополией на производство товаров и услуг, либо в случае, когда ценные бумаги на право собственности на нее не имеют обращения на биржевом рынке, работодатели, действительно, имеют возможность преследовать другие цели, нежели максимальное увеличение прибыли. Тут, как это постоянно бывало «при социализме», уже не «политика – концентрированное выражение экономики», а как раз наоборот «экономика – концентрированное выражение политики». Но, возможно ли подобное существование дел «без вмешательства Государства», спрашивают неоконсерваторы. В самом деле, ситуация с монопольным правом на производство товаров и услуг исключена, «если только Государство не блокирует выход на рынок конкурентам»¹.

В продолжение исследования проблемы, приводится следующий пример. Может наблюдаться явление монополии, когда определенное предприятие является единственным работодателем в регионе. В подобном случае служащий понесет расходы, если согласится с условиями работодателя, который предложит ему зарплату, не соответствующую его производительности. Таким образом, он согласится на работу с более низкой оплатой труда. В такой ситуации работодатель имеет больше возможностей для проявления своих предпочтений, так как может отказаться нанимать женщин на такую же зарплату, как и у мужчин. В этом случае он использует свое положение на рынке. Но и здесь проводимая им дискриминация не обязательно является проявлением его вкусов и предпочтений, речь может идти просто об увеличении прибыли до максимума, если он выплачивает зарплату ниже полагающейся за «маргинальную производительность», потому что женщина, к примеру, менее мобильна, чем мужчина.

Как отмечают авторы, к сожалению для теории, монополия (положение на рынке, характеризующееся одним покупателем и множеством продавцов) завязана по преимуществу на государство. Если вы авиатор, то единственные компании, которые могут вас трудоустроить, это Эр Франс или Эр Интер. А здесь, как правило, государственные фирмы или фирмы с сильным профсоюзом проводят дискриминацию не на основании пола или расовой принадлежности, а по возрасту и порой по политическим или

¹ Op. cit. P.61–62.

религиозным соображениям, как это нередко имеет место в сфере образования, с сожалением констатируют авторы¹.

Действительно, можно согласиться с неоконсерваторами, дискриминация со стороны работодателей не может иметь долговременный характер, если только Государство в той или иной форме не предоставляет фирмам, уже обосновавшимся на рынке, льготы, позволяющие им защитить себя от потенциальных конкурентов. В отсутствие таких протекционистских мер дискриминируемые группы имеют сравнительное преимущество на рынке, которое препятствует работодателям проявлять их вкусы или предпочтения, выражающиеся в дискриминации. Вмешательство Государства зачастую является одной из главных причин дискриминации, сегрегации или практики исключения на рынке.

Далее рассматривается пример, связанный с минимальной зарплатой во Франции (до введения евро). Если трудящийся приносит хозяину за месяц работы 3000 франков, а работодателя обязывают платить ему 4000 франков, последний откажется нанимать его. И наоборот, если работник производит продукцию на 4500 франков, его примут на работу. Работники с наименьшей производительностью (из-за, например, отсутствия опыта или квалификации, как это свойственно молодежи, женщинам или иммигрантам) будут вытеснены с рынка труда и подвергнутся дискриминации. Действительно, выбирая между мужчиной и женщиной, которые вырабатывают ровно 4000 франков, работодатель может предпочесть мужчину. Женщина (или чернокожий) не может добиться приема на работу, так как она не может согласиться на более низкую зарплату, чтобы получить эту работу и устранить конкурента: мужчину (или белого).

Таким образом, считают неоконсерваторы, такое законодательство ставит в невыгодное положение и дискриминирует женщин и лиц с другим цветом кожи. Статистическая дискриминация проявит себя в полной мере, а рынок не сможет исправить ошибочные прогнозы. Если работодатели будут полагать, что женщины и чернокожие достигают меньшей производительности труда, чем мужчины и белые, они будут брать на работу мужчин и белых. Меньшинства же, изгнанные с рынка, не смогут доказать, что их производительность такая же, как у других, из-за того, что они не смогут предложить свой труд за более низкую зарплату. Действительно, эта проблема становится подобием «квадратуры круга», которую постоянно и безуспешно пытаются решить безработные. А во Франции, да и других странах, принадлежащих к техногенной цивилизации, это молодые люди, иммигранты и лица женского пола.

Индивид, безусловно, должен обладать правом собственности на самого себя. Это значит, что законодательство развитых стран нередко само дискриминирует женщин или молодежь, запрещая им доступ к некоторым видам труда, ограничивая количество рабочих часов и запрещая женщинам работу в ночные часы или во время беременности. Любопытно отметить, что в значительной степени дискриминация обусловливается мужским синдикализмом, закрепленным в законодательстве о труде. Так, тра-

¹ Ibid.

диционное толкование апартеида в Южной Африке как воплощения сегрегации и дискриминации черной расы нередко умалчивает о том, что это законодательство было инициировано профсоюзами белых шахтеров в 1911 г. (Mine and Work Act) опасавшихся конкуренции со стороны чернокожих. Этот документ исключал для чернокожих право работать в шахтах. Однако неоконсерваторов, только Государство, используя насилие, способно проводить дискриминацию в больших размерах: «Государство – самый крупный производитель дискриминационных актов законодательного характера, направленных против меньшинств или даже большинства!»¹.

Они считают, что правительственные регламентации и программы, ставившие своей целью положить конец дискриминации, имели непредвиденные последствия обратного характера. Так, французское законодательство о труде постулировало принцип «Равная оплата за равный труд». Соответствующая статья трудового кодекса была объявлена политическим инструментом для борьбы с дискриминацией. Другой инструмент получил название «политики квотирования или контингентирования». Однако, оба эти документа имели «драматические последствия» для женщин и людей с другим цветом кожи, считают неоконсерваторы. Если работодатель полагает, что законодательство обязывает его платить женщинам более высокую зарплату, чем полагается за их производительность, то это означает, что женщины не найдут работы в секторе, «защищенном законом». Это заставит их переключиться на временную или сезонную работу, либо работу на дому. В том же случае, если им повезет трудоустроиться, то за свое право пользоваться более высокой зарплатой они заплатят длительной безработицей или более долгим периодом ожидания рабочего места.

Неоконсерваторы считают, что «эта цена будет абсолютно равна ренте, которой они будут пользоваться, получая доступ к работе дающей право на такую же зарплату, как у мужчины. Это честная операция для этих женщин. Но обществу в целом будет нанесен урон, потому что период безработицы, который пережили эти женщины, только по этой причине имеет стоимость замещения: цену услуг, которые бы они оказали, если бы трудоустроились в другом секторе. Эта ценность утрачена для всех. В конечном счете принцип «равная плата за равный труд» приводит лишь к перераспределению доходов менее квалифицированных женщин (соответственно, чернокожих) в пользу женщин с самой высокой квалификацией»².

Политика квотирования того же рода, что и принцип «равная оплата за равный труд». В русле этой политики работодатель должен принять на работу женщину, которая, как он считает, менее производительна, чем мужчина. Чтобы максимально повысить прибыль, он сокращает использование других возмещающих факторов. Спонтанно он экономит на использовании мужской рабочей силы или оплачивает труд мужчин по более низкой ставке. Главным следствием этого становится увеличение стоимости продукции в квотированном секторе. Этот сектор нанимает меньше работников. Тогда число рабочих мест квотированного сектора сокраща-

¹ Op. cit. P.64.

² Ibid. P.65.

ется, а в других секторах увеличивается. Поскольку за эту политику расплачиваются мужчины, именно использование мужчин относительно снижается там, где применяется эта политика. Тогда они переключаются на другие сектора, оказывая влияние на понижение зарплаты мужчин в не-квотированных секторах.

Такая политика, считают неоконсерваторы, приводит к перераспределению доходов между мужчинами, но ни в чем не улучшает положение женщин, поскольку в целом экономика становится менее производительной. Это означает, что политика квотирования реализует равенство мужчин и женщин в квотированном секторе, но осуществляется в ущерб мужчинам, занятым в неквотированном секторе. Либеральные социологи полагают, что в квотированном секторе мужчина и женщина зарабатывают, к примеру, по 10000 франков в месяц, в то время как в отсутствие квот женщина зарабатывала бы 12000, а мужчина 18000 франков. Отсюда вывод: «Стремление проводить квотирование сокращает производительность труда и ведет к потерям для всех»¹.

В заключение, можно обосновать вывод: рынок вызвал феноменальный экономический рост в странах техногенной цивилизации и открыл безграничные возможности для появления новых рабочих мест. Это позволило женщинам, молодежи, а также людям с небелым цветом кожи добиться своего освобождения. Поэтому, можно согласиться с положением французских либералов о том, что конкуренция и соперничество работодателей в поисках дешевой рабочей силы имели большее значение для «освобождения» женщин и чернокожих, чем деятельность феминистских или антирасистских объединений во Франции. Рынок осуществил «выравнивание условий» лучше, чем протекционистские меры, которые инициировали феминистские, антирасистские и синдикалистские группы давления, использовавшие общественное принуждение в своих корпоративных интересах.

Пример Франции показателен и для России, которая, по-видимому, должна быть, а не казаться рыночной страной. Тогда «меру труда» в ней будет определять рынок, а не редистрибутивный механизм.

Список литературы

1. См. Bertrand Lemennicier Discrimination, preferences et liberte // Pierre Millan et le Club de L'Horloge Le refus de l'exclusion nouvelle expression de l'utopie egalitaire. Editions Lettres du Monde. Paris, 1995.
2. Erhenberg R.G. et Smith A.S. Modern Labor Economics, chap. 14, "The economics of discrimination", Scott Foresman and C, Glenview, Illinois, 1982.
3. Arrow K. Some mathematical models of race in the labour market // Pascal A.H. Racial Discrimination in Economic Life, Exington Books, Toronto, 1972.

© Карцев Е.А., 2010

¹ Op. cit. P. 66.

ФИЛОСОФСКИЕ СТРАНИЦЫ

Н.А.Кормин

ВЛ.СОЛОВЬЕВ И И.КАНТ: СИМВОЛИЗМ КАК ГРАНЬ ФИЛОСОФСКОЙ КРЕАТИВНОСТИ *Статья первая*

КОРМИН Н.А. – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора эстетики Института философии РАН.

Аннотация. В статье выявлены структуры восприятия и трансформации кантовского символизма в философии Вл.Соловьева, связанные с трактовкой идеи как живого существа. Аналитика символа позволяет прочесть «Критику чистого разума» по-новому – прочесть эстетически, рассмотреть познание как выполняемую процедуру творчества.

Ключевые слова: И.Кант, Вл.Соловьев, философия, метафизика, эстетика, творчество, символ, аналогия, символизм.

Для умственной стилистики нашего времени характерны какие-то все-ми наблюдаемые, но никем пока точно не описанные изменения статуса символа, смещение аксиологического фокуса символизма. Нельзя сказать, что указанные изменения привели к тому, что символ перестал обладать понятийной валентностью, тем не менее в интеллектуальном репертуаре XXI века символ явно перестал быть символом статуса – по крайней мере, в художественной культуре, утратили свой харизматический образ и сами символисты. Разобраться в причинах этого явления невозможно, не прояснив структуру развития и восприятия символов в порядке философского знания, символический аспект философского языка. Символы – это матрицы человеческих состояний, и в некотором смысле сам философ «впервые рождается в каком-то отношении к символам», которые как раз и дарят нам долгую память о собственном пути философии, возвращая эту память в виде «осколков разбитого зеркала универсальной гармонии,

попавшей в глаз или в душу»¹. Пустое место символа есть условие зарождения самого философствования, выводящее к границе представления как такового. Сложность прояснения смысла символа связана с тем, что открытая структура, даваемая им, структура его недоопределенности нередко обращается к некоему невнятному языку, к размытости свойственных ему очертаний, перенимая на себя роль той туманной дали, в которой устанавливаются философские представления, деноминации, понятия, идеи, конструкторы, складываются философские предрассудки. Можно сказать, что они устанавливаются и складываются в некой к «темной частности символа» (А.Блок). Ведь даже основания европейского рационализма включают в себя не обладающий рациональной прозрачностью, символически сконструированный, не воспроизводимый на знаниевой базе элемент. «Потому что мы ведь считаем, что рациональное знание знает свои собственные основания. И поэтому аподиктично. А тут, раз включен уже символический элемент, то он снимает с нас обязанность внутри самого знания знать еще и механизм происхождения и получения этого знания»², тем самым облегчая, но одновременно и затрудняя задачу прояснения метафизического образа знания, выявления человеческого измерения познания. А в этом измерении мы конечны в символах бесконечного, и, фиксируя это измерение, философия разворачивается в качестве символического сценария бытия. Но каким образом встраиваются символы в теоретическую архитектуру знания, тем более что их невозможно отыскать ни на стенах истинного знания, ни на развалинах ложных теорий и гипотез? Символ – некая *смысловая вещь*, которая открывает или закрывает горизонт нашего видения мира, хотя сам по себе он, если брать его сингулярно, есть и не вещь, и не смысл. Он всегда опирается на некую «незнаемо знаемую» основу. Уже кантовская идея символа связана прежде всего с решением ключевого вопроса трансцендентальной философии: что я могу знать? Невозможно было бы получить знание о природе, если бы она была дана *сама по себе независимо от первых источников мышления*, и именно эту фундаментальную взаимосвязь как раз и держит трансцендентальное поле символа. Вообще-то, как подчеркивал Гете, все наше познание символично. Поэтому теоретический анализ цельной метафизической структуры не только познания, но творчества был бы неполон и даже ущербен без исследования априорного языка символов.

Создавая канон интерпретации символичности и метафоричности как философской интенции, важно наметить контуры той возвышенности, с которой легче контролировать условия мышления по поводу этих уникальных явлений. Как обустроено такое место мышления, хорошо видно на примере анализа отношения к символизму классической и современной философии. «Классические философы открыто признавали постоянную соотнесенность любого способа изучения с символизациями сознания, из которых следовала некоторая онтологичность изучаемых явлений. Современная философия решила снять спекуляцию и проделала это снятие именно как решительный отказ от соотнесения с п о с о б о в, м е т о д о в,

¹ Мамардашвили М.К. Очерк современной европейской философии. М., 2010. С.523–524.

² Мамардашвили М.К. О рациональности // Встреча с Декартом. М., 1996. С.354.

п о д х о д о в с символами, «заданиями» сознания. И что же? Символы сознания исчезли, а спекуляция... осталась. И это ясно видно в любой разновидности лингвистической философии. Происходит забавная вещь: они тоже занимаются спекуляцией, только вместо того, чтобы, как скажем, в классической философии, полем онтологии было тем или иным способом изображаемое или символизируемое сознание (выполняющее любой акт изучения вещественных структур), в современной философии анализа таким полем стал сам язык, язык стал онтологией, язык стал материалом с минимумом интерпретаций. И, таким образом, вместо того, чтобы превратить язык в ступеньку к сознательной жизни, его превращают в ширму, которая ограничивает мыслящего субъекта от спекулятивной (онтологической) стороны сознания и в то же время закрывает от субъекта и его неосознанную тенденцию к реонтологизации способа описания»¹. Вымывание символов из современного, особенно постмодернистского, философствования может обернуться нарастанием нового витка того, что Вл. Соловьев в свое время называл отвлеченными началами. Их критика соотнесена с созданием позитивных (символ Софии, символ идеи как живого существа) символов, которые должны были переинтерпретировать негативные (например, вещь сама по себе, синтетическое единство апперцепции у Канта) символы, а также так называемые нулевые символы – целую совокупность историко-философских «файлов».

Как видим, тенденцию к символизму можно наблюдать в чередовании личностных типов философствования, замыкающихся на отношения к меткам жизни, в которой сознание построено как трансцендентальное сознание, у которого «нет предметов, поскольку то, о чем оно говорит, хотя и кажется предметом, но является лишь символом»². Среди выделенных философией свойств расплывчатого контура символизма особое значение придается двойственному атрибуту, принадлежащему сразу двум мирам, но ни одному из них в отдельности: выражение нашей конечности в символах бесконечного (уже Лейбниц признавал, что охватить бесконечность возможно лишь через постижение индивидуализации) относится к конструктивным особенностям философского произведения. Перевод мира в его символическую действительность осуществляется усилием некоего пространственно-временного индивида, для анализа которого требуется своеобразная методология – персонаж романа Роберта Музиля «Человек без свойств», возможно, назвал бы ее *методологией того, что мы не знаем*. Философские символы, которые проходят определенный волновой цикл субъективности, отбрасывающий ее на гребень идеи, индивидуализируются в своей уникальной и неповторимой сущности, ускользают в невидимые размерности, связанные с условиями обращения образов сознания, «парят» в виде образа невысказываемых, скрытых комплексов, которые мы даже не всегда в состоянии понять. Они своего рода тайна при полном свете. Тем не менее линия реализации вспыхнувших символов отсылает к некоторому действию, создающему портрет человека в порядке

¹ Мамардашвили М., Пятигорский А. Символ и сознание (Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке). М., 2009. С.93–94.

² Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии. М., 2010. С.210.

изображения мира, прочерчивающему траектории его самоосуществления; эта линия сворачивается в сингулярную точку, в окрестностях которой мы получаем общее представление о том, внутри чего рождается и течет наша жизнь. И вполне понятно, почему именно символические состояния называют приставками к нам, обладающими качеством амплификации.

Сама философия в чем-то родственна символизму. Но внутреннее родство этих явлений не означает их полного совпадения. Тем не менее уже в античности первые проявления любви к мудрости связаны именно с конструированием «символической» в собственном смысле, философской мифологии»¹. Впоследствии символической формой наделяются едва ли не все философские открытия. Метафизика вносит в свои построения привкус символичности. Более того, относительно некоторых явлений вполне возможно говорить даже о символической метафизике. По крайней мере, если смотреть на философию как на выражение переживания на границе, как на язык танца – «танца на краю пропасти», рассказывающего о драме предельных оснований бытия, как на особый язык, пытающийся мыслить собственные основания, то нетрудно заметить, что она отделена не столь уж большим промежутком от символического основания мышления и творчества, от регулирующих символов. Символизация и десимволизация, критика попыток придать символам фактический смысл могут присутствовать как элементы, появляющиеся в просвете оснований философии, они способны втягивать в свою орбиту высшие метафизические принципы². Можно даже сказать, что сама метафизика – это символика чего-то, в принципе не извлекаемого с онтологического дна, и в этом смысле эпистемологически невсплываемого. Правда, далеко не все философские положения обосновывались в их символической манифестации.

Столь высокий метафизический статус символизма объясняется, по-видимому, тем, что он как-то странно прорастает своими корнями одновременно и вниз, и вверх: и в бытие, и в сознание. Разрыв отношений между сознанием и бытием и их совпадение выражает акт трансцендирования, которое движется «не к чему, а к форме, к символу, то есть форма и символ есть нечто такое, ориентация на что есть обратным ходом условие бытия в человеке. Существование возникает не там, куда происходит трансцендирование<...> Оно ориентировано на нечто, что называется символами или пустыми формами. Когда мы говорим, что нечто имеет только символическое значение, то здесь нет прямого утверждения, что предмет таков, а в языке лишь символический смысл, то есть здесь не утверждается, что нечто называемое, обозначаемое символом существует. Существование чего-то не утверждается, и поэтому мы говорим: это символ, нечто, имеющее символическое значение, и оно наполняется посюсто-

¹ Аверинцев С.С. Символ // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С.379.

² Один из них – принцип когито: «Успокоившись, сомкнулись воды над упавшим камнем «я существую». Он покоится там, в глубине, и не получает выражения на поверхности. Но у великих-то оставались символы того, от чего они уходили (или, что-то от них уходило, скрывалось), т.е. метафизика. А мы разделили... и получили бессмысленную теорию познания и логику науки» (см. Мамардашвили М. Под знаком Картезия // Встреча с Декартом. М., 1996. С.413). Декартовское я мыслю у Э.Кассирера вообще трансформируется в я мыслю символически.

ронним актом бытия; если есть направленность на символ и трансценденция, то по эту сторону направленности что-то возникает; это возникающее нечто есть бытие»¹, что напрямую выводит нас на трактовку символических практик, критериев, которые, эксплицитно или имплицитно, могли лежать в их основе. Эти практики суть метафизические практики, учреждающие события-сингулярности, которое, используя термин Р.Барта, можно рассматривать как образ-punctum. Для него зрительный образ, например, «punctum в фотографии – это тот случай, который на меня нацеливается (но вместе с тем делает мне больно, ударяет меня)»², и этот дзенский прием-событие в мире дигитальной практики способен пробудить метафизическое состояние в нас.

Философский символ опосредованно связан с сознанием, в философском умозрении восполняется утрата связующих нитей культуры с первичными условиями символизации сознания. На самого философа М.Мамардашвили смотрел как на *впервые рождающегося в каком-то отношении к символам*. В разные периоды это отношение значительно мутировало, но неизменным оставалось понимание его как синергичности различных реальностей, как своеобразного состояния сознательной жизни, символ бесконечной длительности и полной собранности которой усматривается в древнем образе змеи, кусающей себя за хвост. И неудивительно, что чаще всего символ описывается как трансцендентальный феномен, фиксирующий *объективное свойство сознания*. Такова исходная установка симвонологии М.Мамардашвили и А.Пятигорского, в которой категория самого символа списана с кантовской вещи самой по себе: он точно так же, как и последняя, может быть *понят, но не познан*. Основными элементами этой концепции являются его прорисовка в качестве трансцендентального объекта, включающего:

- *типологию отношений вселенского и антропного, расширяющую оптику восприятия гравитационного взаимодействия сознания;*
- *субстанциональные (мировые) точки, вещественный след необратимости, проявляющийся в обратимых мысленных процессах;*
- *указания на организацию существования человека, на его душевную организацию в его стоянии один на один с миром;*
- *обозначение сознательных посылок, грани предметных форм мышления и живого органа мысли;*
- *фиксацию дуализма понимания – непонимания;*
- *язык, который сознание имеет для психики (символ одним концом погружен в определенные содержания сознания, а другим – в психическую экзистенцию);*
- *формы невидимых явлений, посредством которых мы можем что-то видеть вообще;*
- *способ переживания нашего онтологического устройства и реализации метафизического состояния, в луче которого только можно что-то впервые пережить и испытать.*

¹ Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии. М., 2010. С.209.

² Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии. М., 1977. С.45.

Символизм кроит свою вселенную, и человек может пронести метафизический образ мира только символически. Описывая метафизические состояния (в соотношении с ними рождается онтология символа, которой появляется потому, что человек не обладает возможностью удерживать эти состояния: действительно, разве он способен находиться в состоянии чистой мысли, чистого добра, чистой красоты?), М.Мамардашвили описывает «некий символический акт, в пространстве соотнесенности с которым я, как эмпирический человек, буду порождать в себе состояния, которых не было бы без символа. То есть того, что называется чистыми объектами: чистой мыслью, чистой верой – это некие конструктивные машины, порождающие нечто вопреки действиям сил природы»¹. В соприкосновении с этими состояниями в человеке воспламеняются очаги, потухающие без символов. Человеко-символ – на этом контрапункте держится почти вся феноменология М.Мамардашвили. Композиция символа составлена из воссоединяющихся друг с другом сборных конструкций, которые помещают нас в точку роста человечности, высшие проявления которой столь напряжены, что готовы разразиться каким-то мощным взрывом, внутренне преобразующим нас. Сотрясая все наше существо, символ открывает доступ к некоему невозможному континууму переживания. Поскольку экспозиция символов служит самопознанию субъекта в его объективных и универсальных свойствах, то вступив на сложный и извилистый путь их узнавания-понимания, невозможно обойти фигуру Декарта. Мамардашвилиевская ссылка на картезианское “*cogito ergo sum*” имела своей целью высветить ту грань символизма, посредством которой теоретическое обоснование трансформировалось в то, что он называл *тропинками внутреннего сада*, в личностно-нравственное толкование мира, представления о котором могут быть лишь символами нашей жизни. Принцип *cogito*, означающий обнаружение человеком факта незаместимого существования самого себя в мысли в качестве преобразованного, М.Мамардашвили относил не к разряду гносеологических явлений, не к разновидности теоретического аргумента, а к составляющей духовного темперамента. Это положение привлекает его в качестве «символа, соотносясь с которым и сопрягаясь с действием которого, мысля его как понятие, мы развиваемся как живые существа или перерождаемся, но не познаем. Это не «Я», которое мы представляем наглядно и думаем, что у нас есть некое «я». На самом деле для философа никакого «я» как реальной структуры, укорененной в онтологии сознания, нет, а есть лишь действительная, эмпирически существующая (в смысле философского умозаключения) псевдо-структура»². М.Мамардашвили вычитывает у Декарта переход *я мыслю* в *я устанавливаю*, трактуемому в смысле *конституции души*, принципа духовной вменяемости «я», его участия в метафизическом апостериори. Сам символизм для М.Мамардашвили есть своего рода несущая конструкция в философском построении, направленном на спецификацию классического и неклассического типов рациональности, текстуализацию накопленного опыта в предпосылке прямого и косвенного доступа к трансценденции.

¹ Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. М., 2000. С.217.

² Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. М., 1993. С.181.

Символ в этимологическом смысле означает разломанную пополам дощечку, ее половинки могут стать дощечками узнавания, если воссоединятся теми, кто их нашел. Тогда происходит событие, свершающееся в качестве именно животворящего события-символа, предполагающего соби- рание и синтез частей нашей сознательной жизни, вносящего изменение в искривленное пространство воссоединения друг с другом разделенных, но некогда единых половинок, образующих нашу сокровенную антрополо- гическую природу. Такое событие только и может случиться внутри сим- вола. И воссоединяться здесь будет то, что «наполовину погружено в ма- териальные обстоятельства жизни, а другой половиной погружено в соз- нание; акт реализованной мысли и есть воссоединение этих двух частей. Человеческий акт в человеке всегда воссоединяет в некоей полноте части символа, несмотря на их разнородность. Они родственны и узнают себя так, что акт узнавания есть единственно возможное их соединение. Это и должно называться «символом», и в то же время это можно взять в каче- стве обозначения человеческого состояния. Что бы ни случилось и где бы ни блуждали эти части в мире, они принадлежат друг другу, и что-то происходит, когда они друг к другу прилегают»¹. В этом смысле символы суть осколки трансцендентальной материи, в которой происходит наращи- вание смыслов на исходные значения, связанные с личностным корнем созерцаемого – и если элиминирован этот корень, то внешняя сторона сим- вола лишается смысла. М. Мамардашвили продолжает линию кантовского критицизма, в котором символизм связан прежде всего с косвенными опи- саниями нашей души, изменяющими направления ее движения. Но тут же он пролагает в философском пространстве свою собственную дорогу, от- нося символизм к тому, что реально рождается в матрице не наглядных и безосновных актов понимания, через которые мы схватываем жизненные условия своего собственного сознания, хотя, с другой стороны, и «сама жизнь есть разворачивание, реализация некоторых символов, а акт мыс- ли и становление человека есть расшифровка, способность связать разные вещи в один символ и извлечь опыт – чему-то научиться или изменить (что одно и то же) самого себя»². В мамардашвилиевском повороте к симво- лизму присутствует то, что называют живым нервом философствования, и совершая этот поворот он фактически идет навстречу бытийно-собы- тийному измерению сознания, поскольку под событием здесь имеется в виду нечто символизируемое как бытие.

Как мы убедились, идея символа смута, сопряжена со свойством не- коего неделимого существования, в силу чего крайне сложно написать его теоретический портрет. По крайней мере, его портрет – это всегда двой- ной портрет: понятие символа можно отнести к классу понятий с двойным дном, предваряющих саму возможность нашего понимания действитель- ности. Символ напоминает древнеегипетского Ка – существа высшего порядка, двойника, который возникает в момент рождения смертного и су- ществует всегда. Неизбывная двойственность символа, его двуликость, антитетичность, парадоксальность имеет ключевое значение для эстети-

¹ Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. М., 2000. С. 168–169.

² Там же. С. 290–291.

ки, усматривающей в нем не только смысл тождества бытия и мышления, но и существенное свойство текста искусства: в самой символической форме заложены едва ли не все матричные состояния, в которых определяется отношение философии и искусства. Художественная реальность усеяна структурными символами, регулируемыми эстетическими отношениями в произведении искусства, символами переживания бытия, посредством которых можно, как говорил М.Мамардашвили, *начать двигаться по колодцу души*. Например, андерсеновская символика в отличие от платоновской, которая параллельна религиозно-метафизической символике гностицизма, «тяготеет к пространственно фиксированным, геометризированным (более, нежели пластическим) образам. Ее скрытое метафизическое содержание глубоко спиритуалистично: реинтеграция индивидуального сознательного бытия, предельное развертывание, развитие индивида всегда проверяется его предельным «свертыванием», редукцией многих иерархических планов его бытия к одному»¹.

В западноевропейской художественной традиции символизм как существенное свойство искусства имеет многообразные проявления: от символических построений в мировоззрении Гете и масонских символов в опере Моцарта «Волшебная флейта» до поэтики французского символизма с его идеей соответствий (*correspondances*) явлений, совершенно непохожих друг на друга. Пути философского мышления могут в известной мере совпадать с путями, по которым движется художественный символизм. М.Мамардашвили и А.Пятигорский находили не только много общего в метафизическом символизме Кьеркегора и в мифологической символике Андерсена, но и совпадение философских ходов М.Хайдеггера с тем, что было осуществлено в начале XX века французским символизмом.

Символ – ключевое понятие, в луче которого мы можем идти в область эстетики, понятия которой вводятся в философию в зависимости от степени общности и универсальности содержаний теоретического высказывания о художественном сознании. Характеризуя символизм как способ утверждения легитимности искусства, Г.Г.Шпет писал в своих «Эстетических фрагментах»: «Символ – сопоставление порядка чувственного со сферой мыслимого, идеи, идеальности, действительного опыта (переживания) со сферой идеального, опыт осмысливающего. Искусство, в *аспекте эстетики*, существенно между тем и другим». Указывая на отличие символа от аналогии и аллегии, он подчеркивал: «Символ – творчески-пророчесствен и неисчерпаемо бесконечен. Аллегория – теософична, символ – мистичен»². Положение об этой мистичности символа крайне важно для понимания смысла метафизической эстетики Вл.Соловьева.

Итак, существуют две структуры сознания – аналитическая и символическая. Символ схватывает фундаментальные условия нашего знания о бытии, существующие только в рамках интерпретации, и потому он всегда напоминает о характере позиции, занимаемой философией, которая занята поиском основания оснований, о парадоксальности оснований, кото-

¹ Мамардашвили М., Пятигорский А. Символ и сознание (Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке). М., 2009. С.107.

² Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1989. С.357–358.

рых нет. Зададимся теперь еще несколькими обобщающими вопросами. Всегда ли начало самого философствования становилось специфическим философским символом? Есть ли символичность некая базисная структура, некая априорная, первичная, ни от чего не зависящая функция, которая порождает все структуры? Является ли основание знания от символа или не от символа, и что фиксируют выявляющие эти основания философские системы и философские символы, ориентированные на процедуры логического мышления и определенные события самого знания? Есть ли сама рациональность символически замкнутая или символически открытая система? Как мы можем ориентироваться с помощью символов в произведениях рассудка, то есть в опыте, который выступает в «своем развитии столь неисчерпаемо богатым в своей новизне, что непрерывный ряд всех будущих вступающих в жизнь поколений никогда не будет испытывать недостатка в новых знаниях, которые могут быть собраны на этой почве» (А 1)¹? Присутствуют ли имплицитно в самом языке символов правила логики? Можно ли обосновать знание на феномене символизма? В какой мере философское обоснование имплицитно предполагает некоторое символическое сознание? Или символизм вообще не способен впитать в себя опыт переживания философствования? Какая эстетическая ситуация зашифрована в символе? В истории философии можно найти разные ответы на эти вопросы. Одни считают, что основанная на символизме философия вообще порывает с жизнью. Другие полагают, что символический инструментарий в метафизике попросту излишен. Третьи, напротив, признают ценность символических формирований именно в метафизике. Сопоставляя специфические философские символы, например, декартовскую символическую формулировку *cogito ergo sum* и гегелевскую идею абсолютного духа как того символа, который обозначал философствование, М.Мамардашвили и А.Пятигорский подчеркивали, что если декартовский символ вводится так, что мыслимый предмет берется совместно с условиями сознания и лишается внутреннего измерения, то «Гегель эту процедуру несколько меняет, в действительности он натурализует сознание, внося его внутрь самой действительности и самих предметов, и рассматривает всякое бытие, или «вещь в себе», как духовное бытие, или внутреннее, и в этом смысле как нечто, что поддается рациональному осмыслению и изображению»², в том числе и изображению в некоем символическом поле.

Метафизичность оснований символизма М.Мамардашвили связывает прежде всего с осознанием события зарождения *человеческих* состояний в лоне изображенных, созданных символов того, что мы знаем и чего не знаем о мире: и известное и неизвестное как раз и очерчено бесконечными потенциями символов, которые тем не менее открывают перспективу нового знания, новой мысли, очерчивают то, что очертить, казалось бы, в принципе невозможно – бесконечность. Ведь сама мысль как странная конечная форма, которая выполняет на себе бесконечность, рождается

¹ Здесь и далее в круглых скобках цитируется «Критика чистого разума» И.Канта по изданию: *Кант И. Сочинения на немецком и русском языках*. М., 2001–2006. Т. 2. Ч. 1, 2.

² *Мамардашвили М., Пятигорский А. Символ и сознание (Метафизические рассуждения о сознании, символической и языке)*. М., 2009. С.164.

чем-то в принципе уже недоступным человеческому переживанию. В символической жизни «содержатся ресурсы того, что в нашем мышлении могут возникнуть сцепления нового»¹, в том числе и инновации в сфере знания, но сами символы есть не знаниевые структуры, а структуры понимания, сознания, совмещенного с бытием, сознания – никогда не видимого нами, незнаемого, необъективируемого в процессе мышления. Ненаглядное постижение мира не имеет своих предметных референтов: естественные явления мы можем пространственно артикулировать, устранив из него какие бы то ни было сознательные состояния, знание которых, тем не менее, вписано в ткань физического наблюдения. Этот параллелизм открывает доступ к необъяснимой тайне превращенности физических воздействий в феноменальную материю мысли, приоткрыть которую возможно лишь на уровне феномена сознания, взятого как некая психологическая реальность. Философская интерпретация этого феномена означает, что «мышление и существование соединены лишь в символе Я, в символе состояния, который только и может вводить испытующее и чувствующее существо в структуру сознания. Но будучи символом, с другой стороны, состояние допускает и свою наглядную реализацию. То есть реализацию через наглядный образ, модель психологического «я» (или эмпирического «я»). Но, естественно, поскольку это символ, он не совпадает со своей наглядной реализацией, отличается от нее, и это отличие или несоответствие символа Я с наглядной реализацией «я» мыслитель и психолог должен держать, по Декарту, в голове, и никогда не упускать его из виду<...> Я, будучи символом состояния, реализуя психические силы, вводит сопряженного с ним человека как бы в дуальную, т.е. субъект-объектную структуру сознания. Или, другими словами, располагает [или организует] его мысль так, что она не может одновременно постигать и «внешнее» в мире (объекты научной картины), и понадобившееся для такого постижения «внутреннее». Как Кант скажет позже: последнее – это та «вещь в себе», которая в нас. Ее действие в нас мы не можем сделать объектом познающей мысли, потому что это означало бы дать ей пространственную артикуляцию, уже имея для этого и разрешающее созерцание, и, следовательно, познать не то, что собирались познавать. Но раз мыслить о том, что в нас есть объективно, мы можем лишь в той мере, в какой разворачиваем это в пространственной артикуляции, то тем самым это будет являющаяся душа, а не действие»². Слияние мышления и существования – важнейшее представление философии Мамардашвили на подступах к осмыслению символа. Введением понятия его-символа, могущего хоть на миг охватить качества ускользающей реальности, замещается кантовская идея вещи самой по себе – этого символа символов трансцендентализма.

Так, если уловить трансцендентальный смысл, вырвавшийся за пределы спонтанности сознания, зафиксированной в знаково-культурной жизни человека, то станет ясно, что он смещает фокус символической интерпретации к своим собственным основаниям, к символу-заполнителю для невозможной структуры «я», обосновываемой в качестве реальной. Видя

¹ Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. М., 2000. С.115.

² Мамардашвили М. Картезианские размышления. М., 1993. С.284.

в наглядных символах указания на душевную организацию человека в его стоянии один на один с миром, М. Мамардашвили представлял их как опеределенную попытку осмысления, увязывающего воедино свободное действие, конечное воплощение бесконечного в зазоре между двух шагов с имплицитным пониманием. Философия как раз и вводит символизм, поскольку, как подчеркивал М. Мамардашвили, изживая конечно-наглядную форму, немислимое – например, воскресая; все равно мешает конкретное лицо, лик своим *присутствием* как таковым) – умозрительное или рациональное, структурное понимание (сознание) законов, объектов, явлений и т.д.)¹. Насколько близка философия к символическому основанию, показывают уже первые опыты философствования.

Символический ингредиент изначально присутствует в нем. В истории философии по-разному истолковывался ее собственный символический референт: стоит ли напоминать о насыщенном гегелевском символе совы Минервы², который помещен в контекст обсуждения границ философского знания – подобно этому символу мудрости, приходящей с годами, философия появляется лишь с наступлением сумерек старой формы жизни, пытаясь воспроизвести ее в своеобразной тональности понимания. Статус понятия символа в рамках философской традиции то повышается, то понижается. И хотя адекватного представления о нем до сих пор нет, тем не менее существует немало выполненных в осовременивающем ключе исследований символической реальности³. Диапазон зарубежных и оте-

¹ Мамардашвили М. Под знаком Картезия // Встреча с Декартом. М., 1996. С.380.

² «Когда философия начинает рисовать своей серой краской по серому, тогда некая форма жизни стала старой, но серым по серому ее омолодить нельзя, можно только понять; сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек» (Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С.56.)

³ Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С.109–128; *его же*. Заметки к будущей классификации типов символа // Проблемы изучения культурного наследия М., 1985; *его же*. Символ // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С.378–379; *его же*. Системность символов в поэзии Вячеслава Иванова // Контекст-1989. М., 1989; *его же*. София-Логос. Словарь. 2-е, испр. изд. Киев, 2001. С.155–161; *его же*. «Ученики Саиса»: о самоопределении литературного субъекта в русском символизме // Аверинцев С.С. Связь времен. Киев, 2005. С.291–305; Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыт философии языка. М., 2008; Ахутин А.В. Поворотные времена. Статьи и наброски. СПб., 2005. С.530–536; Бескова И.А. Эволюция и сознание (когнитивно-символический анализ). М., 2001; Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., 1996; Белый А. Символизм. М., 1910; *его же*. Критика. Эстетика. Теория символизма. В 2 тт. М., 1994; *его же*. Символизм как миропонимание. М., 1994; Бычков В. Символизм // Новая философская энциклопедия. В 4 тт. М., 2001. Т. 3. С.534–537; *его же*. Русская теургическая эстетика. М., 2007. С.489–575; *его же*. Эстетическая аура бытия. Современная эстетика как наука и философия искусства. М., 2010. С.168–176, 373–378; Вдовина Г.В. Язык неочевидного. Учение о знаках в схоластике XVII века. М., 2009; Гоготшивили Л.А. Непрямое говорение. М., 2006; Гордиенко А.Н. Энциклопедия символов. М., 2007; Доброхотов А.Л. Символ // Новая философская энциклопедия. В 4 тт. М., 2001. Т. 3. С.532–534; Ермилова Е.В. Теория и образный мир русского символизма. М., 1989; Ершова Л. Символ // Современная западная философия. Энциклопедический словарь. М., 2009. С.179–180; Иванов В.И. По звездам. Борозды и межи. М., 2007; Кассирер Э. Философия символических форм. В 3 тт. М.; СПб., 2002; Кассу Ж. Энциклопедия символизма. М., 1998; Кондаков И.В., Корж Ю.В. Символизм // Культурология. Энциклопедия. В 2 тт. М., 2007. Т.2. С.458–462; Лосев А.Ф. Диалектика художественной формы. М., 1927; *его же*. Философия имени. М., 1927; *его же*. Символ // Философская энциклопедия. М., 1970. Т. 5; *его же*. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976; *его же*. Знак, символ, миф. М., 1982;

чественных исследований символа достаточно широк: от объяснения символических миров, с которыми мы встречаемся в искусстве и в истории мысли¹, визуальной власти символов, «формирующих визуальную стенограмму для идей»², до трактовок символа как элемента коммуникации и анализа отношения его содержания к искусственному интеллекту³. Особое место среди них занимает рассмотрение метафизического измерения символизма. Анализируя философскую традицию (Сократ, Платон, Декарт, Кант), согласно которой человек создает себя, создающим мысли о чем-то, М.Мамардашвили подчеркивал, что эта традиция как раз и опирается в символизм, в символическую структуру сознания: указанное создание и есть «символ, ибо на деле создавать себя невозможно, можно давать дей-

его же. Философско-поэтический символ Софии у Вл. Соловьева // *Лосев А. Ф. Страсть к диалектике: Литературные размышления философа*. М., 1990; *Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи в 3 тт. Т. 1 «Статьи по семиотике и типологии культуры»*. Таллин, 1992; *Лошаков Р. А. Феномен и символ // «Вестник Русской Христианской Гуманитарной Академии»*. 2005. №6. С.73–84; *Мазаев А.И. Проблема синтеза искусств в эстетике русского символизма*. М., 1992; *Мамардашвили М., Пятигорский А. Символ и сознание (Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке)*. М., 2009; *Полозова И.В. Символ. Символизм // Энциклопедия эпистемологии и философии науки*. М. 2009. С.856–859; *Роднянская И.Б., Долгополов Л.К. Символизм // Литературный энциклопедический словарь*. М., 1987. С.379–380; *Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического*. М., 1988; *Свасьян К.А. Проблема символа в современной философии*. Ереван, 1980; *Символ в системе культуры*. Тарту, 1985; *Символы в культуре*. СПб., 1992; *Сычева С.Г. Проблема символа в философии*. Томск, 2000; *Уайтхед А.Н. Символизм, его смысл и воздействие*. Томск, 1999; *Флоренский П.А. «Иконостас», «Symbolarium»*. Сочинения. В 4 тт. Т. 2. М., 1996; *Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве*. М., 1995; *Шейкин А.Г. Символ // Культурология. Энциклопедия*. В 2 тт. М., 2007. Т. 2. С.457–458; *Эллис. Русский символист: Константин Бальмонт. Валерий Брюсов. Андрей Белый*. Томск, 1996; *Эмблемы и символы*. М., 1995; *Юнг К.Г. Архетип и символ*. М., 1991; *Balakian A. The Fiction of the Poet: From Mallarmé to the Post-Symbolist Mode*. Princeton. N.Y., 1992; *Becker U. Lexikon der Symbole*. Freiburg 1992; *Berndt F., Drügh H. (Hrsg.). Symbol. Grundlagentexte aus Ästhetik, Poetik und Kulturwissenschaft*. Suhrkamp, Frankfurt am Main, 2009; *Blumer H. Symbolic Interactionism*. Englewood. N.Y., 1969; *Bollnow O.F. Die Lebensphilosophie*. B.; Gött., 1958; *Burke K. Language and Symbolic Action*. Berk.: L. Ang., 1966; *Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen*. Bd. 1–3. B., 1923–1929; *Castelli E. Simboli e immagini*. Roma, 1966; *Croy P. Die Zeichen und ihre Sprache. Zeichen, Symbole, Signets*. Frankfurt/Zürich, 1972; *Delevooy R.L. Symbolists and Symbolism*. Gen.; N.Y., 1982; *Holthusen I. Studien zur Ästhetik und Poetik des Russischen Symbolismus*. Gött., 1957; *Hansen-Loeve A.A. Der Russische Symbolismus; System und Entfaltung der poetischen Motive*. Bd. 1. W., 1989; *Houston J.P. French Symbolism and the Modernist Movement*, Baton Rouge, La., 1980; *Danis J. Das Symbolgewand im Zeitenrutsch*. Vorträge. München 2003; *Looft H. Der Symbol-Begriff in der neueren Religionsphilosophie und Theologie*. Köln, 1955; *Lurker M. (Hrsg.). Wörterbuch der Symbolik*. 5. Auflage. Stuttgart, 1991; *Mockel A. Esthétique du symbolisme*. Bruxelles, 1962; *Poepping F. Ursymbole der Menschheit*. Freiburg i. Br., 1972; *Riedel I. Formen. Kreis, Kreuz, Dreieck, Quadrat, Spirale*. Buchreihe Symbole. Stuttgart, 1986; *Sing, Image, Symbol*. N.Y., 1966; *Symbolism. An anthology*. N.Y., 1980; *Todorov Tz. Theories of the symbol*, trad. From the French. Ithaca (N.Y.), 1982; *Voss M. Symbolische Formen. Grundlagen und Elemente einer Soziologie der Katastrophe*, Bielefeld: Transcript 2006; *Wilhelmi Ch. Handbuch der Symbole in der bildenden Kunst des 20. Jahrhunderts*. Safari bei Ullstein, Berlin 1985.

¹ *Cirlot J.E. A Dictionary of Symbols*. New York, 1971.

² *Tresidder J. The Watkins Dictionary of Symbol*. Watkins, 2008. P.10.

³ *Thompson E. Symbol Grounding: A Bridge from Artificial Life to Artificial Intelligence // Brain and Cognition*. 1997, №34. York University, Ontario. P.48–71.

ствовать через себя бессубъективной силе сознания: все равно «я» будет продуктом действия божественной среды усилия (излучающей «естественный свет разума») и синтеза, а не моим собственным»¹. Поэтому никакой анализ современной философской антропологии не может обойти стороной вопрос о символе.

Насколько тесно связан символизм с кардинальными проблемами философии и философствования, свидетельствует один выразительный фрагмент из книги Павла Флоренского «У водоразделов мысли». В нем весьма красноречиво говорится, в какой мере символизм позиционирует себя в полноте его философской сущности. Символ есть для Флоренского синергичность различных реальностей, открывающаяся сокровенной природе человека. Передвигаясь по символическому пространству, мы идем по своим собственным следам. «Вживаясь в символ, мы находим себя самих, а стараясь проникнуть в себя – открываем тут символы»².

Интерпретация символа, взятого в теоретической перспективе, вызвала немало вопросов в истории философии. Важнейшая страница этой истории – символические установки, содержащихся в трансцендентальной философии Иммануила Канта, и подход к метафизическому обоснованию символики, наметившийся в основном в «Философских началах цельного знания» Владимира Соловьева. Логике сопоставления этих явлений и будет посвящена настоящая работа.

Символизм связан со смысловым завершением теории цельного знания Вл.Соловьева. И мотив цельного знания всплывает здесь далеко не случайно – ведь, как показано в современной философии, именно «в символе мы можем исполниться целиком, не пройдя и не собрав все части эмпирически»³. Переноса какие-то значения с одного нашего исполнения себя целиком на другое, символ воплощает интенцию удержания целостности антропологического состояния. Такое удержание отсылает нас к тому, что у Вл.Соловьева фактически выступает в качестве божественного объекта в нас, – к личности, к личностной выраженности и полноте личного бытия. В философии Вл.Соловьева мы сталкиваемся с тем же мыслительным ходом, что будет использован и в философии М.Мамардашвили, у которого, по точному выражению А.В.Ахутина, «персональный корень символа разрешается в универсальное, а персональность вообще отбрасывается в психологическую индивидуальность, ибо что такое, в самом деле, *частица* универсального?! А между тем философский элемент <...> замкнут на *индивидуальное* сознание, всеобщее может мыслиться только *лично*, понимать, как и умирать, могу только я...»⁴. Некая обобщенная идея как идентичность осознается Вл.Соловьевым под видом символического лица, она разворачивается в целый символический ряд: действительная реальность–существо–личность. Такой персонифицирующий поворот мысли задает и образ соловьевской эстетики, которая зарождается в качестве контекстуального спутника метафизики симво-

¹ Мамардашвили М. Под знаком Картезия // Встреча с Декартом. М., 1996. С.408.

² Флоренский П. У водоразделов мысли // Символ. Париж. 1992, июль, №28. С.174.

³ Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии. М., 2010. С.524.

⁴ Ахутин А.В. Поворотные времена. Статьи и наброски. СПб., 2005. С.532–533.

лизма. И так, эстетическая грань теории цельного знания вписана в контекст идей символизма, характерных для европейской идеалистической философии: они берут начало у Платона, находят свое продолжение неоплатоническо-христианской традиции, в средневековом мирозерцании, в философии Беркли и Лейбница и получают свое завершение в немецкой классической философии. Метафизическая конструкция символа, выстраиваемая Вл.Соловьевым, является важнейшей теоретической предпосылкой русского символизма, который оформляется в качестве художественного течения Серебряного века.

Кардинальное значение проблемы символа для эстетики подчеркнул в свое время еще Э.Кассирер, отслеживавший процессы, благодаря которым эстетика как общая наука о выражении оказалась центральным звеном метафизики идеализма: «Язык образует фокус духовного бытия, в котором сходятся лучи самого разного происхождения и из которого расходятся импульсы по всем областям духа. Но из этого следует, что философия языка только в том случае может быть охарактеризована как частный случай эстетики, если эстетика прежде того освобождена от всякой *специфической* связи с художественным выражением, – если, говоря иначе, задача эстетики понимается столь широко, что она расширяется до пределов»¹, равнозначных тому, что Кассирер определяет как универсальную философию символических форм. Проблема выражения важна, конечно, и для эстетики цельного знания, но она не является здесь столь сильной метафорической составляющей, как у Кассирера. Вместе с тем, как и у Кассирера, эстетика у Вл.Соловьева тоже расширяется до метафизических пределов.

Символика приобщает нас к базисным понятиям самой эстетики. Так, анализируя символы, структурирующие поле вечного настоящего, исследователь показывает, что к этому полю применимо понятие гармонии, благодаря особому устройству которых и начинается философия, приводящая человека в движение невозможностью возможной гармонии, все части которой специфически соотносятся друг с другом; гармоническая структура «действует, как бы полагаясь на все остальные части, а остальные части оправдывают это ожидание<...> Мысль сама является гармонией», в которой «конечное должно быть сопряжено с бесконечным и быть способным его носить<...> И есть какая-то замена всей этой непроходимой бесконечности в сопряжении, таком, где какой-то конкретной и конечной материи отводится роль вещества, из которого построен символ»².

Символы, полученные из эстетического опыта, часто замыкаются на религию как тип символизма. В контексте религиозно-мистической традиции символ иногда анализируется и Кантом. Трудно переоценить значение его трактовки мистики, усматривающей в феноменальном мире лишь символы скрытого от нас умопостигаемого мира, для прояснения сути соловьевского символизма. При этом саму мистику вряд ли стоит опреде-

¹ Кассирер Э. Философия символических форм. В 3 тт. М.; СПб., 2002. Т. 1. С.101.

² Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии. М., 2010. С.523–524.

лять в одном-единственном регистре, на что указывал К.Леви-Строссом¹. Тема соотношения символического и мистического важна не только для философии, но и для литературоведения и лингвистики. Анализируя процесс формирования художественного течения символизма в романтическом сознании Нового времени, В.М.Жирмунский подчеркивал, что «исторически между романтизмом и символизмом не существует перерыва мистической традиции; только здесь более и сознательно было понято и сказано то, что там казалось мечтой и странным, может быть, не воплотившимся чаянием»². У истоков того, что В.М.Жирмунский называет мистическим преданием русского символизма как раз и стояла эстетика и поэзия Вл.Соловьева, его религиозная философия. В ней в принципе невозможно обойтись без символизма – ведь Бог как завершённое бесконечное не может быть и не будет постигнут разумом: «Ни Бог не может проникнуть в человека путем откровения, ни человек не может постичь Бога путем мистического восприятия. Завершённое бесконечное мы можем только выражать в символах»³. Символика, которую использует Вл.Соловьев – это символика воплощающегося Бога. Вообще тема соотношения философии всеединства и теории символа достаточна сложна. Как отмечает В.В.Бычков, «остроумно высмеяв первые опыты русских символистов за их претенциозность, Соловьев, по существу, конечно же был духовным отцом эстетики символизма, окончательно сложившейся уже в первое десятилетие XX века, то есть после смерти Вл.Соловьева, и особенно в теоретических работах Андрея Белого и Вяч.Иванова. Главные теоретики русского символизма фактически развили и довели до логического завершения соловьевское понимание искусства как выразителя духовных сущностей бытия, вечных идей и т.п. и интерпретировали на свой лад его идею «свободной теургии»⁴. Оставляя в стороне вопрос о ростках соло-

¹ Как говорил французский антрополог, «возможно, что в известной доле мистического нуждается каждый из нас, и мы можем ее найти в областях куда более разнообразных, чем те, что представлены институтами больших мировых религий» (Беседа с Клодом Леви-Строссом Константина фон Барлевена и Галлы Наумовой // «Вопросы философии». 2009, №5. С.79). К соловьевскому пониманию мистики ближе всего стоит та мамардашвилиевская интерпретация мистического переживания, которое пользуется потенциалом бесконечности, заключенным в символе: «<...>ощущение некоей еще только делаемой жизни, но которое переживается как полное присутствие, есть мистическое ощущение. Иначе мы не можем его назвать. Ибо оно реально переживается в мышлении. Когда человек говорит, что если поймут то, что я понимаю, когда действительно думаю, и не могу думать иначе, чем думаю, то там, где понимают, есть и я <...> Другими словами, мистическое переживание пользуется потенциалом бесконечности, заключенным в символах, поскольку в этом случае то человеческое «Я», о котором я говорю, есть тоже символическое образование и это «Я» находится везде, где будут это думать. Поэтому «Я» сейчас здесь и одновременно на Сириусе. И поэтому же на этой базе возможна мистическая экзальтация, которая выражается известными вам признаками и которая, естественно, не совпадает по своим исходным точкам. А исходная ее точка – живое ощущение некоей не прожитой, еще не сделанной жизни, но сейчас проживаемой. Жизни в связи всего живого. Потому что в фундаментальном смысле слова акт жизни мой здесь, акт живой мысли» (Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. М., 2000. С.116).

² Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1996. С.198–199.

³ Мамардашвили М. Стрела познания. набросок естественноисторической гносеологии. М., 1996. С.43.

⁴ Бычков В.В. Русская теургическая эстетика. М., 2007. С.78.

вьевского символизма, укорененных в мировой поэтической традиции, сосредоточимся на осуществленном им переосмыслении понятия символа, выработанного в философии, на исследовании метафизических предпосылок, которые сделали возможными соловьевские выводы относительно символизма, использование эстетически-символических ресурсов его системы.

Надо сказать, что именно во второй половине XIX века в европейской культуре обостряется интерес к метафизическому обоснованию символизма. Ощутить остроту противостояния метафизических систем, в рамках которых разрабатывались символические представления, позволяет сопоставление позиций Вл. Соловьева и Фр. Ницше. Заочный спор между ними идет по поводу того, что является основным символом метафизической системы. Для русского философа таковым символом является Бог, немецкий же философ подвергает резкой критике такую установку.

Восторгаясь произвольностью символа, вводя темы символического подобия, символической интерпретации, символического откровения, символа формы культуры, музыки как символического языка аффектов, Ницше пытается понять, какой урок преподносит нам сам символ. Он внутренне связан с предметностью сознания, так что даже создается впечатление, «будто сами вещи приходят и предлагают себя в символы»¹. Особое место в творчестве Ницше занимает осмысление проблематики художественной символики: анализируя отношение между поэзией и музыкой, словом и звуком, он стремится показать, как, например, античная лирическая поэзия инстинктивно выражает музыку в аполлонических символах, хотя саму «мировую символику музыки неким образом не передашь <...> на исчерпывающий лад в слове, ибо она связана с исконным противоречием и исконной скорбью в сердце Первоединого и тем самым символизирует сферу, стоящую выше всех явлений и предшествующую всякому явлению. По сопоставлению с нею скорее всякое явление представляется только подобием, поэтому язык, как орган и символ явлений, нигде и никогда не может обнажить перед нами внутреннюю сторону музыки, но при всех попытках подражать музыке всегда соприкасается с нею лишь внешним образом; сокровеннейший же ее смысл, несмотря на все лирическое красноречие, нисколько не становится нам ближе»².

Символ как таковой появляется на определенном этапе интеллектуального развития человека: в глубокой древности человеческие понятия не были нагружены символическим смыслом, и только в античную и христианскую эпоху происходит открытие символизма. Остановимся здесь на той трактовке христианской символики, которую дает Ницше. Представляя христианство как нигилистическое мирозерцание и движение, которое «пользуется символом, изображающим проклятие полнокровным и владычествующим...»³, философ считает, что оно дало заниженную трактовку символизма, поскольку изначально «перетолковало все символическое в *грубореалистическом смысле*»⁴. С другой стороны, в христианс-

¹ Ницше Ф. Сочинения. В 2 тт. М., 1990. Т. 2. С.747.

² Там же. М., 1990. Т. 1 С.78–79.

³ Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 тт. М., 2006. Т. 13. С.248.

⁴ Там же. С.108.

кую эпоху расцветает вербальный символизм: в церковной интерпретации «каждое слово – символ; реальности, в сущности, больше нет. Существует величайшая опасность упустить из виду, что это символы. Почти все церковные понятия и оценки вводят в заблуждение: вообще едва ли возможно более основательно не понять Новый Завет, чем это сделано церковью»¹. Полную противоположность христианскому символизму Ницше находит в дионисической символической, в которой достигнут самый крайний предел утверждения человека, придается религиозный смысл глубочайшему инстинкту жизни.

Созданное Ницше учение о переоценке всех ценностей, на которых построена европейская культура, в сущности, представляет собой не что иное, как учение о пересмотре ее ключевых символов – прежде всего символа абсолюта. Рассуждая о символе смерти Бога, философ пишет, что он есть искажение всех отношений жизни, которые доступны мышлению. «Злым и враждебным человеку называю я все это учение о едином, полном, неподвижном, сытом и непреходящем!

Все непреходящее есть только символ<...> Но о времени и становлении должны говорить лучшие символы: хвалой должны они быть и оправданием всего, что преходит!»². Для Ницше главное в любой вещи – ее символический смысл, который связан не с познавательной, а с мыслительной активностью; символы что-то открывают, но одновременно и скрывают от нас, как бы подмигивая нам. Критикуя евангельский всемирно-исторический цинизм в поругании символа, Ницше прежде всего указывает на его истоки: «Символизм христианства покоится на *иудейском* символизме, который успел уже *всю реальность* (историю, природу) растворить в своего рода священной неестественности и нереальности»³. Символизм иудейской культуры не заинтересован в прочтении страниц действительной истории.

Разоблачая структуры христианского лжепонимания, которое замещает психологический символ феноменом чуда, Ницше пишет: «Понятие «Сын Человеческий» не есть конкретная личность, принадлежащая истории, что-нибудь единичное, единственное, но «вечная» действительность, психологический символ, освобожденный от понятия времени. То же самое, но в еще более высоком смысле можно сказать и о *Боге* этого типичного символиста, о «Царстве Божьем», о «Царстве Небесном», о «Сыновности Бога». Ничего нет более не христианского, как *церковные грубые понятия* о Боге как *личности*<...> А между тем очевидно, как на ладони, что затрагивается символами «Отец» и «Сын», – допускаю, что не на каждой ладони: словом «Сын» выражается вступление в чувство общего просветления (блаженство); словом «Отец» – *само это чувство*, чувство вечности, чувство совершенства. – Мне стыдно вспоминать, что сделала церковь из этого символизма»⁴. Вл.Соловьев тоже будет подвергать достаточно острой критике церковную традицию, но его символизм, в отли-

¹ Там же. С.121.

² Ницше Ф. Сочинения. В 2 тт. М., 1990. Т. 2. С.61.

³ Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 тт. М., 2006. Т. 13. С.147.

⁴ Ницше Ф. Сочинения. В 2 тт. М., 1990. Т. 2. С.659–660.

чие от символизма Ницше, будет, напротив, ориентирован именно на символическое выражение христианских идей, на новое обоснование возможности универсального синтеза науки, философии и религии. Если же иметь в виду метафизический аспект, то соловьевский символизм ближе к тому типу символизма, который обосновывается в трансцендентальной философии И.Канта, хотя и между ними можно обнаружить значительные различия.

В истории философии понятие символа зарождается в ситуации метафизического отчаяния, в которое впадает мышление при каждой новой попытке выявить основания для адекватного постижения трансцендентного – уже символика эйдетического схватывания онтологических форм у Платона отсылает к умопостигаемым прообразам чувственно воспринимаемой реальности. Впоследствии И.Кант также будет искать средство восхождения в ряду чувственных условий к абсолютно безусловному или высшему совершенству в субстанции, к неизмеримому и покрытому для нас сплошным мраком пространству сверхчувственного, к которому разум может переходить только практически, чтобы уподобить поведение человека на земле его поведению на небе. Сверхчувственное в принципе непознаваемо и имеется только в идее. В отличие от Платона в системе критицизма таким прообразом, бесконечное приближение к которому есть единственное, что подобает разумным существам, должна служить святость воли. Именно с указанным восхождением связано не только постижение природы символизма, но и философское обсуждение вопроса о смысле аналогии, в которой, что важно для темы нашего исследования, далеко идущие эстетические импликации сказываются в полной мере – ведь «в любой аналогии есть какой-то остаток волшебства тождественности и нетождественности»¹. Канта интересуют прежде всего философские и этические аспекты феномена сходства между различными явлениями религиозного сознания².

Поскольку со сверхчувственным соотношены все способности души, то без обращения к этому понятию невозможно прояснить горизонт эстетических идей. Кант рассматривает в качестве основания суждения вкуса именно непознаваемое сверхчувственное в нас и вне нас, отношение к которому способность суждения черпает из самой себя: опознаваемая идентичность эстетических конструктов есть нечто, что интегрируется в мозаику, составленную из символов и аналогий с сознанием морального состояния души. Если принять во внимание эти положения, то становится вполне понятно, почему «восхищенное удивление пред красотой, и умиление пред многообразными целями природы, которые в состоянии чувствовать размышляющая душа еще до ясного представления о разумном творце

¹ Музиль Р. Человек без свойств. М., 1984. Кн. 2. С.258.

² Рассматривая вопрос о переходе метафизики к понятию сверхчувственного в эпоху после Лейбница и Вольфа, Кант пишет: «Первая ступень перехода метафизики к сверхчувственному, которое, будучи высшим условием для всего обусловленного, лежит в основе природы и которое, следовательно, полагают в основу теории, состоит в переходе к теологии, т.е. к познанию Бога, хотя только по аналогии понятия о нем с понятием о разумном существе как первооснове всех вещей, существенно отличающейся от мира» (см. Кант И. Собрание сочинений. В 8 тт. М., 1994. Т. 7. С.434–435). Такая теология мыслится Кантом не в образе той теософии, о которой будет говорить Вл.Соловьев, а в образе познания непостижимого определяющего основания человеческой воли, которое мы допускаем в высшем существе.

мира, заключает в себе нечто сходное с *религиозным* чувством»¹, предмет которого – сверхчувственное в нас – есть то умопостигаемое, которое выявляется только понятием свободы. Итак, неопределенная идея сверхчувственного, содержащая основание целесообразности, единственно и может открыть доступ к тайне эстетической способности суждения. На него взирает наша способность судить о красоте и именно в представлении о нем теоретическая способность неким непостижимым для нас способом соединяется с практической способностью: «<...> с этим умопостигаемым и согласуются даже наши высшие способности познания, и без него между их природой и теми притязаниями, которые имеет вкус, возникали бы сплошные противоречия»². Но само эстетическое присутствие в мире предполагает некую символическую реальность – ведь прекрасное есть, по Канту, не что иное, как символ добра, его аналог, а искусство, прежде всего поэзия, вообще позволяет душе пользоваться природой ради сверхчувственного и символизировать его.

Кантовский символизм есть яркая демонстрация того, что эстетический критерий лежит внутри самого парадоксального опыта философствования. Символическая интенция мышления создает условия для того, чтобы мы могли как по камертону настраивать в самих себе какие-то инструменты творчества, чтобы могла проявиться «страсть к расширению [познания], воодушевленная [...] доказательством могущества разума» (А 4-5), чтобы осуществились исследования его, куда более возвышенные, чем все, что рассудок может позаимствовать из опыта. Аналитика символа позволяет прочесть «Критику чистого разума» по-новому – прочесть эстетически, рассмотреть познание как выполняемую процедуру творчества. Она вводит в кантовский трансцендентализм новый терминологический регион. Немецкий исследователь подчеркивает, что связь

¹ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. В 4 тт. Т. 4. М., 2001. С.825 сн. Насколько различны представления И.Канта и Вл.Соловьева о сверхчувственных образах, прежде всего кантовское представление о завуалированной богине и соловьевское представление о Софии, можно судить по одному из фрагментов статьи Канта «О вельможном тоне, недавно возникшем в философии», который важен и для понимания кантовской трактовки аналогии. «Завуалированной богиней, перед которой каждый из нас преклоняет свои колени, является моральный закон в нас во всей его неприкосновенности и величии. Правда, мы слышим ее голос (как слышит голос Софии Вл.Соловьев – *Авт.*) и даже хорошо понимаем ее заповеди, но сомневаемся, ведет ли она свое начало от человека, от всемогущества его разума, или она говорит от имени другого лица, сущность которого человеку неизвестна, но которое обращается к нему с помощью его же собственного разума. Быть может, было бы лучше вовсе отказаться от исследования данного вопроса, ибо это вопрос спекулятивный, но то, что мы обязаны сделать (объективно), остается всегда одним и тем же, какой бы принцип ни был положен в основание, – чтобы в качестве собственно философского способа рассматривался единственно дидактический способ придания моральному закону в нас формы ясных понятий, как того требуют законы логики, а способ персонификации этого самого закона и превращение морально повелевающего разума в богиню Изиду (хотя мы не можем приписать ей никаких других свойств, кроме тех, что найдены с помощью этого способа) будет всего лишь *эстетическим* способом представления того же самого предмета, но которым можно пользоваться лишь после того, как с помощью первого будут выяснены принципы, с тем чтобы затем благодаря чувственным, основанным только на аналогии представлениям оживить эти самые идеи; с некоторой все же опасностью впасть в мистические грезы, что является смертью всякой философии» (см. Кант И. Собрание сочинений. В 8 тт. М., 1994. Т. 8. С.243–244).

² Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. В 4 тт. М., 2001. Т. 4. С.517.

между эстетикой Баумгартена и критическим анализом способности суждения у Канта как двумя конкурирующими философиями искусства проявляется именно на территории переопределения понимания символа¹. Кант выступает против смешения символического и интеллектуального, подчеркивая важность их различения, что составляет задачу просвещения. Переход к неявному типу эстетических определений, выраженному в символизме, дает возможность немецкому философу увидеть мир в новой концептуальной оптике с ее разрешающим созерцанием. Более того, в философии Канта достигается своеобразный синтез символического и трансцендентального. Его учение о символе неразрывно связано с религиозной идеей творца мира под моральными законами. Как отмечал В.Виндельбанд, Кант, считавший религиозную жизнь необходимым результатом деятельности практического разума, понимал, «что христианство, как высочайший продукт развития религиозной жизни, в своем истинном содержании обрело истинный зародыш этой жизни и в своих догматах символически изложило идеи возникающей из самого разума веры. В этом смысле Кант, как и Лессинг, говоря относительно, очень близок к той умозрительной теологии, которую старалась развить мистика средних веков и эпохи Реформации, с тем лишь различием, что в качестве всеобщего и необходимого содержания положительных теологических формул он всегда стремился признать не теоретическое познание, а лишь потребности нравственной веры. Поэтому рационалистов разочаровала близость его философии религии к положительному христианству. Между тем как сами они отвергали именно таинства христианства, Кант видел в них символическое выражение потребностей нравственного разума»². Но кантовская концепция символа относится не только к религии и нравственности, но и, как мы уже убедились, к познанию и к искусству. Когда Кант говорит о символах, то, в сущности, речь идет о неких эпифаниях сознания, которые при их трансцендентальном изображении предстают как выступающие, являющиеся структуры, доступные дифференциации, индивидуализации, как зримые мышлением паттерны. Символический опыт, с точки зрения философа, – это тот, который мы получаем опосредовано, а не тот, который мы получаем напрямую.

В своем движении к понятию символа Кант отталкивается прежде всего от понятий, которые репрезентируют вещи и являются семиотическими единицами – формальными знаками как элементами пространства фигурации, знаковыми структурами изображения мира. И в современных концепциях выявляется тесное переплетение символа и знака. С.Аверинцев подчеркивал, что «символ есть образ, взятый в аспекте своей знаковости, и что он есть знак, наделенный всей органичностью и неисчерпаемой многозначностью образа»³, указывая при этом на феномен трансцендирова-

¹ См. *Bahr P.* Darstellung des Undarstellbaren. Religionstheoretische Studien zum Darstellungsbegriff bei A.G.Baumgarten und I.Kant // <http://www.mohr.de/en/nc/theology/series/detail//buch/darstellung-des-undarstellbaren.html>

² *Виндельбанд В.* История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. В 2 тт. М., 2007. Т. 2. С.144.

³ *Аверинцев С.С.* Символ // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С.378.

ния образа символом, слитности образа и смысла в самом символе, в структуре которого образ становится прозрачным, а смысл набирает глубину.

Кант вписывает концепцию знака в контекст философского дискурса, философского обоснования логики и языка опыта, по отношению к формирующимся связям которых знаковость выступает как нечто дополнительное и внешнее. Но, с другой стороны, нет, как говорится, и самого логического облака вне вещественного тела символа. Проблема свойств знака и связи между знаками с новой силой заявила о себе в XX веке на неопозитивистской площадке, где исследуются протокольные предложения, входящие в грамматику эмпирического языка с ее транскрипционными знаками, графикой и орфографией. Этот формальный язык науки перерастает в систему символов, операции с которыми имеют чисто теоретический характер, хотя в современной ситуации эти процедуры соотносятся уже с чисто философской интерпретацией, которая развертывает свою пронизательность до уровня трактовки символического как философского знака, как «универсального модуса бытия в знаке»¹. Для Канта же символ – феномен аналогии, выраженной знаменитым *als ob*, который нельзя дешифровать простым усилием рассудка, а знак – это прежде всего своего рода страж дискурсивного познания. При этом философ переводит какие-то внутренние состояния научного знания в знаки эпистемологических задач. Он обращается к проблеме референта, к которому отсылают разветвленные знаковые структуры – как изобразительные, иконические, так и вербальные, к проблеме метки формального объекта, появляющегося в интеллектуальном познании. Философа интересует прежде всего, как вспыхивают референтные знаки на горизонте отношения между природой и культурой, как из этого промежуточного пространства сами знаки черпают свой репертуар. Некоторые из этих знаков доступны пониманию, расшифровка других – выше человеческих способностей. Кстати, многие отношения сознания так и останутся неразрешимыми, «пока мы не разберемся с проблемой *существования* знака (избегая неминуемого постулата предустановленной гармонии)»².

Понятие символа Кант анализирует через сопоставление со смежными понятиями образа и знака. Язык символов отличается от нейтральности, пассивности знаков и процедур сигнификации, от формализмов логического мышления. Здесь важно подчеркнуть, что за самой сигнификацией всегда располагается регион знания, в том числе и априорного знания.

К метафизическому априоризму ближе всего стоят базисные структуры математического знания. Именно Кант осуществляет прививку метафизических подходов к древу математического познания. К тому же, что важно для нас, уже в докритический период он увязывает вопрос о символе с прояснением различия между метафизикой и математикой. В истории мысли это различие нередко становилось предметом рефлексии. Знак ударения в разработке этой темы можно ставить и на впечатляющих теоретических открытиях, и на спорных моментах, и на явных ошибках тех, кто рефлексировал по поводу этого различия. Например, Э. Гуссерль при-

¹ Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1988. С.6.

² Мамардашвили М.К. Под знаком Картезия // Встреча с Декартом. М., 1996. С.398–399.

нял эксплицированное Декартом на языке аппарата *cogito* независимое описание физического образа мира за подчинение философии идее математической достоверности¹. В истории культуры возникает система знаков, которыми оперируют математики, с помощью этих знаков они, собственно, и опознают друг друга. Когда мы развертываем математическое знание в его знаковых элементах, то мы тем самым ставим на место вещей знаки с особыми обозначениями и одновременно осуществляем расшифровку значения символического вывода в ходе математического доказательства. Такой расшифровке обычно предшествуют обсуждения проблемы установления соответствия между актами сознания и элементами символизирующих и символизируемых предметов, хотя такая установка упирается в феномен дурной бесконечности. Герман Вейль как раз и говорил в этой связи, что мышление проникает в математическую действительность не через сознательно устанавливаемое сближение каждого элемента математической картины с соответствующим элементом действительности, а посредством символических конструкций как свободного творения человека. Как подчеркивал М.Мамардашвили, эти конструкции содержат в себе больше, чем каждый в отдельности взятый элемент математической картины, вследствие чего «потенции таких символов бесконечны, и поэтому число в математике может считаться метафорой сознания. В каком смысле? А в том, что в овеществленном виде сознание содержит некую информацию о самом себе, которую оно помогает развернуть в последовательность, поскольку это бесконечно. Только эффект бесконечности закреплен уже в самой метафоре, соединяющей непройденные части целого и в единстве своем непредставимые. А метафора, как соединение несвязного, разнородного, связывает их, и в результате на уровне соотношения уже привлеченных связей наших категорий мы что-то знаем. Но, двигаясь по этим нашим связям, мы не можем найти новые. В символах же, если мы можем их внести в действительность, содержатся ресурсы того, что в нашем мышлении могут возникать сцепления нового. Поле, в котором это происходит, и есть поле усиления мысли. Это именно усилие, поскольку естественным образом мысль сама по себе не пребывает во времени, а рассеивается»². И в этом смысле проблему соотношения философии и математики можно переформулировать как проблему грамотного прочтения термина со-знание, как проблему соотношения между сознанием, которое одновременно есть незнание, и знанием. И по мере такой переформулировки мы как раз и приближаемся к точке, откуда уже виден свет от маяка символа.

Впоследствии в «Критике чистого разума» Кант вернется к теме соотношения философии и математики при рассмотрении догматического употребления дисциплины чистого разума, блестящий образец которого как раз и дает эта наука, с которой однородна философия. Здесь философ подчеркивает важное значение специфического символизма в процессе конструирования понятий. Выявляя роль идей Канта в обосновании математического знания, Е.Д.Смирнова показывает, в какой мере его концепция применения символизма для изображения в созерцании мыслен-

¹ См. Мамардашвили М. Под знаком Картезия // Встреча с Декартом. М., 1996. С.414.

² Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. М., 2000. С.115.

ных конструирований получила свое развитие в формализме Д.Гильберта, предвосхитившего многие установки структурализма и весь идейный корпус машинной математики: «В трактовке *действительных предложений* математики существенную роль играет использование символических конструкций, чтобы наглядно *in concreto*, в единичном созерцании представить общее. Фактически именно обращение к идее схематизма чистого созерцания позволяет Гильберту по-новому, в отличие от традиционной дилеммы эмпиризма и рационализма, обосновать аподиктический характер математического знания»¹.

Охватить многоплановый материал – от тематики мысленного конструирования до обоснования аподиктического характера математического знания – можно лишь в том случае, если держать в уме картину различий между философией и математикой. В «Критике чистого разума» философское познание предстает как познание разума посредством понятий, в отличие от которого математическое познание представляет собой интуитивное применение разума посредством конструирования понятий с помощью символов. В математике «мы можем облегчить усилие нашего мышления удержанием самой символической формы записи – знаковой, языковой, – соединяя ее по определенным правилам с другими знаковыми формами. Философия же не дает такой возможности – хотя бы потому, как выражается Кант, что философия под знаки никогда не может подставить предмет *in concreto*, то есть наглядный, независимо от операции рассудка выделенный и данный предмет. В философии приходится на каждом шагу рассуждения держать в голове и тянуть за собой все нити, не имея возможности передоверять что-то той памяти, которую несут символы, знаковый записи. Ограниченность, неизбежность для нее держания всего очень беспокоит Канта. Философия действительно похожа на некоторый странный язык, лишенный его свойств, потому что в языке мы можем держать прошлое фиксирующим его знаком и не распаковывать знак на каждом шагу, а философия должна распаковывать каждый шаг и все время держать все вместе»².

Математическое искусство заключается в априорном представлении соответствующих понятиям созерцаний, в которых оно рассматривает эти понятие *in concreto*. Если философское познание рассматривает особенное во всеобщем, а само всеобщее – всегда *in abstracto*, то математическое, наоборот, – всеобщее в особенном и единичном, которое может быть определено лишь при всеобщих условиях конструирования понятия, то есть его априорного представления в созерцании. Кант обращается к проблеме знаковых формализмов и символических структур, описывая способ, каким математика не только избирает определенные обозначения для всех конструирований величин как таковых, полностью абстрагируясь от свойств предмета, который должно мыслить согласно таким понятиям величин, но и изображает в созерцании соответственно общим правилам все операции, производящие и изменяющие величину: так, если одна ве-

¹ Смирнова Е.Д. И.Кант и вопросы обоснования аподиктического знания // Иммануил Кант: наследие и проект. М., 2007. С.448.

² Мамардашвили М. Кантианские вариации. М., 1997. С.83–84.

личина должна быть разделена другой, то математика «соединяет их знаки по обозначающей форме деления и т.п. и таким образом с помощью символической конструкции <...> достигает того, чего дискурсивное познание посредством одних лишь понятий никогда не может достигнуть» (В 745). Так как математика выводит свои познания из конструирования понятий, то только в ней имеются демонстрации. «Даже действия алгебры с уравнениями, из которых она посредством редукции получает истину вместе с доказательством, представляют собой если не геометрическое, то все же конструирование с помощью символов, в котором понятия <...> выражены в созерцании знаками, и, таким образом, не говоря уже об эвристическом [значении этого метода], все выводы гарантированы от ошибок тем, что каждый из них показан наглядно» (В 762). Математическое искусство построения символической конструкции, правильных систем символов имеет значение и для некоторых разделов философии, например, для эстетики. Но здесь традиция такого искусства пока не продемонстрировала свою перспективность. Как покажет Гегель, в определенные периоды художественного развития, например, в эпоху прекраснейшего расцвета готического зодчества создатели соборов стремились найти в числовых соотношениях глубокий мистический смысл: «Числовым символам придавалось большое значение, так как смутное предчувствие разумного легко склоняется к таким внешним аналогиям. Однако художественные произведения архитектуры не приобретают посредством такой всегда более или менее произвольной игры во второстепенную символику ни более глубокого значения, ни более высокой красоты, так как их собственный смысл и дух всегда выражаются в совершенно иных формах и образованиях, чем в мистическом значении числовых различий»¹. Гегель предупреждает об опасности, подстерегающей всякого, кто пытается в поисках таких значений зайти слишком далеко.

Как же соотносятся философское знание и знаково-символические структуры. Как уже отмечалось, философия, согласно Канту, под знаки никогда не может подставить предмет *in concreto*. Тем не менее в том, что называют философским распаковыванием каждого мыслительного шага проявляются зримые черты символизма как грани философской креативности, ориентированной у Канта на перемену в способе мышления, на отыскание субъектом формального принципа систематического конструирования самого себя в качестве объекта познания, в процессе которого он становится творцом своего собственного существования, познающим себя и мир в таких внутренних определениях как рассудок и разум, являющиеся «способностью субъекта, при помощи которой он в состоянии представлять себе то, что по своей природе недоступно чувственности»². Обе эти способности наряду со способностью суждения составляют высшие познавательные способности. Так, разум делает «единство всех возможных эмпирических действий рассудка систематическим, подобно тому как рассудок связывает посредством понятий многообразное, [имеющееся] в явлениях, и подводит его под эмпирические законы» (В 692-693). В процессе

¹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике. В 2 тт. СПб., 2001. Т. 2. С.73.

² Кант И. Сочинения. В 6 тт. М., 1963–1966. Т. 2. С.390.

трансцендентального картирования рассудка и разума, Кант как раз и входит в сферу символизма сознания. Еще в ранний период своего творчества он включает тематику символизма в анализ природы рассудочного познания, в описание знаковой оболочки знания. В структуры такого описания упиралось уже средневековое мышление, в котором «все ситуации сконструированы так, что являются знаковыми (и, следовательно, *реальные* связи осуществляются поверх пространства и времени, причинной связи и т.п., а чувственные их проявления, т.е. тела знаков, представляют собой «космическое чудо»). В этом смысле средневековье есть культура в чистом виде, разгул знакового формализма»¹. Настойчивое стремление схоластики пробиться каким-то образом к силовым линиям, по которым запущены механизмы составления знаковой карты знания, не может не вызывать восхищение. В схоластической лингвосемиотике XVII века, как показала Г.В.Вдовина², вводится тема интеллектуальных знаков, к которым иногда причисляют промежуточные «напечатленные формы», тема отграничения формальных понятий от чувственного восприятия, здесь одновременно смещаются многие ключевые понятия – от бытия вещей «самих по себе» теперь переходят к вещам как формальным объектам нашего интеллекта.

Рассматривая метафизику как систему принципов применения чистого рассудка, Кант обсуждает вопрос о способе его данности, его отличии от чувственного познания: человеку дано не созерцание рассудочной, дискурсивной деятельности как способности схватывания всеобщего, а лишь познание ее символов. В этом смысле символ есть сопровождающая структура рассудочного познания. В *Opus postumum* доминирует представление об амбивалентности символа, его знаковой природе. Сами символы здесь прежде всего как бы означиваются, выступая в качестве знакоподобных образований. Еще Лейбниц усматривал достоинство знака в том, что с его помощью можно обнаружить логические взаимосвязи, он незаменим при построении универсального исчисления, предполагающего такие операции, при которых из связи знаков можно установить истинность предположений, построенных из соответствующих терминов. Определенное значение проблеме знака, знаковой конвенции знания придается и в философии цельного знания Вл.Соловьева, прежде всего в связи с анализом процесса абстрагирования: как подчеркивает русский философ, «отвлеченные понятия необходимы для философии, как и для всякого познания, но только как средства, как сокращенные значки, как схемы опыта – они относятся к нему, как планы и карты к действительным местностям и странам»[I II, 237]*, тем не менее эти карты крайне важны, поскольку позволяют придать смысл и понимание наблюдаемым эмпирическим явле-

¹ Мамардашвили М.К. Под знаком Картезия // Встреча с Декартом. М., 1996. С.415–416.

² См. Вдовина Г.В. Язык неочевидного. Учение о знаках в схоластике XVII века. М., 2009.

* Здесь и далее в квадратных скобках цитируются произведения Вл.Соловьева по изданиям:

I. Соловьев В.С. Полное собрание сочинений и писем. В 20 тт. Т. 1–2. М., 2000.

II. Соловьев Вл. Кант // Кант: Рецепция идей немецкого философа и их влияние на развитие русской философской традиции. Антология. СПб., 2005.

Первая римская цифра означает номер издания, вторая через пробел – номер тома, третья арабская цифра после запятой – номер страницы.

ниям. Эти внешние контуры пространственных фигур, связанные с деятельностью познания, значимы и с эстетической точки зрения, так как очерчивают понимание того, как возможен образ как таковой, располагающийся не только в эпистемологическом, но и в художественном регистре.

Знаковые системы не только картируют реальность, не только символически резюмируют знание, но и открывают, как подчеркивал Э.Кассирер, новые пути в неведомое, в то, что знанию еще недоступно. Формальные локусы применения знака открывают возможность для свободной актуализации того, что заключает в себе целое и что как бы находится в постоянном переходе к нему. «Одним знаком мы и в самом деле схватываем тысячу связей, резонирующих в нем с большей или меньшей силой и отчетливостью. Создавая знаки, сознание все больше освобождается от непосредственного *субстрата* ощущения и чувственного восприятия, однако именно оно убедительно доказывает изначально скрытую в нем способность связывать и соединять»¹.

В процессе познавательной деятельности для каждого термина подбирается соответствующий знак; уточняя характеристику этой сопровождающей структуры, Кант одновременно эксплицирует переход от знака к символу. Это не значит, что знаки и символы помещаются им в одной плоскости. Общий взгляд на проблематику символа можно увязать с диспозитивами источников познания, осуществляя переход от одного жесткого сегмента (чувственности, обладающей среди прочих и способностью отображения (*facultate characteristica*) – этого произведения образа другой вещи, ее репрезентации) к отличному от него сегменту (спонтанности рассудка). Анализируя эти диспозитивы, Кант удерживает всю категориальную триаду: образ–изображение–знак, четко фиксируя границы этих представлений, и поэтому символы выступают у него, во-первых, как образы, составляющие инструментарий наших представлений через понятия, во-вторых, как изображения, гипотипозы (прежде всего изображения предметов возможного опыта), дающие диаграмму чувственного воплощения, и, в-третьих, как то, что располагается за поверхностью знака. С чисто теоретической точки зрения, если брать уже современный уровень исследований, в аналитике указанной триады существенно то, что сам «образ, в отличие от изображения, не сводится к набору визуальных знаков. Если угодно, образ – это *другое* самого изображения. Образ – условие его проявления при определенных обстоятельствах. Под проявлением мы имеем в виду двойную процедуру: с одной стороны, образ позволяет состояться фигуре, а с другой, – сама фигура появляется тогда, когда в ней узнает себя некая общность. Фигура в этом случае имеет неустойчивый контур – она продолжает колебаться между видимым и невидимым»², напряжение между которыми как раз и доводится ассимилировать символу. Вводя понятие символа как представления отношения действия к его причине, как средства репродукции через ассоциацию, Кант вписывает собственную симвонологию в контекст христианской философии, в которой символические

¹ Кассирер Э. Философия символических форм. В 3 тт. М.; СПб., 2002. Т. 1. С.42–43.

² Петровская Е. Образ и визуальное // «Синий диван». Философско-теоретический журнал. Вып. 14. М., 2010. С.136–137.

представления помечены печатью аналогии между творцом и тварью, отчетливо выраженной в теории «анalogии сущего» у Фомы Аквинского.

С точки зрения Канта, символически мы можем выстраивать как корпус познания в целом, так и в частности – корпус познания Бога. Сами символические представления характеризуются им прежде всего через религиозный аналог значения чего-то иного, через аналогю, которая уже в античной философии трактовалась как подобие, сходство и равенство отношений, как перенос свойств одного объекта на другой. Расширим немножко эту трактовку, чтобы понять саму аналогю. Аналогия вторгается в самую сердцевину эпистемологии, поскольку имеет непосредственное отношение к вопросу об обосновании знания и истине, то есть к вопросу о выявлении сходства полученных знаний с реальным объектом, с тем, что есть на самом деле. И хотя теория сходства имеет определенные эпистемологические ограничения, тем не менее в исследованиях по логике и методологии науки признается эвристическое значение аналогий. Проницательное мышление всегда способно найти отношение рассудочной аналогии, которая есть нечто внутреннее, подобное человеческой способности самоопределения на основе представления, на основе того, что обозначено символами. Определенные явления могут быть обозначены символами, полученными из религиозного опыта: так, состояние мысли может иметь своим источником понимание смерти Христа. Комментируя известную фразу Паскаля о том, агония Христа будет длиться до конца мира, и в это время нельзя спать, М. Мамардашвили подчеркивал: «Если я буду считать, что Христос действительно распят на кресте и этот акт закончился, свершился в необратимом прошлом, то для меня Христос неминуемо будет выступать как идол – вопреки смыслу этого символа. Ибо символ описывает не эмпирические события, а суть, условия рождения в нас состояний мысли. Причем они даже не зависят от того, действительно ли существовала такая историческая личность, которую звали Христос»¹. Текстура символических представлений дает нам очень сложное переплетение идей.

Символизм – одно из самых древних человеческих постижений, которое является корнем всех великих философий и религий. Таким корнем является символическое изображение мира в мифологии: «К примеру, – пишет Кант, – солнце у древних народов было символом, представлением божественного совершенства, так как оно, присутствуя повсюду в огромном мироздании, многое отдает (свет и тепло), ничего не получая»². В дальнейшем у Канта эти представления будут мыслиться как эмпирически неразрешимые представления.

Символическая структура познания есть структура рассудочного познания, осуществляющегося с помощью понятий, не являющихся буквальными и не имеющих прямого предмета, это символическое косвенное выра-

¹ Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. М., 2000. С.210.

² Кант И. Из рукописного наследия (материалы к «Критике чистого разума», Opus postumum). М., 2000. С.146. Впоследствии в «Критике способности суждения» само изображение или гипотипозу Кант будет трактовать как чувственное воплощение, которое может быть двояким: схематическим или символическим.

жение того, что невозможно выразить в предметном языке, этот язык лишь косвенно указывает на интеллектуальные структуры, которые разворачиваются в некоем четвертом измерении, хотя и используют аналоги чувственного познания. В этом смысле символы движутся по трансцендентальной кривой навстречу способу переживания независимого мира, существующего вне нас и в нас, движутся по той кривой, которая дает более краткий путь понимания. Они всегда смотрят на нас боковым зрением. Это некий дар косвенного взгляда, взгляда сбоку, который позволяет не только познать, но и увидеть себя в точке познания, постижения, средство помощи которому и есть символ. Дискурсивным путем мы способны прийти к тому, о чем метафорически и символически говорят нам восточные религии. Символ «служит непосредственному рассудочному познанию, но со временем он должен отпадать. Познания всех восточных народов символичны. Таким образом, там, где созерцание непосредственно не доступно нам, мы должны *аналогией* помогать себе символическим познанием»¹. Эти рассуждения о соотношении символа и аналогии, о символе как знаковом явлении, имеющем довольно-таки странную природу, рассуждения, которые, как правило, не учитываются в современных исследованиях символизма, имеют важнейшее значение для понимания смысла символа, развернутого и в «Критике чистого разума», и в «Критике способности суждения». Концепция символа, развернутая в третьей кантовской критике, в последнее время все чаще привлекает внимание зарубежных специалистов².

Для Канта решение проблем, поставленных символом, сродни горизонту: приблизиться к нему можно, но достигнуть нельзя. В приведенных фрагментах символ выступает как когнитивный инструмент, имеющий переходящее значение; символическое познание соотносится с таким эпистемологическим актом, в котором предмет познается не непосредственно, а опосредовано, косвенным образом как значение некоторого знака, который сам по себе функционирует на уровне дуализма знака и обозначаемого. Символ как таковой всегда многозначен. Кант вводит оппозицию знака и символа, который к знаковой форме не сводится, Фердинанд де Соссюр даже будет противопоставлять символы конвенциональным знакам. Знаковая форма обозначает не сам предмет, а нечто замещающее, репрезентирующее его, она обозначает что-то другое – инаковую предметность или нечто относимое к сфере того, как мы мыслим, в которой предмет помещается в поле напряжения между означающим и означаемым³ как двумя принципиальными составляющими языка и опосредовано представляется как объект приложения способности обозначения. Эта способ-

¹ Кант И. Из рукописного наследия (материалы к «Критике чистого разума», Opus postumum). М., 2000. С.147.

² См., например, доклад датского исследователя М.Этемади на 2-й конференции румынской ассоциации семиотических исследований (Бухарест, 2008): *Etemadi M. The Concept of the Symbol in I.Kant's "Critique of Judgement"* // <http://roass.blogspot.com/2008/10/2nd-roass-conference-programme.html>.

³ Впоследствии швейцарский лингвист Ф. де Соссюр будет говорить, что для символа весьма естественно «отношение между означающим и означаемым (bis zu einem gewissen Grade eine natürliche Beziehung zwischen Bezeichnung und Bezeichnetem)» (*Saussure F. de. Grundfragen der allgemeinen Sprachwissenschaft*. 3. Aufl. В.; N. Y., 2001. S.80).

ность прокладывает себе дорогу не только как способность познания настоящего, но выпускает свои нити, подобно мицелию, в прошлое и будущее, устанавливая канал связи между двумя темпоральными представлениями – представлениями о предвидимом с представлениями о прошедшем. В то же время символ всегда противостоит дискурсивно-логическим отношениям, его территория – это область, которая может быть условно обозначена как область созерцания несозерцаемого, сверхчувственного, соединения несоединимого, знания незнаемого, которое дает знак, интерпретацией которого и складывается реальность. Неустойчивый контур символа как бы колеблется между ясным и неизъяснимым, видимым и невидимым, невидимое – место, где зарождается любая визуальность, акты неорганических перцепций, за пределами которых располагаются не просто зияющие высоты, указывающие на некие конечные идеальные состояния, а складываются условия сообщения между различными мирами, позволяющие обустроить место их единения, налаживать обмен сигналами между ними.

Но место такого единения есть место рождения аналогии. Сам символ производится посредством особого состояния представленности, заключающего в себе аналогию, измерение которой вскрывает гармоническая структура, структура многого в одном. Это структура, с помощью которой одно может быть уподоблено другому, может быть зафиксировано отношение сходства между предметами. Не задаваясь вопросом об основаниях самой аналогии, Кант связывает вопрос о ней с проблемой схематизации, позволяющей делать понятие постижимым по аналогии с чувственным. Схематизм – это своеобразный посредник в мире сознания, циркулирующий между чувственностью и рассудком, укорененными в воображении. Да и сам символ, в сущности, и есть монтаж воображения. Аналогия рассматривается Кантом не как модус вероятностного умозаключения, а как основоположение, имеющее регулятивную значимость. Процедура порождения аналогий, как показали современные исследования проблематики ее компьютерного моделирования¹, крайне важна для формализации процесса подведения частных случаев под общие законы, который Кант соотносит с проблемой способности суждения как самой таинственной способности души, с проблемой связующей представленности бесконечного здесь и сейчас. Так, представляя время в виде линии, мы, по существу, представляем его в виде аналогии, следовательно, «представленность всего на месте имеет структуру аналогии, или метафоры. Метафора всегда дает пространственно-одновременно то, что в действительности всегда расположено во временной последовательности, разнообразно по содержанию и даже принадлежит к разнородным областям. Значит, для носителя такого рода действия в мире, в основе которого лежит представленность всего на месте, Кант с самого начала вместо монады вводит связавшуюся разнородность, или связь разнородного, в одном сознании»². Очертания аналогии еще больше усложняются, когда мы само время представляем как играющий всеми оттенками творчества одно-

¹ Hofstadter D. Fluid concepts and creative analogies. Basic books, 1995.

² Мамардашвили М. Кантианские вариации. М., 1997. С.177.

направленный поток, через который реализуется то, что И.Пригожин называл креативностью как фундаментальным элементом природы.

Итак, символ отнесен Кантом к дополнительной интеллектуальной структуре со значениями чего-то находящегося в постоянном искривлении, которая замещает предмет и указывает на него, намекая на некие запутанные, многозначные, незавершенные и недостижимые явления, связанные со сложной природой восприятия. В философии Канта эта структура есть откровение, символическая структура сознания, внутри которой философ отстраняется от возможной игры представлений: «<...> в этой структуре сознания Кант как раз и отстраняется, смотрит *косвенным взглядом*. Потому что существо, которое само сокращалось бы вместе с сокращением того, чем оно пользуется как меркой могло быть спасено, получив дар *косого взгляда*, то есть взгляда сбоку, если оно не оставалось внутри взгляда, а каким-то образом смогло увидеть себя в точке своего соприкосновения, во взаимодействиях с физическими силами». Это «косвенный взгляд, возможность посмотреть со стороны; не только взаимодействовать, но и увидеть себя в точке взаимодействия»¹. Такой взгляд позволяет схватывать чувственное представление как символ интеллектуального, а пространство, то есть способ представления вещей в качестве необходимо связанных при посредстве некоторого общего основания, – как символ божественного всеприсутствия. Сам способ, каким нечто может быть восполнено божественной мудростью, может быть истолкован как стремление к царству небесному, этот способ может открыться человеку лишь в символическом представлении, направленным исключительно на то, что Кант называет *большим оживлением надежды и мужества*: «<...> по отношению к недостатку нашей собственной праведности (которая имеет значение перед Богом) разум не оставляет нас совсем без утешения. Он говорит, что тот, кто в истинном, преданном долгу образе мыслей, насколько это в его возможности, действует так, чтобы (по крайней мере в постоянном приближении к полному соответствию с законом) исполнять все свои обязанности, – тот смеет надеяться, что неподвластное ему будет восполнено высшей мудростью *тем или иным способом* (например, станет неизменной настроенность на это постоянное приближение). Но при этом разум не притязает на то, чтобы определить этот способ и знать, в чем он состоит, – а способ может быть настолько таинственным, что Бог мог бы открыть его нам в лучшем случае лишь в символическом представлении, т.е. дать нам понять его практическое значение, между тем как теоретически мы совершенно не в состоянии усвоить и выразить в понятиях, что же такое отношение Бога к человеку само по себе, если бы он даже и захотел открыть нам подобную тайну»². Язык символов, мир того, что Кант называет положительным символическим значением, – это, возможно, способ обращения Бога к человеку, который нам вряд ли удастся когда-либо расшифровать.

В критический период проблема символа непосредственно связывается Кантом с центральным понятием его философии – понятием вещи

¹ Мамардашвили М. Кантианские вариации. М., 1997. С.40.

² Кант И. Собрание сочинений. В 8 тт. М., 1994. Т. 6. С.185.

самой по себе. Поэтому так важно понять, какое знание символически представлено вещью самой по себе. Характеризуя ее как действующую лишь через нас, как в нас независимый мир, М. Мамардашвили подчеркивал, что «мы не можем говорить о том, какова вещь в себе, не можем сделать ее своим прямым предметом и восходить от нее в обосновании своего мира, строить его возможные описания... Но мы можем действие чего-то через нас (а именно независимого мира, а не мира явлений, не предметного мира) схватывать вторичным образом (Кант будет говорить также о *косвенном, выразительном явлении*) на уровне символов, или явлений явлений. Символы есть то, что схемами-понятиями (схемами идей) обозначает проявление в нас нашей спонтанности, активности, свободного творения, которые как таковые определить мы не можем, да и познать не можем. Тем самым – если перевернуть этот ход – спонтанность оказывается и условием знаний о чем-то в терминах причинности, или в детерминистических терминах. Кант как бы говорит, что весь этот субатомный мир, или мир X, остался под знаком необратимости. А мы – после необратимости и внутри нее»¹. В сущности, символизм можно отнести к тематике трансцендентальной аналитики, представив его как раздел феноменологии, в рамках которой чувственные понятия предмета находятся в соответствии с категориями. Правда, философское познание лишено преимуществ математической демонстрации, которая именно с помощью символов выводит свои познания из конструирования понятий. Для нас здесь важно прежде всего то, что символическими состояниями вычерчивается особая реальность эстетического априоризма*, развертывающаяся относительно эмпирического события.

Если о вопрос о демонстрации эмпирических и рассудочных понятий с помощью примера и схемы, то есть общего процесса воображения, особой сложности не вызывает, то иначе обстоит дело с демонстрацией априорных понятий разума или идей, поскольку в принципе невозможно дать соответствующего им созерцания. Кант прежде всего налагает запрет на возведение символов в ранг понятия о вещи самой по себе. В «Антропологии с прагматической точки зрения» он подчеркивает: «<...> святую Троицу, старца, юношу и птицу (голубя), следует представлять себе не как действительные, сходные с их предметом образы, а только как символы. Именно это означают образные выражения нисхождения с неба и вознесения на небо. Для того чтобы подвести под наши понятия о разумных существах созерцание, мы вынуждены их антропоморфизировать; но беда или ребячество, если при этом символическое представление возводится в понятие о вещи самой по себе»². В случае демонстрации априорных по-

¹ Мамардашвили М. Кантианские вариации. М., 1997. С.297.

* Эстетического не в смысле категории трансцендентальной эстетики как учения о пространстве и времени, а в смысле категории традиционной эстетики. Правда, традиционное употребление этого термина встречается и в самой «Критике чистого разума»: обосновывая идею трансцендентальной логики, Кант отличает от логики как науки о правилах рассудка вообще эстетику как науку о правилах чувственности вообще, а в предисловии к первому изданию говорит о феномене *интуитивной (эстетической) ясности*.

² Кант И. Собрание сочинений. В 8 тт. М., 1994. Т. 7. С.194.

нятий разума чувственное воплощение может быть только *символическим* как интуитивное представление посредством одной только аналогии: в точке неоднородности двух вещей одну из них можно мыслить по аналогии с другой, признав, например, за явлением нечто, что существует только в осадке некоего символического косвенного предмета, на который замкнуто само явление и который на языке Канта называется вещью самой по себе, в том числе и той, которая и в нас, – символом «я». Он есть точка сингулярности, в окрестностях которой пересекаются мышление и существование. Внимание философов и художников XX века будет привлекать именно символическое существование этого «я»: так, у Роберта Музиля возникнет даже своеобразный «я»-образ, пейзаж самого «я» как некой художественной абстракции – персонаж романа «Человек без свойств» будет говорить о *ландшафте своего я*.

Что касается аналогии, то Кант оценивает прежде всего ее качественное значение, проводя четкое различие между мышлением по аналогии и логическими операциями, связанными с использованием аналогий. Идентифицируя отношение, аналогия утверждает его на территории несоизмеримости, например, высшей причины мира и художественного произведения, на территории неоднородности соотносимых элементов, один из которых хоть и можно мыслить по аналогии с другим, но нельзя таким же способом логически перейти от одного к другому, перенося на него признак их специфического различия. Аналогия в первом значении есть «тождество отношения между основаниями и следствиями (причинами и действиями), поскольку оно имеет место, невзирая на специфическое различие вещей или тех свойств самих по себе, которые содержат основание подобных следствий (т.е. рассматриваются вне этого отношения)»¹. Заключение по аналогии предполагает не эксплицитное выявление того, что содержится в посылках или свойствах, например, тех же знаков, посредством которых эти посылки сформулированы, а одинаковость основания. «Сравнивая имеющиеся в мире целесообразные продукты высшей причины мира с произведениями искусства человека, я могу мыслить каузальность ее по аналогии с рассудком, но не могу *заключать* по аналогии к этим свойствам в нем, ибо здесь как раз отсутствует принцип возможности такого рода заключения, т.е. *paritas rationis* (равенство основания – *Aem.*), чтобы можно было причислять к одному и тому же роду с человеком и высшее существо (в отношении каузальности того и другого). Каузальность существ в мире, которая всегда чувственно обусловлена (такова каузальность через рассудок), нельзя переносить на существо, у которого нет с ними другого общего родового понятия, кроме понятия вещи вообще»². Следовательно, невозможно выявить рациональный критерий для сопоставления различных существ, которым присуща каузальность, ибо они не располагаются в зоне действия какой-то общей причинности, которая сохранялась бы при переходе от чувственно обусловленной к божественной каузальности. Именно поэтому мы вынуждены мыслить бо-

¹ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. В 4 тт. М., 2001. Т. 4. С.779 сн.

² Там же. С.781 сн.

жественную каузальность по аналогии с рассудком, то есть прибегать к переносу, смещению в виде отношения к другому в ней самой.

Кант указывает на класс явлений, которые несмотря на все свое подобие и равенство, не могут быть заключены между одинаковыми границами, их различие не может быть объяснено только одним дискурсивным путем, не прибегая к непосредственному созерцанию. В «Критике чистого разума» Кант выдвигает класс доказательств, ориентированный на аналогический охват категорий. Эти доказательства ориентированы на решение остающейся до сих пор дискуссионной проблемы аналогий как динамических принципов метафизической трактовки необратимых данных опыта, средствам которого соразмерен мир и в котором осуществляется синтез существования восприятий по всеобщим законам. Эти аналогии мыслятся здесь как проекции инвариантной симметрии, возникающей в сознании особого субъекта – «сына ошибок трудных», то есть научного опыта, и зафиксированной в своего рода азбуке для чтения этого опыта. Они имеют свое основание в рассудке, предписывающем их природе в соответствии со всеобщими понятиями о ней, которые «служат как бы для складывания явлений, чтоб можно было читать их как опыт»¹. Аналогии как бы проецируют эмпирию под знаком времени, создавая попутный общий фон опыта, что похоже на шум времени, его свойства как раз и закодированы в них. Аналитика основоположений позволяет брать опыт как в некотором смысле самодостаточный, и оставаясь в его рамках, смотреть, что разрешается посредством этих аналогий, вводящих определенные метафизические посылки в эмпирические суждения.

Аналоговая модель есть не только своеобразный способ репрезентации, но и способ мыслить реальность, идущую от аффицирования чувств предметами, мыслить так, чтобы не просто играть представлениями, а осмысленно относиться к предмету, рассматривать бытие явлений в их взаимной релятивности. Если мы что-то высказываем о мире, то высказываемое должно иметь в самом мире эмпирически символизируемый референт и быть построено с помощью прояснения метафизически грамотного, правильного языка для описания эмпирии, переведенного на язык априорных синтетических суждений. Значит, мы сталкиваемся здесь с аналоговой моделью опыта, но только аналоговой, то есть не совпадающей с некоторыми основоположениями трансцендентальной аналитики. Реальность, мыслимая с помощью аналогии, предстает в качестве трансцендентальной материи, предстает тем, что в явлениях, посредством которых нам даются все предметы, соответствует ощущению как материи опыта, предметы которого всегда подчинены условию времени, непосредственно – внутренних явлений и косвенно или символически – внешних явлений. Опыт – это не просто эмпирический слепок соединения восприятий, он идет далее восприятий, давая эмпирическим структурам всеобщность, для чего он нуждается в чистом априорном рассудочном единстве. Основополагающей связностью явлений, которая прокладывает мосты к эстетическим размерностям трансцендентализма, охвачены два важных для нас эле-

¹ Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки. М., 1993. С.96.

мента: априори познаваемая форма созерцания, то есть представления о явлениях, которые могут существовать только в нас (пространство и время, посредством которых упорядочивается многообразное в явлении, то есть в предмете, как он нам является), и материя – то, что содержит бытие и соответствует ощущению. Эти элементы свертываются в систему отношений явлений друг к другу, которая может истолковываться только по аналогии, существующей между чувственными восприятиями и тем, что как раз и является условием явлений – временем. Здесь важны три правила всех временных отношений бытия – постоянство (существование во всякое время), последовательность (существование в разное время), сосуществование (существование в одно и то же время). Анализируя кантовскую трактовку соответствия реальности ощущениям, Вл. Соловьев отмечает, что «во всех явлениях ощущение и соответствующая ему в предмете реальность (*realitas phaenomenon*) имеет интенсивную величину, т.е. степень. Ощущение не складывается из однородных частей или единиц, как зрение, но оно может постепенно убывать или возрастать в своей силе. Это основоположение, которое Кант называет «предварением восприятия», соответствует категории качества. Связь явлений со стороны их отношения друг к другу определяется общим принципом, гласящим: *все явления по своему бытию подчиняются а priori правилам, определяющим их отношение между собою во времени*. Эти правила, определяющие отношение явлений, Кант называет «аналогиями опыта» [II 341], которые, в сущности, выявляют человеческий смысл самого опыта – не будем забывать, что, с точки зрения Канта, триада эмпирических аналогий опирается на трансцендентальное единство апперцепции, к которому подводится все, что должно принадлежать человеческому познанию, на опыт человеческих переживаний и созерцаний, а сам опыт возможен при допущении второй аналогии, лишь с учетом которой мы можем делать объективным свой субъективный синтез (аппрегензии), хотя в отношении нравственных законов именно опыт, как это ни печально, выступает источником видимости. Но в эпистемологии правила, данные нам опытом, играют другую роль: как бы нормируют опыт, выступая по отношению к нему в качестве своеобразных форм, указывающих на то, как возможен опыт, порождая универсальный язык наблюдения. Аналогии устанавливают антропологические ограничения, накладываемые на опыт. Лингвистика аналогий как бы встраивает опыт, пробивающийся на гносеологической почве источником истины, в систему трансцендентальных координат и резюмирует его метафизическое описание, обозначая некие конечные пункты его объяснения, представленные заместителями множества эмпирических связей, в которых творится сама эта множественность. В итоге мир опыта оказывается спектаклем, в котором эмпирические отношения разыгрываются сразу на трех сценах: на одну выходят сомкнутые друг с другом знаки, на двух других – разыгрываются постижимые связи и выполняющие значения. Речь идет, по существу, о процедуре символизации смысловых связей опыта, о том, что в самом стиле эмпирического мышления, в глубине его предпосылок и оснований происходит какое-то смещение в сторону творческого спектра мышления, характерной чертой которого, «кроме интенсивного интереса к проблеме, часто бывает способ-

ность пробиться за пределы ряда – или изменить ряд – из которого менее творческие мыслители выбирают материал для своих проб. Эту способность, которая явно является критической способностью, можно описать как *критическое воображение*. Она часто возникает в результате культурного столкновения, столкновения между идеями или между целыми структурами идей¹.

Кант постулирует внутреннюю связность явлений, которая замешана на аналогиях, и этот род связности, демонстрирующий как возможен опыт, как порождается опыт, задает опосредованные, неявные связи между знаниями об объекте и процедурами познавательной деятельности, ранее он ускользал от анализа, хотя им всегда молчаливо пользовались. В поле релятивистского априоризма, концепция которого формируется у Канта (он будет говорить о *сравнительном a priori*), появляется нить основы, из которой будет соткана и методологическая ткань современного научного мышления; у самого Канта из таких нитей сплетена сеть представлений об априорных условиях того, как возможно «стяжать» научное знание, представлений, сформированных в некую совокупность достоверных, но не обладающих непосредственной очевидностью познавательных структур, имеющих не аподиктический, а косвенный характер и предшествующих процессу получения конкретного знания. Эта сеть тянется вдоль линии взрвания внутренних условий опыта. Среди указанных нитей есть и эстетическая нить мысли, незримо присутствующая в том, что сегодня называют интерпретационно-моделирующими системами познания, и представленная прежде всего такими структурами трансцендентальной аналитики, как способность суждения, схема как монограмма чистой способности воображения, синтетические основоположения рассудка (очерчивающие «условия единства эмпирического познания в синтезе явлений»), осуществляющих как бы прикидку всех эмпирических связей и обстоятельств. Достоинство этих структур состоит в том, что они ведут к целостной картине явлений. Именно на их примере мы убеждаемся в эстетической насыщенности понятий опыта, его привычных стереотипов, связей, ассоциаций и метафор. Синтез многообразного, который задается в своеобразном топосе, является основополагающим не в смысле опоры на аксиомы созерцания и антиципации восприятия, а в смысле опоры на принципы экспозиции всех явлений, на их синтетическое единство, складывающееся относительно времени, то есть опоры на эмпирические аналогии. Тут фактически имеются в виду некие порождающие матрицы научного исследования, некий демонстративный стенд опыта. Разновидности аналогий истекают из подчинения всех явлений категориям отношения, показывая по какому темпоральному образцу вершатся структуры эмпирического мира. Вопрос о формальных аналогиях опыта, которые корреспондируют друг с другом, связан, в представлении Канта, прежде всего с качеством мышления, с обретением навыков мыслить опыт внутри метафизики.

Итак, если мы говорим об аналогии, апеллируя к опыту, то ее моделью будет новый тип трансцендентальных основоположений – аналогии

¹ Поннер К. Неоконченный поиск // «Логос». Философско-литературный журнал. 2009, №4–5. С. 79.

опыта. Кант вычленяет аналогии, указывающие на такую структуру опыта, элементом которой является факт его извлечения. Ведь без этих аналогий и символов невозможно поставить драму опыта. Подчеркивая, что факты должны воплощаться в символическом протяжении, М.Мамардашвили отмечал, что без такого протяжения эмпирия является пустым звуком, в этом случае ее нельзя было бы отнести к «творческому, продуктивному фактору познания. То есть без осимволенности, без нагруженности смыслом ничто ничего не движет»¹. Способ мышления об аналогиях опыта, отразившийся в современных исследованиях креативной сущности сознания, ориентирован на новую ситуацию в естественнонаучном познании: стиль мышления в квантовой механике стал испускать импульсы, непосредственно не схватываемые в классической физике, не имеющей аналогичного опыта. Но без аналогий опыта, полученного и в квантовой механике, и в классической физике, вряд ли удастся открыть тот новый закон, который Р.Пенроуз рассматривает как условие понимания способа функционирования человеческого разума – этой связующей нити между микро- и макромиром.

Креативный аспект эмпирического мышления, представленный в аналогиях опыта, соотносится в критической философии с представлением о необходимой связи восприятий, дополненным не только онтологическими положениями о таких специфических темпоральных модусах, как постоянство, последовательность, одновременность, но и категориями субстанции, причины, взаимодействия. В современной философии трактовка аналогий опыта смещается в сторону понятий, выражающих событие мысли. Рассматривая саму философию как индивидуальную координацию событий мысли в опытном переживании, В.А.Подорога подчеркивает, что они «предполагают целый ряд аналогий опыта, которые мы должны привлечь, если нам не хватает языка, чтобы выразить новизну опыта более адекватно. Такие понятия, как понятие «интенциональности» (Э.Гуссерль), «длительности» (А.Бергсон) или понятие «плоти» (М.Мерло-Понти) – это и есть события, которые делятся и сегодня, но уже вне какой либо системно авторской зависимости от ушедшего опыта (который нам не восстать)»². Кант такого рода понятия назвал бы, скорее всего, символическими гипотипозами. Можно даже сказать, что сами аналогии, внедренные в эмпирическую ткань, суть структуры темпоральной сценографии, которые проявляются в образах опыта, объединяемых под рубрикой его символической архитектуры.

Как уже отмечалось, в соответствии с правилами, определяющими взаимоотношение явлений во времени, И.Кант выделяет целый спектр аналогий опыта: основоположение о постоянности субстанции, основоположение о временной последовательности по закону каузальности, основоположение об одновременном существовании согласно закону взаимодействия. Для целей нашего исследования важно подчеркнуть, что эти основоположения, рассмотренные в контексте систематического изложе-

¹ Мамардашвили М.К. Стрела познания. набросок естественноисторической гносеологии. М., 1996. С.215.

² Подорога В.А. О чем спрашивают, когда спрашивают «что такое философия?» // «Философский журнал». 2009, №1 (2). С.15.

ния всех синтетических основоположений рассудка, отличаются «характером очевидности, т.е. интуитивным в них» (В 223). И как таковые они приложимы в качестве принципов эмпирического, а не трансцендентального применения рассудка. Поэтому конкретно помыслить их можно только прибегая к помощи предметностей внутри эмпирического сознания, связанных с ощущением, к синтетическому единству многообразных восприятий. Аналитика этих основоположений, доказуемых только для надобности опыта, является каноном для способности суждения, форма которого способствует применению неоднородных с чувственными созерцаниями понятий рассудка к явлениям. Эта форма содержит твердые предписания для объективного употребления категорий, которые должны быть подведены под их схемы, называемые Кантом формулами основоположений. Это и есть аналогии или модели опыта – некие синтетические конструкции, касающиеся существования явлений и отношения между объектами. В кантовской характеристике основоположений Н.В. Мотрошилова усматривает «расшифровку функций, смысла, характера тех специфических процедур сознания, которые приближают нас к соответствующим категориям математики, естествознания, философии... Во всем разделе об «основоположениях» *речь идет, собственно, о сознании и тех его комплексных, сложных феноменах, которые включают в себя и, в сущности, неразложимо объединяют чистое понятие (категорию), чувственное понятие (феномен), процедуры, действия сознания, осуществляющие синтез чувственных и рассудочных аспектов*¹. Трансцендентальная кодировка аналогий опыта соотносится с нормированием эмпирического дискурса, заданного ритмикой темпоральных дефиниций. Но сама темпоральная онтология строится на принципе идеальной связи: определение существования объектов во времени может быть осуществлено только посредством априорных понятий, устанавливающих связь, что имеет особое значение для культуры научного разума. Вписывая кантовские аналогии опыта в контекст истории и методологии науки, Э.Кассирер подчеркивает, «простое различие отдельных временных точек сначала должно быть преобразовано в понятие динамической взаимозависимости между ними, время как чистая форма созерцания должно быть пропитано функцией каузального суждения, прежде чем мысль о единстве времени сможет развиться и укрепиться, прежде чем непосредственное чувство времени перейдет в систематическое понятие времени как условия и содержания познания. Развитие современной физики самым ясным образом продемонстрировало нам, насколько далек путь от одного до другого и через какие трудности и парадоксы он пролегает. Кант усматривает в «аналогиях опыта», в трех синтетических принципах субстанциональности, каузальности и взаимодействия интеллектуальное условие и основу установления трех возможных различных временных отношений, конституирования постоянности, последовательности и одновременного существования. Появление в результате прогресса физики теории относительности и транс-

¹ Мотрошилова Н.В. «Феномен», «явление», «гештальт»: терминологические и содержательные проблемы «Феноменологии духа» Гегеля в соотнесении с философией Канта // «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения. М., 2010. С.88–89.

формация, которую претерпело понятие времени в рамках этой теории, показали, что эта относительно простая схема, созданная, с точки зрения критики познания, в соответствии с основами механики Ньютона, также должна быть заменена более сложными представлениями»¹, что как раз и демонстрируют современные исследования глобальной креативности универсума, креативного аспекта времени, ориентированные прежде всего на структуры сознания и квантового мира.

Сам анализ текстуры креативности упирается в проблему топоса между чувственностью и рассудком, представленного воображением. Кант как раз и вводит в анализ трансцендентальной идеальности времени структуры воображения, прописывает корреляцию опыта и трансцендентального синтеза способности воображения, делающего его причастным к метафизическому апостериори. Само время есть для него текущая величина, поскольку синтез продуктивной способности воображения, создающий ее, есть «движение вперед во времени, непрерывность которого мы особенно склонны обозначать словом *текучий (истекший)*» (В 212). Философ выявляет принципы определения бытия явлений во времени, единственно по которым и можно априористически истолковывать их связь друг с другом. Эта связь есть не что иное как продукт способности воображения, осуществляющей синтез представлений о предмете даже в том случае, если он не дан в формате созерцания. Тем самым продуктивное воображение пробуждает к жизни предметы опыта. Результатом применения воображения в области познания являются и аналогии: Кант, например, говорит о феномене «широкого взгляда, пронизательности, способной всегда найти аналогии, а в применении их – смелое воображение, связанное с умением располагать при помощи чувств и ощущений к своему предмету»², который Гердер все время держит в туманной дали. Эта туманная даль как раз и является дистанцией символа.

Частный случай аналогий как эвристического источника идеальных конструктов – эмпирические аналогии, которые помогают устанавливать типологические соответствия в мире опыта, перерабатывающего материал чувственных впечатлений в познание явления, то есть представления, трансцендентальный предмет которого неизвестен. Эмпирическая картина улавливает в аппрегензии черты многообразного, имеющегося в опыте. Но создать ее возможно только через определение существования объектов посредством синтеза восприятий во времени. Аналогии опыта, в сущности, и вводят эстетическую тематику в трансцендентальную аналитику, поскольку изображают то, что еще в античной эстетике определялось как гармония мира, его единство в многообразии. Ведь аналогии опыта «представляют, собственно, единство природы в связи всех явлений при определенных показателях, выражающих не что иное, как отношение времени (поскольку оно охватывает всякое бытие) к единству апперцепции, которое может иметь место только в синтезе согласно правилам. Взятые вместе аналогии гласят: все явления заключаются и должны заключаться в единой природе, так как без этого единства *a priori* не было

¹ Кассирер Э. Философия символических форм. В 3 тт. М., СПб., 2002. Т. 1. С.150.

² Кант И. Собрание сочинений. В 8 тт. М., 1994. Т. 8. С.38–39.

бы возможно никакое единство опыта, стало быть, и никакое определение предметов в нем» (В 263). Но априори определить связь восприятий невозможно, не явствует она из чувственности, посредством которой сами предметы нам даются. Эмпирические аналогии, проистекающие из подведения отношения всех явлений под схемы категорий, должны являться правилами всеобщего определения времени согласно его трем модусам, которые делают возможным сам опыт, а следовательно, и основоположениями как результатами того, что мы влагаем в природу. При помощи этих матриц объективности и познаваемости мира мы вправе связывать явления по аналогии с логическим единством понятий. И всякий раз, как только мы начнем подводить бытие явлений под схему категории субстанции, будем получать первую аналогию опыта, согласно которой при всякой смене явлений субстанция остается постоянной, не увеличивающейся и не уменьшающейся в квантативном отношении. Подводя же явления под схему категории каузальности, получим вторую аналогию, согласно которой все изменения в мире совершаются по закону связи причины и действия. Наконец, проделывая те же операции применительно к схеме категории общения, получим третью аналогию, согласно которой все субстанции, поскольку они могут быть восприняты в пространстве как одновременно существующие, находятся во всеобщем (*durchgängiger*) взаимодействии. Эти аналогии приводят нас к тому, что эмпирическое познание явлений представляется как целокупность субстанций в пространстве, внутренним определением которых как раз и является отношение, в данном случае отношение причинности, которая, как подчеркивает современный голландский исследователь, тоже «должна говорить посредством аналогии»¹. Природа как связь явлений индивидуализирована аналогично тому как устроено законодательство рассудка. Аналогии составляют не просто внутреннюю ткань опыта, а являются своего рода первообразами, без которых нельзя объяснить реальные связи, нельзя решить вопрос о возможности опыта как представления о необходимой связи восприятий, которая не явствует из них и не может быть определена априори.

Внимание Канта привлекает и вопрос об аналогии в философском мышлении, которая рассматривается им прежде всего как логическая презумпция, как один из видов умозаключений способности суждения, заключающей от многих определений и свойств, в которых согласуются вещи данного вида, к остальным. То есть философский класс аналогий позволяет расширить представление о данных свойствах предмета опыта на другие его свойства. Если у меня есть, допустим, четыре члена некой эмпирической пропорции, то этот класс будет выражать не конstitutивный, а регулятивный характер равенства *«двух качественных отношений, в котором я по трем данным членам могу познавать и a priori вывести только отношение к четвертому члену, а не самый этот четвертый член; однако у меня есть правило, по которому могу искать его в опыте, и признак, по которому в опыте можно найти этот четвертый член. Следовательно, аналогия опыта будет лишь правилом, согласно которому единство опыта»*

¹ Gorkom J.M.L.M. van. The Third One Imagination in Kant, Heidegger and Derrida. Tilburg. 2009. P.57.

(В 222-223) должно иметь регулятивную значимость, подающую его как интегральную часть разрастающейся и сходной с ним сферы восприятия.

Бытие явлений можно познать эмпирическим путем только принимая в качестве предпосылки, во-первых, существование чего-то субстанционального, что не может меняться, во-вторых, подчинение последовательности явлений закону каузальности и, в-третьих, взаимодействие между одновременно существующими предметами. Само это познание составлено из репертуара парадоксальных явлений. Как отмечает Д.Барнэм, Кант в «Критике способности суждения» изучает феномен ««беззаконной закономерности», обнаруживающей свойства, лишь аналогичные всеобщности, объективности, необходимости, и обнаруживающей их, по сути, только потому, что этот феномен как проблема должен-таки затрагиваться естественным познанием. Здесь, таким образом, имеется некий новый способ, посредством которого опыт или способность суждения может обнаружить порядок и, в конечном счете, разумное начало (возвышенное есть зеркальный образ)»¹.

Итак, Кант показывает, как научное сознание тематизирует символизм – эту особую реальность, свойства которой объединяются прежде всего понятием аналогии и знака – знака того, чего в этом мире нет, знака потерянного Рая и обнаружение чего нам не под силу. Символизм, иначе говоря, притязает на роль метафизического субъекта, стремящегося выйти за пределы феноменального в пространство ноуменального, преодолеть границы познанного и заглянуть в еще неведомое. Смысл этой реальности всегда находится не в ней самой, а в другом месте. Символ – ничейная земля между знаком и аналогией, правдоподобием, за которые могут выдаваться даже необоснованные притязания мышления. Тем самым проблематика символа увязывается философом с тем, что в современной теории систем трактуется как отношения гомоморфизма, в рамках которого осуществляется перенос знаний с гомоморфного образа на прообраз. Кант проясняет горизонты применения символизма в процессе конструирования понятий, определяет качественные значения, составляющие неустрашимую конфигурацию математического, физического и метафизического символа. Вместе он выявляет сходство символических операций с анализом понятия «я» как трансцендентального субъекта. Правда, уже у Декарта на языке аппарата когито эксплицируется независимое описание физических характеристик в форме «символа («я» и спаренного с ним с ним символа «Бога»)². Проект первой кантовской «Критики» соотносится с символизацией вещи самой по себе – этого, по сути, символа символов, что, разумеется, вовсе не значит, будто, как мы уже отмечали, философ возводит само символическое представление в ранг понятия о последней. Уже из первой аналогии опыта вытекает принципиальная недоказуемость постоянности из понятия субстанции как вещи самой по себе. Одновременно данный проект соотносится и с различными вариантами осмысления знаково-символических структур в рамках философского знания. Впоследствии эта смысловая панорама перестраивается и преподносит себя уже в более уточненном виде: Кант будет постулировать симво-

¹ 100 этюдов о Канте. М., 2005. С.126.

² Мамардашвили М. Под знаком Картезия // Встреча с Декартом. М., 1996. С.414.

лическую конструкцию, считая эту презумпцию разума едва ли не основной философской проблемой. Для него эмпирическим аналогом темпорально размеренного движения к единству апперцепции станет именно идея единства природы. Это единство, единство опыта, которое держит сознание в поле своего тяготения, есть норма, которая становится свойством, обретающим регулятивную значимость для предметов опыта.

Символизм «Критики чистого разума» является скрытым очагом будущей событийной формы, которая изменит философское отношение к эстетическому знанию и которая будет зафиксирована в «Критике способности суждения». В ней вводятся обобщения, которые позволяют дополнить представление о символе как косвенном изображении понятия посредством аналогии, знаменующей переход между идеей разума как «системой исследования, исходящей из основоположений о единстве, материал для которого может быть дан только опытом» (В 766), и чувственной интуицией. Проблема таких обобщений предстает здесь как довольно-таки сложная, она упирается в вопрос об определмости сверхчувственного субстрата посредством способности суждения, о преодолении противоположности и выявлении связи между миром природы и миром свободы, о демонстрации объективной реальности человеческих понятий, для которой всегда требуются созерцания.

Спектр тем кантовской симвонологии достаточно широк и эпистемологически окрашен – от символической гипотипозы, символа для рефлексии до символов антропологических свойств. Для выражения понятий могут использоваться слова или чувственные (математические и даже мистические) знаки, в которых, тем не менее, нет ничего от созерцания объектов, но которые являются лишь средством репродуцирования по законам ассоциации, присущим способности воображения. В отличие от знаков, символы представляют собой дискурсивные событийные формы, которыми наделяются процессы подведения созерцания под априорные понятия. И в то же время символ – это знак или образ, находящийся в непрямым и даже конфликтующих отношениях с изображаемым предметом. Проблематика символа неотделима от размышлений над рассудочными инструментами, с помощью которых воссоздаются образы предметов чувственного созерцания, правило рефлексии о котором способность суждения использует в символической перекличке по крайней мере двух предметов. Транслируя косвенное изображение понятия, символ захватывает в свою орбиту аналогию, и в то же время через нее символ свертывается в систему функционирования способности суждения. Сама эта система представляется Канту амбивалентной, поскольку имеет дело с практиками, позволяющими не только применить понятие к предмету чувственного созерцания, но и реферировать рефлексивный контур, схватывающий последнее, к иному предмету, для которого первый как раз и определяется в границах символизации¹. Указывая на многообразие косвен-

¹ Четким указанием на такие границы служит следующее рассуждение Канта: «Удивительно, что разумное существо мы можем мыслить только в образе человека. Любой другой образ может, правда, служить символом какого-либо свойства человека, например, змея – образом злобной хитрости, но не представлять само разумное существо» (см. *Кант И. Собрание сочинений*. В 8 тт. М., 1994. Т. 7. С.193).

ных изображений по аналогии в языке, благодаря чему выражение содержит в себе символ для рефлексии, Кант приводит следующий пример: по отношению к идее, скажем, монархического государства такое чувственное явление, как ручная мельница, может выступать лишь неким символом, помимо которого у нас нет другого способа для адекватного чувственного представления этой идеи разума. «Монархическое государство, – пишет Кант, – можно представить как одушевленное тело, если оно управляется по внутренним народным законам, или же всего лишь как машину (например, ручную мельницу), если оно управляется отдельной абсолютной волей, но в обоих случаях оно представлено только *символически*. В самом деле, хотя между деспотическим государством и ручной мельницей нет никакого сходства, но сходство есть между правилами рефлексии о них и об их каузальности»¹. При этом философ указывает на недостаточную разработанность вопроса о символическом представлении, на необходимость более глубокого исследования его.

Далее Кант приводит примеры символических гипотипоз и выражений для понятий не посредством прямого созерцания, а лишь по аналогии с ним, когда рефлексия о предмете созерцания приурочивается к другому понятию, с которым уже никакое созерцание не может коррелировать. Если в набросках лекций по метафизике (1778–1780) Кант писал, что большего всего символических представлений встречается при познании Бога, то теперь, в «Критике способности суждения», он вообще утверждает, что «все наше познание бога только символическое; и тот, кто берет его схематически с такими свойствами, как рассудок, воля и т.д., которые доказывают свою объективную реальность лишь на существах в мире, впадает в антропоморфизм, так же как в том случае, когда он отмечает все интуитивное, он впадает в деизм, посредством которого вообще ничего не познается, даже в практическом отношении»². Но признание символического характера познания Бога означает, что символично не только познание посредством рассудка, но и познание посредством разума, который превращает категорию в трансцендентальную идею, как раз и предназначенную для восхождения в ряду условий к безусловному.

Идеи предписывают правило, канон, согласно которому синтез в ряду условий явлений продвигается от обусловленного через все подчиненные друг другу условия к безусловному, хотя безусловного никогда нельзя достигнуть. В отличие от Платона, который «покинул чувственно воспринимаемый мир, потому что этот мир ставит узкие рамки рассудку, и отважился пуститься за пределы его на крыльях идей в пустое пространство чистого рассудка», не заметив при этом, «что своими усилиями он не пролагал дороги, так как не встречал никакого сопротивления, которое служило бы как бы опорой для приложения его сил, дабы сдвинуть рассудок с места» (В 9), немецкий философ переносит акцент на эпистемологию идеи, на сферу мыслимого, но не познаваемого, и именно эта эпистемология манифестирует себя в форме радикального переосмысления оснований метафизического символизма. Этот символизм подражает пла-

¹ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. В 4 тт. М., 2001. Т. 4. С.513, 515.

² Там же. С.517.

тоновским усилиям возвыситься от копирующего наблюдения явлений природы к архитектурной связи миропорядка согласно идеям, он стремится избежать установления изоморфизма предметных и рассудочных форм, исходя из имеющихся смутных подобий, вольных ассоциаций и неопределенных аналогий и метафор, с помощью которых так или иначе беспорядочно оформлен «сырой материал опыта», но он не имеет ничего общего с платоновским принципом распространения идей на область спекулятивного познания, с их мистической дедукцией. Рассматривая трансцендентальную идею безотносительно к постижению какой бы то ни было ее объективации, трактуя ее как понятие разума, для которого не находится соответствующего предмета в чувственном мире (лишь совокупность связи вещей во Вселенной может быть полностью адекватна идее), Кант считает, что она столь же естественна для разума, как понятия и категории для рассудка. Но если мы хотим доказать реальность последних, то «нужно чтобы им соответствовал предмет, который мы могли бы созерцать, усматривать. Для этого в случае эмпирических понятий нужен пример, в случае чистых рассудочных понятий – схема, а в случае понятий разума (то есть идей), объективная реальность которых в принципе не может быть показана никаким созерцанием, приходится вводить символы. Символы, стало быть, вводятся по аналогии, на основе общности в работе способности суждения – в разбираемом случае символизации того, что явно не дано, и в случае употребления чистых рассудочных понятий»¹. Поэтому познание Бога может свершаться в единственно приемлемой для данного случая эпистемологической форме – в познании по аналогии, в познании через символы, в которых мерцают качества недостижимой для нас, вечно ускользающей реальности. При этом Кант стремится установить границу, которая бы позволила отличать опыт схематизации, то есть опыт построения интеллектуально-чувственных структур как продукта способности воображения, с помощью которой (схематизации) понятие изображается непосредственно, от опыта символизации, когда такое изображение дается опосредованно, *indirecte*. В последнем случае имеет место то, что Кант называет *символизированием понятия*.

Стало быть, существует только один – символический – способ доказательства реальности идей, не имеющих прямых изображений и производящих то, что Кант называет непреодолимой видимостью, которую не может устранить даже самая острая критика. С оживлением этих идей посредством основанной на аналогии репрезентации Кант соотносит и эстетический способ представления, который, в сущности, есть не что иное, как способ персонификации морального закона. Символический вестник идеи дан нам в виде предметного представления, составленного по принципу аналогии. Вопрос о реализации идеи как раз и будет стоять перед ранним Вл. Соловьевым, который фактически и повернет его решение в сторону метафизики символа, представив эту идею в ипостаси метафоры, иносказания, образа живого существа. Знание о символической изнанке такого представления поэтически выражено П. Флоренским в его стихотворении «Признание Канта в любви», написанном 15 ноября 1909 г.:

¹ Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыт философии языка. М., 2008. С.231.

Интеллигибельный объект,
 О ты, сверхчеловеческий субъект!
 Хоть представленье ты мое,
 Но сквозь волнуемый туман,
 Что в мире опытным мне дан,
 В тебе идею вижу я.
 Молю тебя, о будь моя.
 Хоть трансцендентна мнимость ты,
 Но в принципе не есть мечты!
 Ты вещь в себе, и к цели той
 Стремится вечно разум вечно мой.
 Молю тебя я об одном:
 Моей будь в символе земном¹.

В отечественной литературе символизм Вл.Соловьева также нередко связывают с трактовкой идеи как живого существа², которая допускает множественность интерпретаций. Ведь этот философский символ, говоря словами современных исследователей, означает, что сущее, «бытийствующее в той мере, в какой оно символизировано, не завершено». Не завершено именно в качестве бытийствующего, и способом завершения этого бытия, которое символизировано, является одновременное, параллельное наличие в пространстве и времени множества «срезов – интерпретаций» данного символа, которые именно своей множественностью завершают то бытие, которое в самом символе не завершено³. Символизация сущего, первые и еще не четко прописанные шаги к которой делает Вл.Соловьев в «Философских началах цельного знания», явится решением ключевых проблем его религиозной метафизики. Неотрефлексированный соловьевский символизм не только воспроизводит платоновскую трактовку идеи как символа жизни сознания и аристотелевское понимание эйдоса сущего как целостного существа, но и переформулирует христианский догмат о триединстве как живой личности. Онтологическая интенция символа накладывает свой отпечаток на весь сценарий соловьевской эстетики. Делегируя право эстетического суждения на уровень универсальной индивидуальности, он возрождает символическую трактовку идеи как существа, которая дается у И.Канта. Хотя, надо признать, кантовский и соловьевский символизм – это разные типы символизма.

© Кормин Н.А., 2010

¹ Павел Флоренский и символисты. Опыт литературные. Статьи. Переписка. М., 2004. С.173–174.

² «Учения об идеях как живых существах, открывающих себя в феноменальном мире через систему соответствий (вариация на платоновскую тему), позволяет Соловьеву разрешить гносеологическую проблему в духе художественного символизма (хотя не вполне осознанного им самим)» (Амус В., Рашковский Е., Роднянская И., Хоружий С. Соловьев Владимир Сергеевич // Философская энциклопедия. В 5 тт. М., 1960–1970. Т. 5. С.52), то есть такого типа символизма, к которому можно отнести, например, *смотрящие на нас символы*. их иногда фиксируют в образах часов без стрелок в одном из натюрмортов Сезанна или в «Земляничной поляне» Бергмана. Своеобразием этих образов является «особая содержательная художественная черта, чрез которую художники уловили и показали, что какая-то степень или доза непонимания является проявлением или указанием на некоторую самостоятельную силу бытия, указанием на то, что какая-то граница этого непонимания должна сохраняться. Попытка полного понимания была бы просто элиминацией сущего» (Мамардашвили М., Пятигорский А. Символ и сознание (Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке). М., 2009. С.155). Против такой элиминации сущего как раз и направлен весь пафос философского обоснования цельного знания у Вл.Соловьева.

³ Мамардашвили М., Пятигорский А. Символ и сознание (Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке). М., 2009. С.154.

ИССЛЕДОВАНИЯ

С.В.Мартыненко

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГРАММА ГЛОБАЛИЗАЦИИ *Теория глобализации* *в контексте философии социального хеджирования*

МАРТЫНЕНКО Сергей Владимирович – старший научный сотрудник ИСПИ РАН, кандидат политических наук.

Аннотация. В статье подвергаются критике выводы относительно социальных и политических последствий мирового экономического кризиса в контексте нынешних сдвигов глобального масштаба. Истоки кризиса лежат в глубинных пластах современных управленческих решений, принимаемых современными государствами, а не в практике глобализации, которая представляет собой регион социального творчества, раскрывающий страховые возможности международных структур, способ поиска идентичности (единства, тождества) человеческой цивилизации, включающий в себя: универсальное самовоспроизводство социальной связи, воспроизводящиеся устои мира, которые дают людям какие-то исторические гарантии для их собственного развития, выстраивание иммунной системы мирового сообщества, хеджирование социальных отношений. Спор с теоретическими позициями, заявленными в некоторых философских интерпретациях глобалистики, позволяет глубже развернуть собственный подход к исследованию этой проблемы.

Ключевые слова: глобализация, мировой экономический кризис, идентичность цивилизации, социальные связи, хеджирование социальных отношений.

В современном мире происходят какие-то весьма существенные изменения, которые можно трактовать предельно широко: социально, экономически и политически они определяются зачастую в категориях глобализации, глокализации и так далее. Теория глобализации находилась в прошлом и находится сегодня на острие идейных споров. Сегодня, правда, и ученые и политики все чаще заводят речь о кризисе глобализации. Все преподносится так, как будто речь о выражении состояний деградации, и

тут же, конечно, на это накладывается готовое социологическое объяснение, которое употребляет термины «социальный кризис», «упадок», «глобальный кризис» и так далее. Такое умонастроение порождено, прежде всего, кризисными явлениями в мировой финансово-экономической системе. Выступая на форуме в Давосе 27 января 2010 г. президент Франции Николя Саркози назвал нынешний экономический кризис кризисом самой глобализации. Но кризиса глобализации не может быть, в принципе, потому что это означало бы остановку в развитии человечества. Французскому президенту стали вторить другие политики и многие ученые. Последние подхватывают метафоры, которыми политики или государственные деятели вынуждены называть определенные явления, избегая их глубокого теоретического рассмотрения, потому что теоретический анализ действий, которые предприняли государственные чиновники, может повлиять на их политическую карьеру. Любой политик старается говорить на уровне метафор-обещаний и винить в случившемся не себя, а обстоятельства, в рамках которых он вынужден был проводить те или иные действия.

Не разобравшись в причинах финансово-экономического кризиса, некоторые исследователи переводят стрелки на глобализацию, рассматривая ее в качестве нового этапа экспансии Запада. Вообще суждения об экспансии Запада кажутся сегодня просто смешными, стоит только вникнуть в смысл современных торгово-экономических практик: например, японские компании скупают американское крупное производство, а китайские компании скупают мировые бренды. Сегодня даже финансовые ресурсы настолько застрахованы в мировом масштабе, что просто некорректны любые противопоставления «Запада» и «Востока».

В некоторых политологических и экономических исследованиях можно найти слишком скороспелые выводы относительно социальных и политических последствий мирового экономического кризиса в контексте нынешних глубоких сдвигов глобального масштаба, частоты и амплитуды грядущих пиков финансово-экономических проблем. Алан Гринспен¹, касаясь нынешнего глобального экономического кризиса констатировал: важно знать, в результате чего возник финансовый пузырь: неправильных монетарных решений, контролируемых политиками, или более масштабных мировых сил, над которыми они не властны. Если все дело в монетарной политике, в будущем ее можно откорректировать. Если же мы имеем дело с глобальными силами, неподвластными лицам, принимающим монетарные политические решения, тогда у нас серьезные проблемы². О чем идет речь в приведенной цитате? Дело в том, что господин Гринспен пытается выстроить фактически защитную капсулу, созданную божественными силами: он говорит, что мы не знаем, как управлять в монетарной области, поэтому, поскольку мы довели экономику своими управленческими решениями до состояния финансового пузыря, то мы хотим понять причины его возникновения. Но если мы не поймем, в силу чего он возник, то спишем все на божественные силы, мировые силы, ко-

¹ Alan Greenspan – американский экономист. Тринадцатый по счету Председатель Федеральной резервной системы США (1987–2006).

² The Wall Street Journal, March 26, 2009.

торые неподвластны нам. Но что это за силы, которые определяются как «глобальные силы», так и остается неизвестным.

Полагая, что истоки кризиса лежат в глубинных пластах современного общества, усматривая его специфику в том, что он впервые за последние несколько столетий приобрел действительно всемирный характер, ученые показывают, что глобальный кризис потряс базисные структуры мировой финансово-экономической системы и фактически обозначил определенный рубеж в историческом развитии: лишились устойчивости целые блоки социальной деятельности, человечество столкнулось с ситуацией неопределенности в экономической эволюции целых регионов. Но в действительности истоки кризиса лежат не в глубинных слоях современного общества, а в тех управленческих решениях, которые принимаются на государственном уровне¹. Поэтому так важно понять, что такое государство, в чем состоит его идентификация, какие функции оно должно выполнять. Когда исследователи утверждают, что из-за кризиса лишились устойчивости целые блоки социальной деятельности, а человечество столкнулось с ситуацией неопределенности в экономической эволюции целых регионов, то надо заметить, что человечество всегда стоит перед ситуацией неопределенности, сталкиваясь с ситуацией выбора того, как действовать в экономической сфере. Вместо страховых конструкций, которые создавали бы страховые скрепы общества и удерживали их, возникают пути общества в виде современного государственного устройства. Ученые, исследующие феномен государства, как правило, не отдают себе отчет в том, как устанавливается дистанция между государством и обществом, почему разобщены располагающиеся между ними гражданские институты.

В политических и научных сферах бытует мнение, что нынешний экономический кризис будто бы демонстрирует уязвимость глобализации: в качестве формы экономического тоталитаризма она не является панацеей от экономических проблем. Ее уязвимость в их представлении некоторых исследователей связана и с тем, что дала сбой система, построенная на американских монетарных реалиях: мир изначально что-то должен Федеральной резервной системе, поскольку она взяла на себя миссию регулятора и печатного станка, что привело – ни много, ни мало – к обесцениванию самого будущего человечества. В этих рассуждениях больше панических настроений, чем вдумчивого анализа. Ведь о глобализации невозможно говорить в терминах экономического тоталитаризма, потому что глобализация представляет собой, в сущности, способ борьбы с экономическим тоталитаризмом, который проявляется в неадекватной налоговой системе, в непонимании смысла налогов как страховых платежей, что приводит к взиманию «рэкетной» платы в пользу государства. Концепция разрыва отношений между обществом и государством стала одной из причин мирового экономического кризиса. Предъявлять претензии к глобализации, утверждать, что дала сбой система, построенная на том, что мир изначально что-то должен Федеральной резервной системе США, просто наивно.

¹ «Корабль идет точно выверенным правильным курсом в неправильном направлении» (Вочнович В. Вторая сказка о пароходе // http://www.voinovich.ru/home_reader.jsp?book=ship2.jsp)

Что значит «мир должен Федеральной резервной системе»? Мир ее кредитует, значит, он ей доверяет. Тогда в чем сбой? Если вы доверяете этой системе, то вы рассчитываете свои риски. И, конечно, когда вы кредитуете, то вы не должны вкладывать последние сбережения, если вы рассчитываете свои риски. Если вы пытаетесь с Федеральной резервной системой поиграть как в тотализатор, то это проблемы другого уровня. Вы всерьез хотите заключить пари со структурой, которая является законодательным и исполнительным органом государства. И Центральный Банк Российской Федерации тоже взял на себя функции исполнительного, законодательного и судебного органа. Например, в российском банковском законодательстве есть понятие «мотивированное суждение»¹.

Что такое мотивированное, а фактически «немотивированное» суждение одного человека, пусть даже и высокопоставленного чиновника? Оно означает, что в структуре Банка России ежедневно могут приниматься решения, не основанные на законе, причем решения на уровне судебного органа: «я так хочу», и, не мотивируя это решение, давать свое законодательно «мотивированное» толкование. В сущности, это действия структуры под названием «государство в государстве».

Если согласиться с точкой зрения, что Федеральная резервная система США взяла на себя миссию регулятора и печатного станка, то становится непонятно, что именно она регулирует. Разве она является международным регулятором? Ведь это система международной договоренности: различные государства кредитуют ее. Америка выступала зонтиком для разношерстного блока государств, противостоящих Советскому Союзу. Поэтому все эти страны, прикрывшись американским зонтиком от палящих лучей, исходящих от звезд Кремля, вынуждены были оплачивать по счетам за возможность пользоваться зонтиком made in USA, за обеспечение коллективной безопасности. А платить – это и значит кредитовать.

В суждениях некоторых экономистов о том, что за последние десятилетия в мире сформировалась финансово-экономическая модель, когда в формуле «деньги–товар–деньги» деньги фактически заменили товар и стали главным товаром, вряд ли можно найти какой-нибудь рациональный смысл. Речь нужно вести скорее не о формуле «деньги–товар–деньги», а формуле «деньги, инфляция, риски», ведь товар здесь – это товарная форма тех же денежных отношений. В рамках такого моделирования возникают идеи, согласно которым прибыль, завышенная за счет заемных средств и спекуляций с ценными бумагами, стала причиной снижения стоимости будущих доходов. Но в этом пассаже легко обнаружить не что иное, как тавтологию: доходы стали причиной снижения будущих доходов. Выходит, что существует какая-то прибыль, которую можно завязать за счет заемных средств и спекуляций с ценными бумагами. Такой вид при-

¹ «Конечно, "профессиональное мотивированное суждение" – это не субъективное, предвзятое мнение одного человека. Реализация принципа "профессионального мотивированного суждения" должна обеспечиваться четкими процедурами принятия решений, механизмами сдержек и противовесов. Тут есть над чем поработать и нашим законодателям, и нам в Банке России» (Из речи Председателя Банка России С.М.Игнатьева на XVIII съезде Ассоциации российских банков 6 апреля 2007 г. // http://www.cbr.ru/search/print.asp?File=/press/press_centre/ignatiev_xviii_arb.htm).

были хорошо известны: фактически здесь признается, что монополия государства на установление правил позволяет отдельным приближенным структурам манипулировать законодательством и перекладывать проблемы – за счет лага во времени – на будущих налогоплательщиков. Но сама прибыль есть то что, получено всей страной, всем обществом, каждым членом общества. Злоупотребления же высших чиновников позволяют прикрывать махинации их подручных. Поэтому когда речь идет о государственной поддержке отдельных отраслей или субъектов экономической деятельности, которые работают независимо от государства на свой страх и риск, то встает вопрос о перекосе и в системе распределения, и в системе страховых возмещений тем реальным бенефициарам, которые должны их получать.

Российский исследователь считает, что глобализация придает экономическому кризису качественно новые очертания, поскольку затрудняется выстраивание континуума мировой экономической системы в целом. Следствие глобализации – невиданные риски, встающие перед современным человеком, возрастающая неуправляемость социальных процессов. Вместе с тем глобализация «создает новые возможности, одновременно расширяя диапазон новых угроз. Прежде всего глобализация имеет своим результатом глобализацию кризисов. Бесконтрольная глобализация ведет к потере контроля над кризисами»¹. Наивность такого подхода видна сразу, как только задать такой простой вопрос: а кто, собственно, контролирует глобализацию? Вряд ли сам автор может указать хоть одного субъекта, выполняющего контрольные функции на глобальном уровне. Да и вряд ли кто-либо может указать на феномен контролируемой глобализации.

Французский политолог и идеолог новых правых Ален де Бенуа² подчеркивает, что глобализация создала положение, при котором крупные кризисы распространяются в планетарном масштабе, не встречая сопротивления, по выражению Бодрийяра, «вирусным путем». Вот почему кризис, который начался как ипотечный кризис в США, быстро затронул европейские рынки, начиная с рынка кредита, подведя и американскую, и европейскую экономику к порогу рецессии, если не депрессии³. Но глобализация выступает в качестве важнейшей конструкции социальности, на которой могут сказываться различные кризисы, но они не способны привести к тем катастрофическим последствиям, о которых повествует нам автор.

В чем же состоит действительная роль глобальных процессов в жизни общества XXI в., к каким изменениям в политическом сознании и политической реальности они ведут, каковы социальные предпосылки и последствия этих процессов – вот лишь некоторые из вопросов, которые будут нас интересовать.

Мы понимаем под глобализацией естественный непрерывный процесс развития человечества, которое с помощью существующих у него на дан-

¹ Гаджиев К.С. Мировой экономический кризис: политико-культурное измерение // «Вопросы философии». 2010, №6. С.8.

² Alain de Benoist – французский философ, писатель, политик, основатель и теоретик движения «Новые правые» (Nouvelle Droite).

³ Бенуа Алан де. Трудности только начинаются // <http://www.politjournal.ru/indx.php?action>

ный момент его развития технологических возможностей, позволяют решать насущные проблемы жизни мирового сообщества. На наш взгляд, глобализация представляет собой регион социального творчества, раскрывающий страховые возможности международных структур, она есть способ поиска идентичности (единства, тождества) человеческой цивилизации, включающий в себя:

- универсальное самовоспроизводство социальных связей, которые «должны *выполнять* человека» (М.Мамардашвили);
- воспроизводящиеся устои мира, которые дают людям какие-то исторические гарантии для их собственного развития;
- выстраивание иммунной системы мирового сообщества;
- хеджирование социальных отношений.

Глобализацию можно представить в виде фрактальной конструкции, которая в каждый период развития человечества выполняет одни и те же функции. С помощью знания, информационных возможностей, появляющихся в каждый конкретный период истории, она пытается решить какие-то локальные проблемы, игнорирование которых может привести к глобальным последствиям. Сегодня различные международные структуры и организации выполняют функцию глобального демпфера, смягчающего, например, эпидемиологический удар по телу цивилизации: они распространяют информацию о способах борьбы с болезнями, организуют различные медицинские экспедиции в дальние точки, где возникают очаги заболеваний. В результате вспышки заболеваний, которые в других технологических условиях могли привести к глобальным последствиям, купируются. Точно такая же конструкция возникает и с политическими, и с экономическими рисками. То есть глобализация защищает локализацию, способствуя объединению человеческих усилий и распределению рисков, чтобы исключить сценарий развития, подобный тому, что заложен в принципе домино.

Структуры глобального мира формируются в виде мощных локальных центров, занятых объединением социальных сил и перераспределением возникших социальной реальности рисков. Рассмотрим вопрос о финансовых центрах – кстати, такой центр намерено создать и российское правительство, которое, правда, не учитывает, что в мире естественным образом возникает масса финансовых центров (даже растянутых в часовых поясах) для того, чтобы в случае сбоя в одном центре, можно было проводить финансовые операции на другой площадке, чтобы сообщество не ощущало зависимости от каких-то монопольных структур. Этот пример наглядно показывает, в какой мере глобализация противостоит монополизации.

Стратегия глобализация связана с распределением единых стандартов, с возможностью их коммутирования. Эти коммутативные шлюзы для глобализации представляют собой серьезное техническое и научное достижение человечества. В то же время система глобализации – это система страховки, хеджирования, когда все локальные центры приходят на помощь тому региону, который по различным причинам (природным или политическим) оказался в катастрофическом положении. Так, политический катаклизм, военные действия порождают проблему беженцев, нерешенность которой грозит эпидемиями, различными опасностями для сосед-

них локальных центров. Предотвратить эту угрозу как раз и помогают глобальные структуры современного мира.

Когда на Мировом политическом форуме «Современное государство: стандарты демократии и критерии эффективности» (Ярославль, 2010 г.) обсуждался вопрос о соответствии стандартам демократизации¹, то, в принципе, речь должна была идти не столько об этих стандартах, сколько о том, что я назвал коммуникативными шлюзами, которые сами стандарты могут оценивать, юстировать или, по крайней мере, адаптировать. Или как выразился бы школьник – приводить к общему знаменателю. Иначе демократическим институтам всегда будут угрожать демагогические конструкции, обосновывающие идею особых путей национального развития, которая возникает каждый раз в качестве защитной меры определенных социальных сил и проявляются в виде различных националистических, шовинистических фобий.

Трактовка глобализации как выстраивания иммунной системы мирового сообщества предполагает, что устанавливается защита от аллергии, являющейся реакцией на распространение финансовых или других глобальных катаклизмов, которые могут выступать фоном для выполнения задач, стоящих перед спецслужбами в интересах перераспределения доходов. Выстраивание иммунной системы предполагает осознание уязвимости идеологических установок, согласно которым кризис есть лучшее время для воровства. Многие пытаются использовать кризисную ситуацию как ситуацию фальстарта. То есть любой кризис означает цепную реакцию, подобную эффекту домино, когда каждый пытается первым вырвать из фундамента системы наибольший камень, в результате чего рушится вся система. Это аналог нашего феномена панической скупки соли и спичек, но взятого в мировом масштабе.

Мы определили глобализацию как хеджирование социальных отношений. Хеджирование – это английский термин (*hedge* – ограждать), означаящий страхование валютного риска в банковском, биржевом и коммерческом деле, процедуру страхования себя от возможных потерь, перестраховывания. В сущности, речь идет об операции защиты явных и неявных социальных связей, складывающихся в обществе, о социальном конструктивизме, предполагающем создание «ограды», выполненной на социальных связях, выстроенной с помощью сложнейших сплетений внутри социальной реальности. Хеджирование – своего рода гарант для общества, который обладает свойством выхода за пределы любых конкретных социальных движений и систем. И в этом смысле оно есть социально-культурная универсалия. Образы хеджирования априорно социальные, без обращения к ним не может быть понято ни одно явление в жизни общества. Они социальные в том смысле, что постулируют связность тех, кого сами же и проявляют, а именно социальных субъектов. Хеджирование – это защита того рода связности, который обычно ускользает от анализа,

¹ «Но что такое «международные стандарты демократии»? Было бы неплохо их определить, дабы своевременно поощрять "отличников" демократии и наказывать "двоечников"» (Кучерена А. Деловой еженедельник // «Компания». 2008, №41 (534). См. также: <http://www.argument.ru/interview/podri/12/>).

хотя подобная связность является основополагающей при изучении социального поля.

Ранее под глобализацией понимали различные явления, связанные с территориальной, информационной, научной экспансией, сегодня их характеристика заменена термином «глобализация». Но огромная проблема заключается в том, кто и что вкладывает в этот термин.

Значительное число современных исследователей вкладывают в него смыслы, связанные с научно-техническим прогрессом (компьютеризация, телефонизация, развитие электронных технологий и так далее), проникающим во все сферы жизни современного общества. Так, исследователь из Университета сингулярности (Кремниевая долина)¹, разрабатывающего идею слияния человека с машиной, Реймонд Курвайль считает, что компьютер и Интернет меняют общество значительно быстрее, чем электричество, телефон и телевизор. Следующий грандиозный технологический скачек произойдет, когда медицина и энергетика выйдут на такой же экспоненциальный рост, как компьютерные технологии, когда нанометрические технологии смогут ремонтировать и видоизменять клетки, а мозг будет подключен к компьютерному сверхразуму. В результате биологическая природа человека качественно изменится.

Хотя новые технологии иногда усиливают скорость информационного обмена, но основополагающие идеи, которые фактически связывают субъектов глобализации, остаются сегодня, как и много лет назад, одними и теми же. Развитие новых технологий, возможности, которые они открывают перед человеком, определяют абрис глобализации на том или ином этапе развития человечества. Но многие исследователи уходят от концептуальной трактовки ее, обращаясь в основном к конкретным технологическим описаниям глобализации, что лишь затрудняет понимание ее смысла.

Когда мы говорим о глобализации, то имеем в виду конструкцию социальных связей – весьма многообразных, устанавливающихся между социальными субъектами, отношения между которыми сплетаются в сложную социальную ризому. Для характеристики этих связей не подходят термины «решетка», «графы», «иерархические связи», потому что многие прямые и обратные связи в такой конструкции становятся переплетающимися.

¹ Университет сингулярности (Singularity University) основан знаменитым изобретателем и футурологом Рэймондом Курцвейлем (Raymond Kurzweil) и президентом X Prize Foundation Питером Дамандисом (Peter Diamandis). Название позаимствовано из книги Курцвейля «Сингулярность уже близка», где автор рисует картину масштабных, будоражащих воображение изменений, которые могут произойти в нашей жизни под влиянием стремительной эволюции технологий. Соответствуют названию и задачи университета: подготовить плеяду лидеров и управленцев, которые будут чувствовать себя в новых условиях как рыба в воде. Образовательный курс Университета сингулярности предполагает усвоение десяти дисциплин, которые, по мнению основателей, станут играть главенствующую роль в ближайшем будущем. Среди них робототехника, нано и биотехнологии, прогнозирование, финансы и предпринимательство. Скучать студентам явно не придется, ведь процесс обучения рассчитан лишь на девять недель (с июня по август), а в когорту преподавателей входят такие гиганты мысли, как Уилл Райт и Винт Серф. Причем педагогам предстоит не только давить своим авторитетом на учащихся, но и выполнять вместе с ними творческие задания. («Компьютера». 2009, №6, 10 февраля.).

В глобальном мире возникает социальная конструкция, которая должна, по крайней мере, минимизировать риски, возникающие при переплетении связей между социальными субъектами, представляющими различные формы объединения людей. Конструкция, минимизирующая такие риски и устанавливающая определенные правила минимизации нанесения вреда третьими лицами социальным связям и социальной ризоме, и называется государством. Надстройку над указанной конструкцией, минимизирующую риски между государствами и надгосударственными образованиями как сложными социальными субъектами, мы и будем называть глобализацией. То есть процесс глобализации мы понимаем как выбор точек и разработки алгоритмов социальной страховки и перестраховки в глобальном масштабе. Процесс выстраивания и перестраховывания социальных связей на уровне международных локальностей в объеме всего планетарного универсума и называется глобализацией. Если технологические возможности позволяют рассматривать государственную конструкцию как новый социальный субъект, у которого возникают определенные связи с другими социальными субъектами, то возникают определенные страховые конструкции, которые в рамках глобализационных процессов можно рассматривать как феномен перестрахования. Нерентабельно создавать страховую конструкцию для отдельного индивидуума, защиты его социальных связей. Гораздо рентабельнее выстроить государство как страховую конструкцию, которая позволяет использовать и перераспределять весь потенциал социальных субъектов и их социальных связей в пространственно-временном континууме, в котором существует глобальное общество. И задача государства как страховой конструкции состоит в том, чтобы выполнять это перераспределение. А задача общества как «заказчика» этой страховой конструкции – минимизировать все злоупотребления, которые естественным образом возникают при выполнении указанной функции. В этом и есть смысл социальной справедливости, а не в тех популярных постулатах, согласно которым «государство обязано дать», «государство должно», которые влекут за собой целую серию вопросов: «что такое государство?», «что значит "должно"», «кому "должно"» – тем, кто оплатил свою страховку, или тем, кто временно нетрудоспособен?

В поле перестрахования включаются отростки связей, формирующиеся уже не только на уровне государственных объединений, но и на уровне других социальных субъектов. Множество таких связей иногда называют народной дипломатией или либерализацией законов, валютным регулированием и т.д.

Каким образом осуществляется сегодня страхование социальных связей? Оно происходит прежде всего за счет глобализации, которая позволяет социальным субъектам, например, хранить определенные средства на счетах в банках других государств, а это есть ни что иное, как страховка от странового риска. Перед нами ситуация хеджирования от политических рисков, которые могут возникнуть на территории одной страны. В результате такого страхования возникают сами глобализационные связи.

В чем смысл указанной перестраховки? Любой конфликт или любой наступающий в данной локальности природный, технологический катаклизм, например цунами, приводит к тому, что высокой волной смывает все

банки, расположенные в районе побережья, к парализации экономики страны, но в рамках мировой финансовой системы – глобальной системы – вкладчики банков в стране, испытавшей на себе удар стихии, остаются застрахованными, потому что их активы находятся вне зоны катаклизма.

Обычно глобализацию представляют как некое пространственное расширение, достигающее масштабов всей планеты, но в нашей концепции она трактуется как механизм разрастания, разбухания социальных связей. Насколько важен этот механизм, свидетельствуют браки гражданами различных государств, эти браки тоже представляют собой способ страховки, когда люди переезжают на новое место, чтобы получить гражданство в другой стране.

Глобализация меняет многие традиционные отношения и устои общественной жизни. Скажем, если человек живет в городе, то он, как правило имеет собственную квартиру и определенное место работы. Но характерной приметой общественной жизни в Европейском Союзе стало отсутствие у большой массы населения жилья, находящегося в собственности граждан, – по той простой причине, что вкладывание в собственность не всегда выгодно, ведь она далеко не во всех случаях ликвидна. Реализация жилья на рынке может происходить с потерями, с дисконтированием активов.

Но мобильность населения, аренда жилья возле места работы снимает транспортные, психологические проблемы, проблемы формирования соответствующих локальностей, устойчивых связей, устанавливаемых относительно места работы. Фактически эта мобильность тоже представляет собой страховую конструкцию для граждан.

Точно такая же конструкция может работать и в рамках страны, и на международном уровне. Человек может свободно перемещаться по странам Европейского Союза и формировать свое жизненное страховое пространство там, где у него есть рабочее место. В иных формах это явление имело место и в России, правда, такая мобильность носила иногда насильственный характер. Почему возникают такие миграционные процессы на уровне социальных связей? Как только где-то возникают более или менее оптимальные страховые условия для социальных связей, там сразу же возникают точки хеджирования, перестраховывания этих связей.

Непонимание этих процессов чревато нарастанием тех проблем, которые возникают у нас в области миграционной политики. Институт прописки является абсолютным тормозом, показывающим, что государство как страховая конструкция не в состоянии наладить пассивный контроль за миграцией социальных связей, из-за чего ему приходится проводить на этом поле активные операции, связанные с мерами запретительного характера (прописка, регистрация).

Раньше перемещение в социальном пространстве влекло за собой проблему адресной идентификации. И мы знаем массу связанных с ее решением примеров, которые можно найти в эпистолярном наследии русских писателей: «пишите мне в гостиницу», «я буду там-то». Перемещаясь, человек оставляет всегда свой новый адрес, на который ему пересылают почту. Это вполне естественная страховая конструкция, которая хорошо описана в стихотворении С.Я.Маршака «Почта (Борису Житкову)»: «Письмо

само/Никуда не пойдет./Но в ящик его опусти –/Оно пробежит./Пролетит./Проплывет/Тысячи верст пути/.../– Вот так чудо в самом деле./Погляди, письмо за мной/Облетело шар земной./Мчалось по морю вдогонку./Понеслось на Амазонку./Вслед за мной его везли/Поезда и корабли./По морям и горным склонам/Добрело оно ко мне».

Как только возникает определенное ограничение (прописка), то начинает работать страховая инструмент в форме сокрытия своего истинного адреса, чтобы человека, оказавшегося в ситуации репрессивных действий, не могли найти. Его задача состоит в том, чтобы скрываться, в то время как в открытом обществе скрываться просто не имеет смысла – ведь в открытом обществе минимизированы репрессивно-политические риски и максимизированы гарантии защиты, в том числе и от физического уничтожения – «нет человека, нет проблемы».

Сегодня адресные проблемы уходят на второй план, потому что появляются новые технологические возможности адресной идентификации – например, электронная почта, которая не связана с местом пребывания человека. Она представляет собой определенный информационный страховой инструмент. Примером такой идентификации может служить и телефонная связь, которая сегодня иногда возникает вне юрисдикции той социальной страховой машины, которая не выполняет своих страховых функций.

Подобные ситуации возникают и в хозяйственно-экономической деятельности. Например, практически весь советский морской флот ходил под флагом СССР. Сегодня же весь флот Российской Федерации ходит под флагами тех государств, которые предоставляют для наших судов льготную регистрационную процедуру. Если какая-нибудь структура закупила у нас корабль и хочет поставить его в регистр флага России, то возникают определенные сложности, связанные с оплатой огромного налога (в который входит НДС, таможенные сборы на ввоз этого транспортного судна и другие) и бюрократическими операциями. Такие процедуры создают фактически заградительные меры для регистрации морских судов.

Даже государства, чьи территории отдалены от моря, являются сегодня сильными морскими державами, например Монголия. Напомню, что Монголия не имеет выхода к морю, хотя и наращивает морское присутствие. В настоящее время под флагом этой страны уже ходит 300 судов. Переход Монголии в статус «морских держав» вызвало подозрение ряда организаций, но торговля удобным флагом вряд ли прекратится. Морские амбиции монгольского правительства уже подверглись критике военных экспертов США. Последние заподозрили, что монгольский флот, возможно, используется террористами¹. Сейчас, когда фрахт упал, судовладельцы особенно стремятся минимизировать свои потери и, например, регистрация судна под флагом Монголии может обойтись в 100 тыс. долл. В среднем достаточно трех дней на оформление всех документов. А для того, чтобы ввезти и зарегистрировать судно в России под российским флагом надо еще заплатить прямых и косвенных налогов до трети стоимости самого

¹ За это «великую морскую державу» без выхода к морю подверг критике в газете «Washington Times» директор нельсоновского института международных отношений и общественных связей Университета Мэдисона и по совместительству научный сотрудник Фонда защиты демократии Питер Фам.

судна и потратить гораздо больше времени, чем в Монголии – такие жесткие финансовые требования затрудняют процесс расширения флота судов, использующих российский флаг. Впрочем, эта проблема не является только российской. По данным генерального директора Центрального научно-исследовательского и проектного института морского флота Всеволода Пересыпкина, ситуация давно приобрела глобальный характер. Так, под «удобными флагами» ходит до 90% японского флота, 74% – американского, а в общей сложности в странах «удобного флага» было зарегистрировано более 60% всего мирового тоннажа морского торгового флота. Под монгольским флагом ходит много новых транспортных и пассажирских судов, потому что их регистрация в этой стране проводится на льготных условиях, и вся инфраструктура в этой сфере работает по схеме страхового механизма. Этот пример показывает, что государства в их современном состоянии являются определенным тормозом глобализации. Они не выполняют сегодня страховые функции, которых требует от них социальное и политическое устройство общества. Ведь в современных государствах страховочные функции монополизированы той или иной группой социальных субъектов, которые могут называться по-разному (власть держащие, элита и т.д.). А когда разрушается самоорганизующаяся социальная структура, то возникает монополия, которая в критических ситуациях никогда не работает, потому что она не способна страховать. В нормальной экономической ситуации монополия выполняет роль тормоза, а в экстренной ситуации – это уже не тормоз, а взрывоопасная структура. Монополия напоминает сухое дерево, которое во время урагана может не только упасть, но и раздавить тех, кто находится рядом с ним. Действия любой монополии порождают в критических ситуациях проблему ответственности за принятие тех или иных решений. Непринятие адекватных решений в достаточно сжатые сроки может приводить к достаточно серьезным последствиям, которые общество должно разрешать впоследствии за счет дополнительной оплаты нерасторопности монополий.

Нынешние государства ничего не делают для социального развития, которое должно быть развитием кредитных отношений – этого синонима социальных связей. Кредитные отношения суть отношения кредитора и дебитора по оказанию той или иной услуги; систему учета этих связей мы называем банковской системой.

Полный тотальный контроль социальных связей со стороны государства не дает им развиваться, препятствует созданию новых связей, образующих социальную ризому. Она становится закостенелой, консервативной, негибкой, не развивающейся. Проблемы жизненного цикла этой ризомы связаны, скорее, с генетическим альтруизмом, заложенным в конституцию большинства социальных субъектов, которые, несмотря на неработающие страховые конструкции, все равно формируют все новые и новые социальные связи. Вот эта социальная поросль, по крайней мере, дает возможность сохраняться социальной ризоме.

Тоталитарный контроль со стороны государства предполагает заявительный характер создания и функционирования социальных связей. Но такая практика имеет мало общего с природой информационного общества, общества знаний. Естественно, все люди заинтересованы в том, чтобы

информация накапливалась, в результате чего становится более привлекательной жизнь в том или ином сообществе. Этатистские же структуры представляют собой не страховую конструкцию, а распределенную гильотину, которая «обрубает» социальные связи, что ведет к деградации общества. В результате тоталитарный контроль со стороны государства только усиливается – это напоминает математическую модель совместного существования двух биологических видов (популяций) типа «хищник – жертва», полученную А.Лоткой и В.Вольterra и описывающей ситуацию с «карасями» и «щучками», плавающими в изолированном пруду: если увеличивается количество щук, то численность карасей падает. Но уменьшение «карасинового» состава общества ведет к тому, что начинают вымирать государственные «щучки», тогда включается механизм репрессий, потому что не хватает «карасей» для содержания «щук». Вследствие этого возникает революционная ситуация, при которой «щук» меняют на «карасей».

Задача социальных наук состоит в том, чтобы сломать представление о государстве как непонятной властной конфигурации с неопределенными функциями и характеристиками. Не выдерживают критики суждения о таких отличительных признаках государства как единая территория, единое языковое пространство. Ведь любые пограничные языковые связи разрушают миф о едином языковом пространстве. Именно граница и представляет собой инструмент разрыва отношений между государствами как страховыми конструкциями, хотя многие исследователи усматривают суть глобализации в беспрецедентном увеличении проницаемости национально-государственных границ в глобальном масштабе, что ведет, с их точки зрения, к широкомасштабному рассредоточению собственности, богатства, знаний, науки, информации, технологий, а значит, к диффузии и перераспределению относительной геополитической мощи между государствами и регионами. Но ошибочность такого рода представлений очевидна, ибо сама граница есть инструмент разрыва связей между государствами как тоталитарными или унитарными единицами.

Если в старые времена из санитарных границ формировались границы национальных государств, то современная глобализация пытается стереть их. В глобальном мире границы должны играть именно санитарную или заградительную функцию, вставая на пути распространения пандемий. Но они ни в коем случае не должны играть социально-заградительную или социально-политическую роль.

Поэтому исключительно важной теоретической задачей является выявление тех механизмов и условий, при которых современное общество, вся человеческая цивилизация может обеспечить необходимый уровень хеджирования для своего существования и развития, нивелируя вероятные отрицательные последствия социальных рисков, сглаживая возможное обострение конфликтов на социальном пространстве. Все это предполагает необходимость формирования обществом такой страховой конструкции, которая не допускала бы чрезмерной концентрации власти в руках отдельной социальной группы, создавала условия для ее рассредоточения или децентрализации.

При этом социальным субъектам нужно четко осознавать, что в любом случае за все, в том числе и за необходимую страховку или гарантию, при-

дется чем-то заплатить. Сам термин «хеджирование», по существу, означает распределение рисков и затрат, а, соответственно, и выгод между всеми членами общества, но проблема в том, чтобы найти оптимальный вариант такого распределения, а это крайне трудно даже чисто теоретически. Поэтому задача социальной политики заключается в создании механизма минимизации негативных последствий от любых форм обеспечения социального страхования (понимаемого в широком смысле слова). Основным критерием выработки такого механизма, в конечном счете, будут являться темпы социально-экономического развития общества и раскрытие все новых сторон и возможностей для развития личности, сохранение такого уровня свободы, который бы всегда оставлял шанс для появления направлений развития, которые просто невозможно заранее предугадать.

Одно из возможных условий эффективного «социального хеджирования» заключается в том, чтобы риски, связанные со страхованием каждого отдельного члена общества, как и ответственность по их купированию распределялись бы между членами общества равномерно, чтобы предотвратить ситуацию, при которой плодами страхования пользовались бы одни члены общества, а ответственность несли другие. Только после акта такой ответственности в социальном мире могут появиться, например, юридические нормы, правовые формализмы, все то, что делает возможным совместное пребывание человеческих существ.

В любой хедж-конструкции общественного развития должны присутствовать элементы добровольного и принудительного принятия членами общества ответственности за риск. Принудительный элемент страхования обеспечивается государственной властью. Однако необходимо четко осознавать, что данное принуждение может быть как обоснованным, так и необоснованным. Сам факт необходимости принудительного элемента страхования не означает наличие обоснованного права со стороны государственной власти в произвольном порядке требовать от членов общества внесения страховых взносов (в том числе и в виде налогов). Необходимость принудительного страхования нельзя сводить к наличию нерационального поведения со стороны индивидов, которые пытаются действовать на «авось», рассчитывая на то, что с ними тот или иной страховой случай не произойдет, а, следовательно, сами не в состоянии позаботиться о себе в трудной ситуации. Наоборот, было бы нерационально и вредно для общества в целом, если бы каждый индивидум создавал для себя необходимый уровень страховой защиты (в виде соответствующих материальных и денежных запасов), ограничивая возможности использования имеющихся в обществе ресурсов. Поэтому и поведение индивидов, стремящихся свести свои страховые взносы к минимуму, следует признать вполне естественным; и государство не должно требовать от членов общества внесения обязательных страховых взносов (включая налоги) в объемах, которые тормозят социально-экономическое развитие.

Не следует смешивать два рода социальной защищенности: ограниченную и абсолютную. Первая достижима для всех и должна рассматриваться не в качестве привилегии, а в качестве законного права каждого члена общества. Абсолютная защищенность, которая не может быть предоставлена всем, а, следовательно, выступает только в качестве привиле-

гии, допустима в свободном конкурсном обществе лишь в некоторых исключительных случаях для отдельных категорий лиц (например, для обеспечения независимости судей). Говоря о необходимом уровне социального страхования, речь, конечно, прежде всего нужно вести о гарантированном минимуме для всех, о защищенности, определяемой неким стандартом уровня жизни, о помощи членам общества, ставшим жертвами непредвиденных трагических событий, стихийных бедствий и других несчастий, их человек не в силах ни предусмотреть, ни избежать. Вместе с тем для современного общества в условиях усиления процессов глобализации в высшей степени серьезной проблемой, отсутствие решения которой чревато крайне негативными последствиями, является обеспечение страхования на случай глубоких структурных изменений и спадов экономической активности. Такие изменения неизбежно сопровождаются ростом массовой безработицы и обострением социальной напряженности. Это требует формирования страхового механизма, позволяющего не только сглаживать негативные последствия, связанные с поражением тех или иных участников в конкурентной борьбе, но и препятствовать формированию монополий, поддерживать рыночные конкурентные принципы хозяйствования. Особое значение в настоящее время приобретает страхование современных денежных инструментов, выступающих в виде денежных обязательств коммерческих банков, которые на данном этапе являются основной формой денег. Речь идет не просто о страховании депозитов граждан в коммерческих банках, а о страховании, которое обеспечивает саму возможность выполнения современной формой кредитных денег всех денежных функций (включая функцию средства сбережения). Эта форма страхования предполагает обеспечение стабильности функционирования развитой двухуровневой банковской системы при недопущении ее монополизации, сохранении конкурсных начал, межбанковской конкуренции. Суть этой формы страхования заключается в том, чтобы в случае банкротства банка потери несли только его собственники, инвесторы и лица, рассматривающие свои вложения в банк как источник получения дополнительного дохода; но обязательства банка перед клиентами и вкладчиками в том объеме, в котором они выполняют для них денежные функции (средства расчетов, средства платежа и средства сбережений), не должны уничтожаться даже при ликвидации самого банка.

От того, насколько членам общества, всем акторам глобализации удастся создать и активизировать весь страховочный пояс общества и цивилизации, т.е. застраховать их субъектов при выполнении ими жизненно значимых действий, и тем самым – минимизировать социальные риски, зависят условия обеспечения социальной стабильности, перспективы глобального развития. Поэтому важнейшее направление теоретизации социального знания связано с проникновением в суть процессов, ведущих к возникновению и распределению опасностей, которые в той или иной степени постоянно угрожают любому обществу. Общество социальной защищенности – это и есть общество распределенного, т.е. минимального риска для всех его членов, или общество минимального риска социального распада. Это определение можно рассматривать в качестве исходной эмпирической основы социально-стохастической теории как развитой формы ор-

ганизации социологического знания, дающей системное представление о закономерностях и существенных связях, равновероятных и равновероятных событиях в социальной реальности. Эту теорию можно рассматривать также как теоретический инструмент для анализа ситуаций неопределенности в общественной жизни и предсказания будущих событий.

В этой связи мы хотим обратить внимание на то, что социальная наука практически всегда упускала из виду описание общества, его особенностей и уровня развития, основанное на исследовании господствующей формы денег¹, условий, при которой та или иная форма денег выполняла свои функции. Такие упущения явственно проступают и при анализе современных глобализационных процессов. В нынешних дискуссиях о причинах кризису глобализации, иногда встречаются положения о необходимости вернуть деньгам их истинную природу – формализованного права требования как подтверждения долговых обязательств. Если встать на нашу точку зрения относительно природы денег, то требование вернуть деньгам истинную природу фактически означает, что людям и человеческим отношениям нужно вернуть их истинную природу. Те, кто выдвигает указанные положения, рассуждают о подтверждении и обеспечении долговых обязательств чем-то реальным – от товаров и услуг до полезных ископаемых, а не только военной силой и правом печатания денежных знаков, не учитывает одного – в процессе формирования долговых обязательств всегда участвуют несколько сторон: кредитор, дебитор и иногда – гарант. И, кстати, военная сила – это тоже услуга, и достаточно реальная. Да и право печатания денежных знаков тоже представляет собой достаточно реальное обеспечение. Ведь деньги как конструкция, а не банкнота, – это, в сущности, формализация нотариального документооборота, который описывает социальные связи в обществе.

Возникают целые институты, которые занимаются такой формализацией, – банки. Но если у представителей властной группировки отсутствует понимание того, чем занимаются банки, то они своими неадекватными действиями порождают ситуацию разделения этих банковских институтов на различные депозитарные, нотариальные, инвестиционные, расчетные структуры, сберкассы для того, чтобы не наступал конфликт интересов, когда карты балансов складываются вместе.

Многие исследователи считают, что вопросы выполнения деньгами своих функций относятся исключительно к экономической науке. Между тем, представления, бытующие среди представителей социальных наук, о том, что есть какие-то чисто экономические задачи, изолированные от других жизненных задач, являются ошибочными. Конечные цели деятельности человека всегда лежат вне экономической сферы. Строго говоря, не существует и особых «экономических мотивов», если, конечно, не рассматривать под ними иррациональные интересы к накоплению богатства у «скупых рыцарей». Даже

¹ В своей трактовке денег я опираюсь на концепцию социальной природы денег, разработанную моим отцом В.В.Мартыненко в ряде монографий: *Мартыненко В.В.* Неизвестная политика банка России. М., 2004; *Мартыненко В.В.* Кальдера государственной власти. М., 2005; *Мартыненко В.В.* Наступающая политология. М., 2010.

если экономику понимать в узком смысле – как производство, обмен и распределения материальных благ, то и в этом случае экономика представляет собой только совокупность факторов, влияющих на наше продвижение к иным целям. Можно согласиться с Фридрихом Хайеком¹, что экономические мотивы означают «лишь стремление к обретению потенциальных возможностей, средств для достижения каких-то еще не определившихся целей»². Однако мало кто из экономистов понимает необходимость четко различать форму денег от сущности денег, которая проявляется в их функциях, а также то, что за денежной формой скрываются условия реализации кредитных отношений в обществе. К сожалению, в сознании основной части нашего общества глубоко укоренилось представление о природе денег как о каком-то, пусть и особом, товаре. Для ряда «теоретиков» деньги по-прежнему ассоциируются исключительно с золотом. Для неискушенного в теории современного человека представление о деньгах близко к обыденному пониманию их как монет или бумажных купюр, выпускаемых от лица государства центральным банком. В нашей стране такое поверхностное представление о деньгах выгодно многим представителям государственной власти, некоторые ее структуры позиционируют себя в качестве главного источника денег в обществе, указывая на свою исключительную роль в борьбе с инфляцией и в деле поддержания стабильности валютного курса рубля. При этом сознательно камуфлируется и социальная природа денег, и необходимые условия, без соблюдения которых современная форма денег не способна существовать и эффективно функционировать.

Между тем, сущность денег невозможно понять, если не учитывать их кредитную природу, а также природу самого человека, его место во взаимоотношениях в социуме, то, что находится вокруг нас в социальной ойкумене глобального мира. Отношения, которые скрываются за формой денег, характеризуются системой прав и обязанностей, формирующейся в процессе появления относительно самостоятельных и свободных социальных субъектов, а также разделения труда между отдельными членами общества и социальными группами. При этом появление определенной формы денег есть результат часто неосознанного поиска людьми таких отношений, которые бы в наибольшей степени соответствовали экономически обоснованному распределению между ними прав и обязанностей при том или ином уровне производства, обмена, распределения и потребления товаров и услуг в рамках процесса разделения труда.

Деньги лежат в основе функционирования глобальной системы прав и обязанностей, определяющей условия взаимодействия членов общества в процессе разделения труда. С одной стороны, они представляют собой право на получение определенной доли национального дохода и национального богатства, а с другой – свидетельствуют о вкладе в его создание. Для того чтобы деньги могли быть носителями указанного права, это право

¹ Friedrich August von Hayek – австрийский экономист и философ, представитель новой австрийской школы, сторонник либеральной экономики и свободного рынка.

² Хайек Ф. Дорога к рабству. М., 2005. С.104.

должно быть подкреплено общественным признанием того, что оно было получено в результате деятельности, которая использовалась на создание товаров и услуг, необходимых другим участникам общественной жизни. Иными словами, каждому праву на получение определенной доли имеющихся в наличии товаров и услуг должна противостоять ответственность по внесению вклада в создание того, что часто характеризуется не совсем корректным понятием «национальное богатство». Только в случае соблюдения в долгосрочном плане соответствия указанных прав (на получение товаров и услуг) и обязанностей (по внесению своего вклада в их создание), деньги и могут эффективно выполнять свои функции (меры стоимости, средства обращения, средства платежа, средства сбережений, мировых денег). Проблема, однако, в том, что всегда существовала и существует заинтересованность значительного числа членов общества, но особенно – представителей государства, получать как можно больше прав при меньших объемах выполнения обязанностей и меньшем вкладе. В этих целях государство всегда стремилось монополизировать денежную эмиссию в своих интересах. Если таким попыткам не оказывалось противодействия со стороны общества, то это неизбежно отрицательно сказывалось не только на качестве используемой формы денег – приводило к их обесценению и порождало ситуацию, когда та или иная форма денег не могла выполнять своих денежных функций, но и вело к подавлению гражданского общества. В конечном итоге это всегда вызвало острейший экономический и политический кризис в обществе.

Как известно, любые нарушения соответствия прав и обязанностей, ответственности при выполнении общественно значимых функций неизбежно приводят к деформации в выполнении данных функций. И деньги в этом отношении не являются исключением из правил. При этом многое зависит от того, в какой форме указанные права могут и должны быть представлены для того, чтобы они отвечали интересам производителей и потребителей товаров и услуг, поддержанию процесса расширенного воспроизводства. Форма, в которой данные права количественно фиксируются, могут использоваться в качестве средств расчета, платежа и средства сбережений, и определяет форму денег.

Роль денег в обществе, в формировании глобальной экономики нельзя переоценить. Не совсем точным (если не сказать – совсем неточным) является сравнение денег даже с кровеносной системой экономики. В действительности, наличие и качество денег, то, как они выполняют свои функции, во-первых, отражает адекватность или неадекватность функционирования системы прав и обязанностей между членами общества, а во-вторых, является необходимым условием сбалансированности всех частей экономического и социально-политического организма государства и общества, возможности его сохранения и дальнейшего развития. При этом каждому этапу социально-экономического развития общества соответствовала и соответствует своя форма денег, наилучшим образом позволяющая реализовать на практике их функции.

Монополизация государством денежной эмиссии на практике всегда означала и означает стремление власти установить контроль над целями развития общества, существенно затрудняя (а временами и уничтожая)

возможности наиболее эффективной самореализации индивидов, экономических субъектов, отдельных производств, отраслей, стран и регионов. В современном обществе основной формой ограничения возможностей человека является ограничение его доходов. Поэтому многие люди основную вину за свое бедственное положение возлагают на деньги, рассматривая их в качестве источника этих ограничений. Но причина при этом смешивается со следствием. Правильнее видеть в деньгах, с учетом их изменяющейся формы, величайший из когда-либо изобретенных человеком инструмент и показатель реализации его свободы. Наличие денег, как и свобода, включают в себя в качестве составной части право выбора и связанные с этим риск и ответственность. В то же время, благодаря деятельности государства, а также других поддерживаемых им монополистических образований и социальных групп, используемая форма денег может превращаться в фактор закабаления человека. Правда, в этом случае указанная форма денег рано или поздно сама перестает выполнять денежные функции, обесценивается и замещается другой денежной формой, восстанавливающей в той или иной степени свободный обмен результатами деятельности между членами общества.

Все это позволяет понять, почему рассуждения о глобальных процессах, игнорирующие социальную конструкцию денег, кредитные отношения и структуры хеджирования, бесперспективны. Это хорошо видно не только на примере экономических и экологических, но и философских исследований глобализации. Спор с теоретическими позициями, заявленными в некоторых и таких исследованиях, позволяет нам глубже развернуть собственный подход к анализу социальной диаграммы глобализации.

В этих работах бросаются в глаза прежде всего старые стереотипы мышления, всплывающие при философском анализе глобального мира. Его образ набрасывается авторами в качестве политического паттерна, складывающегося после окончания холодной войны. Символ ее окончания – падение Берлинской стены. Описывая интеллектуальную ситуацию, которая сложилась в тот период, когда рухнула граница между Востоком и Западом, Михаил Рыклин¹ пишет: «Неосмысленная потребность в границе после 11 сентября 2001 г. заставила глобализованный мир вступить в бой со своей собственной тенью, вести войну, где нет критериев победы»². Но это, как и ему подобные рассуждения, не имеют никакого отношения к глобалистике, а свидетельствуют лишь о непонимании того, что такое глобализованный мир и что такое граница в глобализованном мире. Во-первых, социальность – а глобализация есть один из ее существенных параметров – никогда не ведет войну сама с собой, войну с собственной тенью. Войну с идеологическими призраками нельзя даже назвать войной. Глобализация же, напротив, всегда поддерживает состояние мира в обществе, она представляет собой феномен расширения обществом защиты своих социальных связей.

¹ Российский философ. В 2006 г. в переводе на немецкий вышла его книга «Mit dem Recht des Stärkeren. Russische Kultur in Zeiten der «gelenkten Demokratie», которая получила награду Leipziger Buchpreis zur Europäischen Verständigung.

² Рыклин М. The Postcommunist Condition // «Синий диван». Философско-теоретический журнал. Вып. 14. М., 2010. С.143.

В чем же тогда был основной смысл разрушения «железного занавеса», «берлинской стены», которая является метафорой «железного занавеса». Разрушение «берлинской стены» являлось апофеозом разрушения «железного занавеса» вокруг конструкции Советского Союза, которая возводилась на ее страховом фундаменте, состоявшем из элементов так называемой общенародной собственности. Властная элита Советского Союза могла управлять, но не могла владеть. Это положение позволяет понять суть основного конфликта, который изнутри разрывал страну: он заключался не в противостоянии, как это нередко утверждается, между властными элитами, коммунистической партией, с одной стороны, и народом, с другой, а именно в этом разрыве между управлением и владением.

Коммунистическая партия как дублирующий страховой механизм государственной тоталитарной машины не справлялся с задачами социального страхования. Правда, в Советском Союзе имелось даже не два, а три дублирующих механизма: само государство, партия как страховой механизм, которая фактически являлась дубликатом государственного устройства, и репрессивный аппарат. Все эти три механизма дополняли друг друга, направления их деятельности во многом пересекались. Создать монополичный партийный блок, который дублировал властные структуры государства, необходимо было потому, что государство как страховая конструкция не выполняло своих функций. Советские правители никак не могли решить простейший, казалось бы, вопрос: кто будет сторожить наших сторожей? Поэтому и поставили над чиновничьими и партийными структурами еще и репрессивный аппарат.

Но даже такое тройное дублирование функций не спасало положения, а выстроенная на его основе страховая конструкция была непрочной. Она все равно должна была разрушиться: или перестало бы хватать заключенных для лагерей, или перестало бы хватать охраны, чтобы охранять этих заключенных. Конфликт порождался внутренними противоречиями советской страховой системы, концепция выстраивания которой была ошибочной. Рассмотрим в качестве примера широко практиковавшиеся в СССР государственные внутренние займы, сопровождавшиеся мощнейшими агитационными кампаниями. Что представлял собой государственный заем в ситуации отсутствия кредитных инструментов, когда в Советском Союзе, как, впрочем, и по ту сторону пресловутого «железного занавеса», деньги не выполняли свою социальную функцию? Советское государство могло выпускать сколько угодно облигаций, печатать сколько угодно денег, потому что они не обеспечивали социальные связи. И не случайно так остро стояла в стране проблема материалов для промышленности, проблема фондирования, а решить их было невозможно, поскольку люди фактически оказались в лагерной системе. Одному лагерю выделяется определенное количество материалов, которые произвел другой лагерь – так совершается лишь обмен между этими лагерями, но не создается страховая конструкция. По этой причине в обществе не работают и социальные связи. Но если не созданы условия для социального развития, для зрелых кредитных отношений, то сам государственный заем в такой ситуации выступает просто плевком в лицо здравому смыслу.

Концепт страховки, ее смысловой перспективы, столь редко встречающийся в тезаурусе социологии, является незаменимым элементом концеп-

та самой социальности. Ведь каждый социальный субъект, устанавливающий связи с другими членами общества, все время пытается выстроить систему собственной безопасности, приобретая в этом процессе опыт, изменяющий лик социальности в направлении глобализационной активности: уже коллективные, общечеловеческие усилия приводят на определенных уровнях к глобализационным страховым кластерам.

Пограничная проблема, проблема того, что М.Рыклин называет неосмысленной потребностью в границе – это, как мы уже отмечали, есть проблема консервации глобальных процессов, потому что граница как раз и представляет собой инструмент разрыва отношений между структурами глобального мира, прежде всего между государствами. Когда мы говорим о границе, мы фактически говорим об альтернативе глобальности. В глобализованном мире граница является не линией национального суверенитета, а, скорее, санитарным кордоном, хотя многие исследователи полагают, что в глобальном транснациональном мире суверенитет национального государства всего лишь постепенно сужается, а решения, принимаемые по тем или иным жизненно важным для его граждан вопросам за пределами государства, нередко приобретают большую значимость, чем решения, принимаемые властями самого этого государства. Этот кордон предназначен для решения задач по социальному хеджированию, чтобы предотвратить быстрое распространение эпидемиологических угроз по всему миру.

Возьмем такую глобальную проблему, как борьба с терроризмом. Предотвратить террористическую угрозу не может ни одна граница. Пересекая границу в аэропорту, пассажиры во время полета находятся *de facto* в поле действия принципа экстерриториальности, хотя воздушные границы¹ существуют *de jure*: в этом зазоре и открывается возможность для нанесения террористических ударов, скажем, захват самолета и таран им различных наземных целей, что и произошло 11 сентября 2001 г. в США.

Поэтому рассуждения о том, что глобализированный мир вступил в бой со своей собственной тенью, что ведется война, где нет критериев победы, вряд ли имеют какой-либо смысл: отсутствие критерии победы означает только одно – у исследователя нет определения войны. Война без критериев победы – это уже не война, а событие саморефлексии. Другое дело, что в войне победитель и побежденный иногда меняются местами – это всегда настолько связанные позиции, что одно трудно отделить от другого. Победитель и побежденный меняются местами, потому что любая война предполагает конфликт внутри системы социальных страховок, а в этой системе социальные связи настолько переплетены, что очень трудно выделить победителя и побежденного. Скажем, мать, потерявшая своих сыновей, которые собственной жизнью заплатили за победу, чувствует себя победителем или не чувствует? Она может награждаться орденами, ей

¹ Воздушные границы – это условные вертикальные плоскости, проходящие по государственным границам, расположенным по сухопутной, водной и морской территории государств. Считается, что высотный предел воздушных границ находится на высоте не более 100–110 км над уровнем Мирового океана.

могут присваивать звание «Мать-героиня»¹, но, по сути, она проигравшая. Она не сможет выполнить роль, которая отведена ей социальной страховкой в жизни – продолжение человеческого рода.

К тому же, сложно определить и сам критерий победы, потому что непонятно, в чем заключается смысл победы. Любые военные действия представляют собой возмущение социального поля, и те, кто вовлечен в это состояние социальной бифуркации, как правило, не ставят своей целью одержать победу в войне. Как они могут ставить такую цель (несмотря на то, что предлагаются, как правило, варианты превращенного целеполагания), если не способны оценить катастрофические последствия, которые могут вызвать их действия?

В какой-то локальной структуре, которая производит это возмущение, эти критерии победы могут каким-то образом формулироваться. Но когда волна возмущения поднимает целые социальные группы и вал многопараметрических социальных взаимоотношений начинает набирать критическую массу, то, естественно, критерии победы, выдвинутые этой группой, расплзаются. Кроме того, рассмотрение критерия победы вне временного интервала абсурдно – а все параметрические возмущения как раз и развертываются во времени.

В качестве примера военных действий можно привести то возмущение, которое произвела нацистская партия в тридцатые годы прошлого века в немецком обществе, а затем – в европейском мире, и далее – в мировое сообществе. Но когда возросла критическая масса социальных взаимоотношений в Европе и во всем мире, когда к ее нарастанию начали присоединяться другие параметры, то изначальная задача, поставленная немецкими национал-социалистами, расплылась. Можно даже прямо сказать, что критерий как таковой в реальной жизни общества нереализуем.

Правда, в своем суждении о неосмысленной потребности в границе М.Рыклин, возможно, имеет в виду не реальную границу, а границу как символ идентификационных процессов: ведь современными государствами постоянно ставятся задачи по обновлению идентификационных инструментов, механизмов пропуска через границу и идентификации тех, кто ее пересекает.

Положения некоторых западных исследователей о том, что падение Берлинской стены поколебало основы интеллектуального сотрудничества между Западом и Востоком², достаточно уязвимы, поскольку в них изначально задается дихотомия глобальной культуры, дихотомия западной и восточной культур, т.е. культур по обе стороны от Берлинской стены.

На самом деле сторонники указанной точки зрения разделяют широко распространенное заблуждение. Ведь при идеологическом описании культуры всегда возникает то, что можно назвать задачами организации возмущения. И действительно, мы видим, что все идеологически насыщенные описания культур Востока и Запада, их различия строились путем

¹ Примечательно, что данное звание было учреждено Указом Президиума Верховного Совета СССР 8 июля 1944 г. в годы Великой Отечественной войны, забравшей миллионы жизней.

² *Buck-Morss S. Dreamworld and Catastrophe. The Passing of Mass Utopia in East and West. Cambridge, L., 2000. P. 227–228.*

организации идеологического текста вокруг принципа возмущения, следование которому вынуждало одну сторону постоянно провоцировать другую. В России время от времени пытались придумать что-то такое, на что Запад мог дать адекватный ответ, и наоборот. Холодная война и гонка вооружений – яркое тому подтверждение. Как считает Сюзан Бак-Морс¹, представители властной и интеллектуальной элиты некогда противостоявших сторон в общих чертах воспроизводили официальную поляризацию между дискурсами Запада и Востока, хотя с течением времени картина усложнялась: «"Восток" призвал на помощь все стереотипы "холодной войны" для того, чтобы охарактеризовать свое полностью уникальное, полностью тоталитарное прошлое, в то время как "Запад" озвучивал стандартную характеристику капиталистической культуры потребления, насаждавшуюся в СССР задолго до гласности. Но ни одна из сторон не желала уступить позиции в этом карнавальном представлении в духе риторики времен "холодной войны"...»².

Если согласиться с тем, что Восток призвал на помощь все стереотипы «холодной войны», то нужно прежде всего уяснить, о каких, собственно, стереотипах идет речь, что такое холодная война? Это война-имитация, война блефов, война потенциалов, которая велась с использованием определенной дезинформации – достаточно вспомнить нашумевшую историю с осуществлением американского проекта звездных войн, широко разрекламированного с помощью компьютерной графики. В СССР всерьез принимали фактор звездных войн. Отечественная промышленность была ориентирована на создание инструментария звездных войн, дело дошло до изобретения лазерного оружия. Чисто теоретически было понятно, как применять этот вид оружия, но технологически выполнить эту задачу было непросто, поскольку для того, чтобы сфокусировать пучок лазера, должна аккумулироваться энергия, для использования которой необходим один маленький термоядерный взрыв, но в космическом пространстве. Сконструированная термоядерная установка имитировала накачку реактора и разрядку энергии, которая шла на формирование лазерного луча.

Поэтому и возникла Берлинская стена как конструкция различных подходов к идеологическому описанию культур Востока и Запада. В принципе, формирование любой заградительной конструкции, будь то стена на местности, или интеллектуальная стена, – это свидетельство того, что отсутствуют аргументы в пользу глобализационного диалога. Или отсутствует желание вести его. Фактически стена является демонстрацией монополии на информацию. Аналогичную роль в прошлом играла и Великая китайская стена, которая представляла собой запретительную конструкцию. Конструкция стены выявляет не различие подходов к описанию культур Востока и Запада, а попытку ухода от латентного диалога к дискретному. Но как только возникает дискретный диалог, то сразу же появляются и различные описания культур.

¹ Susan Buck-Morss – современный американский философ, социолог и политолог; профессор политической философии и социальной теории Корнуэльского университета.

² *Buck-Morss S. Dreamworld and Catastrophe. The Passing of Mass Utopia in East and West. Cambridge, L., 2000. P.236–237.*

Глобализация своими перманентными контактами создает то, что называется реальным диалогом. Прекращение этого реального диалога с помощью идеологических манипуляций влечет за собой постройку конструкций типа стен – этого рудиментарного образа защитной конструкции, напоминающей меловой круг Хома Брута¹, который не хотел участвовать в диалоге с нечестью, представшей в его воспаленном воображении. В чем смысл высказывания Вия: «Поднимите мне веки»? В арабском языке слово *вака* (отсюда и русский термин *веко*) – означает «беречься», «защита», поэтому фактически в этой фразе речь идет о снятии антропоморфной защиты с Хома Брута, который из-за нервного потрясения лишился разума.

Гоголевский сюжет можно взять в качестве аналога того, что происходило с Берлинской стеной. Представим себе, что Хома Брут – это СССР и его сателлиты. Мы построили берлинскую стену, в гоголевском варианте – бурсак Хома нарисовал мелом круг вокруг себя. Дальше на протяжении определенного периода (у Гоголя – этой страшной ночи, когда Хома пытался защититься от самого себя) мы стремились защититься от реальной жизни, которая протекала на уровне социальной страховки «за стеной» – в виде чудовищ, которых рождали советские превращенные формы.

Только в отличие от «Вия», у нас действие происходило не в течение трех ночей, а в течение нескольких десятилетий-ночей, которые в совокупности свое и охватывали период холодной войны. Хоме казалось, что панночка своим гробом бьет в эту стену. В этом можно обнаружить сходство с компьютерными версиями звездных войн, на которые СССР должен был каким-то образом реагировать. И реагировали мы так, что довели до обнищания всю страну, явившуюся аналогом лишившегося разума киевского бурсака. По существу, холодная война является сиквелом этого гоголевского произведения. Ведь не было прямого столкновения Брута с нечестью, как не было прямого столкновения СССР и США, и в произведении Гоголя, и в ситуации холодной войны столкновение противостоя-

¹ Хома Брут – главный герой мистической повести Николая Гоголя «Вий», впервые опубликованной в сборнике под названием «Миргород» (1835). Традиционно считается, что название повести – это имя славянского демонического существа, с которым и связан ее сюжет. Дух, несущий смерть. Имея огромные глаза с тяжелыми веками, *Вий* убивает своим взглядом. Вий не может ничего видеть сам по себе, но если удастся нескольким силачам поднять ему брови и веки железными вилами, тогда ничего не может утаиться перед грозным его взором: взглядом своим Вий убивает людей, разрушает и обращает в пепел города и деревни. Эдакий демонический гиперболоид славянской мифологии. В этнографии высказывается допущение, что именно с образом Вия связано поверье о сглазе – о том, что от плохого взгляда все гибнет или портится. В одной из сказок встречается упоминание о том, что Кощею Бессмертному поднимают веки семью вилами. Существует два предположения о происхождении имени Вия: первое – украинское слово «*вїй*» (произносится – «вийи»), что в переводе с современного украинского языка – «ресницы». И второе – со словом «виться», так как образ Вия напоминает какое-то растение: ноги его овиты корнями и весь он покрыт засохшими кусками земли. Исследователь народного творчества Александр Афанасьев видит в Вие отражение древнего и могучего божества славян, именно Громовика. Согласно исследованию Д. Молдавского, имя Вия возникло у Гоголя в результате фонетического смешения имени мифологического властителя преисподней Ния и украинских слов: «*вія*» – ресница и «*повіка*» – веко. Мы впервые выскажем гипотезу, объясняющую название повести.

щих сторон дано на уровне блефа, на уровне дезинформации, манипулирования общественным мнением и идеологической демагогии. Получается, что Хома играет роль СССР, а Вий – роль Америки. «Холодная война» – это яркий аналог психоза и алкогольного делирия¹ бурсака Хома.

Допустим, мы в поле ставим стену и почему-то нам кажется, что трава с одной стороны стены и трава с другой стороны вырастает разной. В действительности же, разными будут условия описания и условия обработки этих участков поля, или ландшафтные решения: кто-то сделает дорожки, кто-то подстрижет траву. Но сама-то трава одинаковая, чего как раз и не понимают, когда противопоставляют западную культуру восточной культуре. На самом же деле, такое противопоставление есть способ решения идеологической задачи дистанцирования этих культур друг от друга, или их идентификации.

Таким образом, сама постановка указанной идеологической задачи предполагает резкое, доходящее до разрыва, разграничение культур. Но человеческая культура всегда одна и та же, потому что в процессе своей жизнедеятельности люди решают одни и те же материальные и духовные задачи: питаться, растить новые поколения, воспитывать и обучать их, выстраивать мир культуры. Тем самым фактически страхуется культурная среда обитания, а сами страховые условия как раз и демонстрируют состояние культуры. Поэтому разделение на Восток и Запад работает лишь на уровне идеологического описания культуры. Когда сломали берлинскую стену, то через несколько лет стало ясно, что носители восточной и западной культур ничем не отличаются друг от друга: восточные и западные немцы – это одни и те же немцы, хотя каждая сторона сохранила свои традиции воспитания и образования, которые снимаются или передаются в современных условиях².

Для характеристики реалий холодной войны принципиальное значение имеет характеристика советского опыта. Михаил Рыклин не склонен относить его к постколониальной эмпирии, поскольку в роли колонизатора выступала сама советская система, мыслящая себя в качестве образования, предназначенного для того, чтобы социально трансцендировать капиталистический опыт. Но жизнь показала беспочвенность таких притязаний. «Чтобы поддерживать воображаемые представления о себе, СССР нуждался в границе с самого начала. В итоге капитализм как конкурирующий проект в глазах значительной части советской интеллигенции расплылся, деполитизировался, приобрел черты «нормальности» в противоположность «извращенности» той единственной жизни, которую она знала. Можно считать это предсказуемой реакцией на насильственность большевистского

¹ *Delirium tremens* – буквально в переводе с латыни «трясущееся помрачение», жаргонное наименование «белочка», «белка» – белая горячка алкогольная.

² Сегодня, когда мир отмечает двадцатилетие *Tag der Deutschen Einheit*, это абсолютно очевидно. День немецкого единства – с 1990 г. национальный праздник Германии – отмечается в соответствии с Договором об объединении ФРГ и ГДР 3 октября в день объединения Германии. После первых многопартийных выборов 1990 г. основу для объединения двух германских государств положил Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии (также именуемый Договор «Два плюс четыре»), по странам, подписавшим его: ГДР и ФРГ плюс Великобритания, Франция, СССР, США).

правления. Как бы то ни было, между двумя видами опыта, чье единство глубоко переживалось в 1920 гг. лучшими умами по обе стороны границы, образовалось знание, заполненное самыми фантастическими ожиданиями. Взаимные проекции нарабатывались десятилетиями, и отмирать они будут также медленно, так что истина нынешней интеллектуальной ситуации откроется существенно позднее. В промежутке одной стороне будет трудно избежать демонизации и одновременно банализации опыта другой стороны. Коллективистский советский опыт был привязан к буржуазному индивидуализму самим фактом *глобального противостояния* ему, ибо претензия на тотальное отрицание чего-то является наиболее известной фигурой тождества»¹. Но если в научных исследованиях рассматривается Советский Союз, то всегда, как правило, рассматривается капиталистическая система, как конкурирующий проект, хотя это явный идеологический, пропагандистский прием. Ведь очень сложно определить, что такое капитализм и что такое капиталистический проект, особенно если мы будем давать это определение вне марксовских и ленинских определений формаций – феодализм, социализм, капитализм.

Мы более детально структурируем общество с точки зрения того, насколько успешно государство выстраивает страховые отношения и как конструкции денег реализуют социальные связи, которые возникают в обществе. Если с этой стороны посмотреть на анализируемую проблему, то следует признать, что в СССР и в Западной Европе фактически строились аналогичные социальные системы.

Правда, у нас, как и на Западе, государственно-общественный конструкт, представляющий иллюзию страховой конструкции, социально-политически не артикулируется. В зависимости от тех или иных кризисов общество несет громадные потери, и люди на Западе попадали в столь же критические ситуации, как и советские люди.

Почему в советский период мы жили хуже? Плохое качество жизни объясняется только социальным ограничением потенциальных возможностей человека. Советские люди жили практически в лагерной ситуации, получали гарантированную пайку за рабский труд, растрачивая свой личностный потенциал. На Западе же была создана определенная страховая конструкция, оформившаяся в виде не совсем того, что называется правом частной собственности. Тем не менее какая-то форма этого права существовала, но и она требовала установления достаточно жесткой страховой конструкции со стороны государства. На каких-то локальных этапах попытка выстроить страховую конструкцию работала в виде социальных гарантий, но как только происходил конфликт интересов государства как перераспределительного инструмента, то оно – независимо от того, было ли оно восточным или западным – спокойно жертвовало свободами граждан по обе стороны от Железного занавеса.

Если советское государство принижало граждан на уровне закона, каких-то тюремных репрессий, то западные государства делали тоже самое на уровне приватизационных процессов, на уровне социальных кризисов,

¹ Рыклин М. The Postcommunist Condition // «Синий диван». Философско-теоретический журнал. Вып. 14. М., 2010. С.153–154.

финансовых крахов, начиная с великой депрессии в США и кончая экономическими проблемами 70-х гг. Правда, наши теоретики практически не ассоциируют эти процессы с денежными конструкциями, которые описывают социальные связи.

Кризис 1970-х гг. – это фактически крушение Бреттон-Вудской системы, представляющей собой инструмент, который не описывает глобальные возможности денежных конструкций. Эта система на каком-то этапе своего развития отработала свой ресурс и неизбежно должна была разрушиться, потому что в ней масса параметров не стыковалась друг с другом. И неудивительно, что возникают такие направления, как кейнсианство, фридманство, утверждаются монетарные, либеральные принципы государственного управления. В экономике и политике происходит идейное шараханье из стороны в сторону. Как правило, при всех кризисах, которые случались в истории человечества, раздавались голоса, требующие усилить государственное влияние на общественные процессы. Но после того, как это влияние усиливалось, кризисы опять случались, тем не менее, все надежды снова возлагались на «жесткую руку».

Подобные стратегии выхода из кризиса базируются на ошибочной концепции, реализация которой и приводит к неразрешимым проблемам. Советские люди постоянно задавались вопросом, почему они так плохо живут, хотя многие так не считали. К последним относились представители небольшого круга, который пользовался узурпированными правами – номенклатура в советское время. И на Западе при определенных обстоятельствах была создана подушка безопасности, которая позволяла людям выжить в пору кризиса. То, что у Маркса называется эксплуатацией, при капитализме пытаются анонсировать как эксплуатацию работника менеджером, забывая при этом проблематичность феномена эксплуатации в тех страховых конструкциях, которые возникают в условиях капиталистического развития, а именно акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью.

Что такое акционерное общество? Это та же страховая конструкция, которая позволяет осуществлять кредитование тех или иных проектов, не нанося ущерб всему имуществу акционеров. Этот ущерб допустим только в рамках возможности потери стоимости акций. Но при такой страховой конструкции многие работники становятся и владельцами компании. Достаточно вспомнить пример банка Morgan Stenli, в котором в период после Великой депрессии все работники и менеджеры получили в совокупности больше контрольного пакета акций.

За другой стороной железного занавеса, в СССР, была аналогичная ситуация. Здесь выстраивалась в виде того, что мы привыкли называть социализмом, специфическая страховая конструкция, в рамках которой выгодополучатели получали не все страховое возмещение, а тот минимальный набор, который позволял держать их в повиновении. Основное выгодополучение приходилось на тонкую прослойку (номенклатура) с ее исполнительным органом, отношение к которому символизировалось лозунгом: «Да здравствует наше родное советское правительство и его руководители, наши дорогие товарищи...» За этим органом к тому же было закреплено и право перераспределять страховые взносы.

Вопрос о том, почему мы плохо живем, всегда относительный. Сегодня россияне оказались в той же ситуации, в которой жили советские люди по ту сторону железного занавеса. Многие граждане России также недовольны своим материальным положением, потому что сегодня происходит большое расслоение среди населения России, несмотря на то что российская пропаганда во всех красках расписывает, как плохо жить на Западе, сколько там бездомных. В России ранее не существовало понятия БОМЖ (лицо без определенного места жительства), которое появилось только в условиях, когда была сломана старая страховая конструкция, а при выстраивании новой страховой конструкции стали делать прежние ошибки. Причем, такая смена не сопровождалась осознанием того, что это именно страховая конструкция, такое осознание замещается различными иллюзиями, терминологическими изысками.

Поэтому, когда М.Рыклин говорит, что капитализм как конкурирующий проект в глазах значительной части советской интеллигенции расплылся, приобрел черты «нормальности», и усматривает в такой установке предсказуемую реакцию на насильственность большевистского правления, то надо отдавать себе отчет в том, что сама насильственность заключалась в выдаче минимальных гарантий, которые все равно при каких-то сбоях не работали. Но они создавали иллюзию всеобщей социальной страховки. Правда, последняя работает, когда перераспределение происходит независимо от управляющей элиты в соответствии со страховым взносом, который называется налогом.

В СССР же имело место то, что мы привыкли называть уравниловкой, которая предполагала установление минимума выживаемости на грани (как, например, на Кубе, где кубинцам на год выдавались одни штаны и одни ботинки, и основным доход для них являлись чаевые) и права перераспределять в интересах узкой прослойки лиц. Все эти конструкции преподносятся в качестве идеологически зашоренных. Поэтому многие представители указанной прослойки просто получали увеличенное выгодополучение, но не были допущены к принятию глобальных решений.

И только в ситуации социально-психологического потрясения, столкновения с реальной действительностью идеологически зашоренный высокопоставленный чиновник, думавший что он работает ради народа, наконец-то осознавал, что на самом деле он работает на ближний круг власти. При этом он не имел никакого представления о том, что такое народ, что такое общество, как действуют в нем социальные субъекты и как функционируют социальные связи. Указанный минимум выживаемости поддерживался за счет того, что советская система давала возможность дозировать информацию – а это уже идеология, т.е. право ограничения доступа к глобальным базам данных – как к научному знанию, так и к информации. Эти ограничения были связаны с запрещением книг западных авторов, зарубежных информационных блоков, а цензура представляла собой инструмент реализации этих ограничений.

Исследователи полагают, что поскольку советское общество вышло за пределы истории, «а капитализм – это часть истории, то, возвращаясь в его лоно, общество возвращается не в будущее, а в прошлое, по сути, в дореволюционное состояние. Если для постколониальных стран капита-

лизм – их будущее, то для современного российского общества он – давным-давно пройденный этап, забытое прошлое, вновь возникающее на социальном горизонте, как мираж»¹. Этот пассаж лишней раз свидетельствует о том, что разница между социализмом и капитализмом заключается не в каких-то онтологических принципах, а лишь в описании понимания социальных процессов, но сами предметные области такого описания являлись одними и теми же, просто несколько отличались условия страховых конструкций и принципы управляемости.

Тезис о том, что если для постколониальных стран капитализм – будущее, то для современного российского общества – это давным-давно пройденный этап, свидетельствует о том, что модель развития общества базирующаяся на структуре общественно-экономических формаций – первобытность, рабство, феодализм, капитализм, социализм (развитой социализм, социализм с человеческим лицом, коммунизм) – не совсем конструктивна и адекватна. Значит, проблема не в формациях, элементы каждой из них сосуществуют в любом социальном организме. В Советском Союзе, если рассматривать его с формационной точки зрения, сосуществовали одновременно и коммунизм (за кремлевской стеной), и капитализм (движение «цеховиков» и подпольных предпринимателей, «ласково» поименованное спекулянтами), и феодализм (колхозы и совхозы, особенно в южных республиках), и рабство (пенецитарная система, комсомольские стройки), и первобытнообщинный строй (везде). Отсюда можно сделать вывод, что построенная Марксом и Энгельсом схема общественно-экономических формаций не совсем адекватно описывает ситуацию в обществе, в конечном счете она приводит социальную науку к ложным выводам. И Октябрьская революция, и семидесятилетний период советской власти, и постсоветский период – все они связаны только с тем, как в той или иной локальности выстроена система страховых защит. Ведь социальные связи не ложатся пластами, как геологические пласты, они сложным образом переплетены в обществе.

Фактически в России при социализме на бытовом уровне существовал капитализм: действовал принцип «ты – мне, я – тебе», возникла система услуг, которая не фиксировалась не контрактами и денежными отношениями, а другими эквивалентами и устными договорными отношениями.

Капиталист говорил: «мое слово – вексель», он может по телефону заключать сделки. Но и советские люди тоже заключали такие же прямые сделки, и в этом смысле жили как при капитализме. Человек кому-то оказывал определенную услугу, а тот доставал ему билеты в театр или бесплатную путевку на отдых. Государство пыталось играть с этими силами: работниках одних предприятий предоставлялась профсоюзная скидка на путевки в дома отдыха, а работникам других предприятий такую скидку нет.

¹ Рьклин М. The Postcommunist Condition // «Синий диван». Философско-теоретический журнал. Вып. 14. М., 2010. С.159–160.

На Западе, если у человека есть деньги, то он может поехать, куда ему захочется. Деньги здесь – мерило его социальных связей. В России был тот же самый эквивалент – взятка: Русская конституция – взятка¹.

Следовательно, на уровне анализируемого философского дискурса прощупает полное непонимание того, что происходит в реальности. Философы считают, что на Западе был капитализм как система. Но о чем свидетельствуют суждения Печчеи, Киссинджера и Бжезинского о конвергенции? Ведь сама возможность конвергенции² говорит о том, что капитализм и социализм имеют нечто общее, раз из можно сблизить. Принципы этих систем одинаковые, различно лишь их описание.

После Октябрьской революции как способа захвата власти Советская Россия тем не менее начинает дружить с Германией, налаживает торговые отношения со всеми странами. Это значило, что мы от них ничем не отличались. Советская власть с ними торгуем, но у себя выстраивает другие отношения социальной страховки, пытается организовать их по-другому. Советское государство, с одной стороны, вроде бы ликвидировало реализацию права частной собственности, но, с другой стороны, право собственности на рабочую силу, на интеллект оставалось.

Другое дело, что страховая система, система страхового отбора социального развития не работала. Она была ориентирована на социальное уничтожение. И сам СССР существовал только за счет временного лага. Дело в том, что за этот период был уничтожен не весь интеллектуальный потенциал – ученые, военные специалисты и так далее. Это потенциал веками накапливался в российской образовательной системе. Даже если в советской стране не могли создать какие-то технологии, то могли их скопировать с западных образцов, что и делали, особенно после победы в Великой Отечественной войне в 1945 г. Это был захват, копирование технологий, разработанных на Западе, под видом того, что мы победители. Поэтому рассуждать о том, что на Западе было нечто принципиально отличное от того, что существовало в России, некорректно.

Идеология как монополия на знание становится малоэффективной, когда технология получения информации переходит на другой уровень и границы тоталитарного государства не являются препятствием для получения, скажем, той или иной информации во «всемирной паутине».

¹ Выражение принадлежит главному редактору и владельцу (с 1876 г.) газеты «Новое время» Алексею Сергеевичу Суворину (1834–1912). Накануне первой русской революции в либеральном сообществе страны много говорилось о необходимости принятия конституции, которую в то время заменяли Свод законов Российской империи и собственно практика монархического правления (принятие указов, фаворитизм и пр.). А.С.Суворин указывал, что даже конституция мало что может изменить в строе русской жизни, потому что он определяется многовековыми традициями, среди которых практически отсутствующий общественный контроль за соблюдением законов и как следствие коррупция и взяточничество. И они в итоге окажутся сильнее норм любого формального закона.

² Идея конвергенции оформилась в работах Дж.Гэлбрейта, У.Ростоу, П.Сорокина (США), Я.Тинбергена (Нидерланды), Р.Арона (Франция) и многих других мыслителей. В СССР в эпоху господства марксистско-ленинской идеологии с идеями конвергенции выступал известный физик и мыслитель – диссидент А.Сахаров. Он неоднократно обращался к руководству страны, призывая покончить с «холодной войной», вступить в конструктивный диалог с развитыми капиталистическими странами для создания единой цивилизации с резким ограничением милитаризации.

Современная законодательная база (например, в Китайской Народной Республике, в Российской Федерации) пытается каким-то образом, по крайней мере, бороться с экстремистскими высказываниями в Интернете, с сайтами различной направленности, с различными неудобными для государственных структур позициями. И не потому, что они развиваются в глобализационном процессе, а потому что процессы глобализации представляют собой процессы страховки – ведь обмен знаниями является одним из инструментариев таких страховых конструкций. Китаю сейчас очень трудно устанавливать идеологические нормы на базы данных, потому что все могут выйти в Интернет. Многие имеют доступ в Интернет через спутник, который обходит национальные границы. Остается только вопрос цены. И когда эта цена снижается, способы доставки из международных баз данных становятся дешевыми, тогда рушится вся идеологическая конструкция как монополия на знание.

Одновременно рушится и вся система секретности. Все закрытые технические задания на разработку материалов рушатся, потому что все они есть в открытом доступе. Поэтому многие побеждают в конкурентной борьбе, особенно в области программирования: открытый доступ, открытие поисковые системы – из всего этого извлекается доход в процессе массового распространения продукта, путем размещения рекламы.

Поэтому рассуждать об этих явлениях в рамках философской терминологии, не используя коэффициенты перехода из одной системы в другую, нельзя. Проблема поиска описания общественных связей, описания общества и государства – это проблема поиска систем соразмерности, необходимых для понимания явления терминологической разношерстности в научных исследованиях.

В противоположность требованию культивации национальных идентичностей «постсоветскому человеку нечего предъявить в качестве опознаваемой идентичности: если таковая и существует, то состоит она из весьма известных западных конструкций (марксизма, ориентации на удовлетворение растущих потребностей рабочих в противоположность самовозростанию капитала и т.д.). Короче говоря, в постсоветской идентичности нет ничего экзотического, ничего такого, что было бы легко интегрировать в мозаику становящегося глобального мира»¹. В приведенном фрагменте можно оспаривать едва ли не каждое положение. Что значит «потребности рабочих»? О каком конфликте рабочих и собственников может идти речь, если в современных условиях рабочие на предприятии тоже становятся его собственниками: тогда что это за конфликт, в котором человек воюет с самим собой?

Аналог процессам глобализации авторы находят в некоторых советских конструктах, типа «советский народ» как сверхнациональная общность, «социалистическая культура», национальная по форме и социалистическая по содержанию, крушение которых и привело к распаду Советского Союза. «Другими словами, получается, что все это мы как бы уже проходили. Мы, в отличие от постколониальных народов, не впервые забираемся

¹ Рыклин М. The Postcommunist Condition // «Синий диван». Философско-теоретический журнал. Вып. 14. М., 2010. С.160.

на небеса глобализированного мира, а наоборот, спускаемся с небес на землю, возвращаемся из трансгисторического состояния в историю»¹. Что касается постколониальных народов и терминологии, связанной с колонизацией, то следует подчеркнуть, что вся проблема заключается только в территориальной или денежной экспансии. Когда интуитивно начали понимать, что денежная экспансия с точки зрения рентабельности обходится дешевле, чем территориальный захват, то тогда и стала возникать колонизация на уровне государств с помощью кредитных инструментов. Например, западные государства заставили Исландию набрать критическую массу кредитов, для чего и была создана целая программа имитации развития мировой экономики: безудержно росли все цены, которые потом резко упали. Фактически перед нами классический случай аферы – колониального захвата суверенного государства без единого выстрела.

Если следовать терминологии авторов, то Исландия – суверенная страна, но, по сути, она колониально зависима, вся находится в долгах: ей навязали кредиты, проекты строительства алюминиевых заводов, электростанций, которые работают на термальных водах. В итоге произошло фактическое банкротство страны, право эксплуатации национальных богатств, право собственности на эти структуры переходят в руки иностранных компаний. Или возьмем другой пример. Панамский канал в свое время находился в концессии, но давление на страну с помощью кредитных ресурсов и борьбы за право управлять этим каналом привело к тому, что не только в Панаме, но во всем регионе происходит один переворот за другим. Тем не менее Панама не колониальная страна, ее никто не захватывал.

Нерентабельность использования труда рабов в северной части США явилась причиной отмены рабства в этой стране. Свою роль здесь сыграли идеологические причины, связанные прежде с конструкцией прав человека и т.д., но исчезло рабство как нерентабельная экономическая конструкция.

Что касается крепостничества в России, то это совершенно другая проблема, чем та, которая дебатруется в обществе. Проблема крепостничества – это проблема приписки к тем земельным участкам, которые фигурировали в системе сбора налогов в натуральной форме. Поэтому если бы дело обстояло так, как нам обычно представляют крепостную зависимость (одни владели другими), то проблемы крепостничества и не вставало бы в теоретической плоскости. В действительности же, это была проблема государственного управления, связанная с поиском способов перехода на другую форму сбора налогов. Получается, что Александр II просто отменил сам феномен приписки и вместо нее установил регистрацию. В намерения Александра I также входила отмена крепостничества, но эти реформаторские чаяния были похоронены под ворохом бюрократических сомнений в возможности сохранить управляемость империи. Новая конструкция заключалась в том, что теперь не помещик (налоговый агент) сдает налог государству и получает вознаграждение, а сам крестьянин. То есть нерентабельной стала система финансирования государством получения

¹ Там же.

налогов в товарной форме, потому что начали развиваться кредитные отношения, которые гораздо эффективнее стимулируют социальное развитие. И старая система налогообложения являлась для него тормозом, государству стало гораздо легче собрать налоги в денежной форме. В этой связи необходимо было изменить форму институтов прописки, адреса, паспортов.

Ведь мы привыкли считать, что крепостными были только крестьяне. Но у любой палки – два конца: своеобразными крепостными были и помещики, они жестко зависели от полицейско-авторитарной системы. Им даже приходилось испрашивать, например, у властей разовый документ на проезд. У помещика тоже не было идентификационного документа (паспорта). Для того чтобы поехать в столицу, он должен был выписать документ, который разрешал ему на время выехать из своей губернии. Вспомним казанского помещика Василия Ивановича, дородного и немолодого помещика – главного героя произведения Ф.К.Сологуба «Тарантас», который ждет на каждой станции разрешения проехать¹. Мы привыкли считать, что у помещика были все права, что не соответствует действительности. Полицейское государство устанавливало контроль над свободным перемещением по стране всех без исключения.

Государство вводит прописку, прописную систему, потому что не может плавно сканировать социальные связи. Оно не может идентифицировать каждого человека. И в современной России огромной проблемой является выстраивание паспортной системы в реальном масштабе времени. У россиян нет единого идентификационного документа: имеется паспорт, водительские права, офицерская книжка, военный билет. У граждан США есть идентификационная карта и иностранный паспорт. В Швейцарии тоже существует идентификационная карточка, а водительские права называются лицензией на право управления автомобилем. Это как экзаменационный лист, а не удостоверяющий личность документ. Но ни в одной западной стране нет внутреннего паспорта. В России до сих пор не выстроена система, в реальном масштабе времени идентифицирующая личность. Сейчас важнейшая государственная проблема – проблема идентификационного документа. Мы пытаемся выйти в Шенгенскую зону, поэтому разрабатываем паспорт с микрочипом, дактилоскопией, но у нас нет идентификационной карточки, где хранятся все данные о гражданине.

¹ Выдача подорожных по казенной и частной надобности и сборы за последние поперстных денег производилась по правилам, которые были изложены в общем губернском учреждении, уставе о службе по определению от правительства и уставе о пошлинах. При выдаче подорожных в канцеляриях военных генерал-губернаторов Санкт-Петербурга и Москвы взыскивалась за весь путь сумма дорожного сбора; получавшие подорожные от всех прочих губернских начальств и из уездных казначейств должны были предъявлять подорожные на первой шоссейной заставе и уплачивать причитающийся дорожный сбор за все расстояние, которое предстоит проехать. При выдаче подорожных число лошадей назначалось по чину и званию каждого. На почтовой станции подорожная записывалась в шнуровые книги. Почтовые лошади отпускались проезжающим по их словесному или письменному требованию во всякое время дня и ночи, причем проезжающие обязаны объявить на станции о своем звании и фамилии, а также куда едут; лица, едущие по казенной надобности, если желают воспользоваться предоставленными им преимуществами, должны представить удостоверение или предписание своего начальства о командировании их по делам службы.

Если в какой-то стране Евросоюза у гражданина той или иной страны есть идентификационная карточка, то тогда при его поступлении на работу ее просто сканируют. При приеме на работу нигде заполняют анкет, как у нас. Там анкета заполняется автоматически путем сканирования вашей идентификационной карточки, что снимает проблему подлогов, подделок. Существует особая кодировка для идентификации – штрикод. Но если у нас нет идентификационной карточки, то это значит, что у нас нет картирования социальных связей, нет социального сканирования общества. В таких условиях социальная страховка не работает.

Что такое перепись населения? Если в стране разработана система автоматического сканирования, то не нужна никакая перепись населения, потому что она идет в автоматическом режиме с учетом всех, кто рождается и умирает. И потому общество постоянно располагает пульсирующей базой данных.

Все эти проблемы с идентификацией и порождают ситуацию, при которой мы не можем определить, скажем, какие потери понес СССР в период Второй мировой войны: не сохранилось входящих и исходящих данных в базе данных сороковых годов. За прошедшие шестьдесят лет мы не можем дать оценку потерь, хотя у нас сохранились архивы. Но при этом возникает масса идеологических проблем: нельзя все идентифицировать, потому что тогда всплывут те связи, которые покажут, что, например, кто-то из руководителей партии или бывшего советского государства имел совсем не то происхождение, какое нужно.

Третий мир, в представлении авторов, «является продуктом глобализации, но там она выдается за ликвидацию отставания, в то время как *социальное отставание* от СССР десятилетиями предлагалось ликвидировать самому Западу. Другими словами, в 1991 г. рухнуло то, что сначала выдавалось за образец для подражания, а затем рассматривалось как альтернатива капиталистическому пути развития, как попытка положить предел универсальным притязаниям капитализма. Ее сухим остатком является нынешний антиглобализм»¹. Но вся эта терминология: «третий мир», «альтернатива капиталистическому пути развития», «первая или четвертая республика» и так далее весьма натянута, она не отражает никаких реальностей современного мира. А нынешний антиглобализм является, скорее, конструкцией спецслужб, предназначенной для поддержания определенной управляемости мировыми процессами. Это напоминает ситуацию с принятием военного бюджета в Америке: нужно раздуть угрозу национальной безопасности, чтобы получить определенные ресурсы, которые превышают уровень опасности. Точно так же и антиглобализм необходим как управляемое движение.

Антиглобализм напоминает вариант футбольных фанатов. Их организовали определенным образом, посадили в автобус, вывезли в страну, в которой они сыграли свою роль, побуянили – не побуянили, но после этого их сразу вывезли обратно домой. Это напоминает ситуацию, когда в Москве проводился матч с «Челси»: английские болельщики прилетали

¹ Рыклин М. The Postcommunist Condition // «Синий диван». Философско-теоретический журнал. Вып. 14. М., 2010. С.161.

самолетом, оформляли визы. Но в России полицейское государство, и наши органы знают, как вести себя в такого рода ситуациях. В аэропорту англичан посадили в автобусы, в каждом из которых находилось по двое милиционеров. Болельщиков подвозили только к алкогольным точкам, где они изрядно выпили и здесь же в автобусе уснули. Когда их привезли на стадион, то разместили группами по отсекам, а после матча не дали им разойтись, сразу же погрузили в автобусы и доставили к самолету. В нашей стране ведь этапирование отработано – можно даже сказать, что мы мастера этапирования. Российская инспекция безопасности дорожного движения работает только на сопровождение властных кортежей и никто из ее сотрудников не отслеживает дорожную ситуацию.

В трактатах отечественных глобалистов можно встретить утверждение о выпадении России из истории, которое тем не менее являлось ни чем иным, как «реализацией истории, более того, главным историческим событием XX в. За семьдесят с лишним лет закрытости советский способ мышления приобрел экзотические черты: будучи продуктом самой длительной террористической практики прошлого века, сформированной страхом и отчаянной борьбой за выживание, этот стиль мышления стал испускать импульсы, непосредственно непонятные собеседнику, не имеющему аналогичного опыта»¹. Но перед нами образец полного абсурда. Если исходить из логики рассуждений цитируемого автора, то совершенно невозможно понять, почему советский способ мышления приобрел экзотические черты. Ведь когда социальный субъект попадает в новую социальную ситуацию, он адаптируется к ней в течение короткого периода. Евреи выезжали из СССР, мигрировали в Израиль или в США, и они сразу же адаптировались к американским реалиям, даже не выучив английский язык. Так в чем тогда заключается экзотичность мышления?

В принципе, здесь нетрудно обнаружить непонимание автором того обстоятельства, что ситуация с искусственным выращиванием врага – это не только чисто советская, но мировая ситуация: такое выращивание было необходимо и поднимающемуся американскому капитализму, который переходил от сырьевой модели развития к информационной. Американцам нужна была конструкция, которая бы обосновывала их притязания на мировое лидерство. Но в то же время на уровне различных социальных параметров эта конструкция могла разрушиться в одну минуту. Ни российские, ни западные исследователи до сих пор не могут понять, почему вдруг возникла «холодная война» сразу после окончания Второй мировой войны, когда русские и американцы были союзниками. Почему вдруг Черчилль 5 марта 1946 г. в Фултоне произнес свою знаменитую речь: «На картину мира, столь недавно озаренную победой союзников, пала тень...». И это говорилось тогда, когда ничто вроде бы не предвещало перемену в послевоенных отношениях? Российские политики говорят, что Запад первым начал «холодную войну», и мы последовали за ним. Но проблема-то была совсем в другом, а именно в том, чтобы правящим элитам и на Западе, на Востоке удержаться у власти. А для этого нужны были новые бюджет-

¹ Там же.

ные вливания. Как формировать новые бюджеты, если врагов нет, если все враги оказались побежденными? Нужно было наращивать военный потенциал, потому что Советский Союз победил фашистскую Германию, не та разбивка социальных явлений. В социальной области нельзя вести анализ в категориях экономических формаций. Сегодня ни один исследователь не может определить, что такое капитализм и уж тем более – социализм, не говоря о коммунизме.

Итак, нельзя, как это делает М.Рыклин, рассуждать о социальных процессах в терминах капитализм и социализм. Это просто не та градация, не та разбивка социальных явлений. В социальной области нельзя вести анализ в категориях экономических формаций. Сегодня ни один исследователь не может определить, что такое капитализм и уж тем более – социализм, не говоря о коммунизме.

В душах советских людей поселился страх выживания, который заменял социальную страховку. Это был страх всеобщего молчания, круговой поруки. Но и на Западе страх потери работы, страх потери заработка тоже был стимулирующим индикатором социальной страховки.

Русских называют бесшабашными, им, мол, наплевать на законы. И это во многом так, потому что у нас основной закон – закон социальной страховки – был нарушен. На Западе же граждане вроде бы законопослушны, но и они воспитаны в страхе потерять работу, что связано с потерей социальной страховки при нарушении закона.

С точки зрения Запада, в России суперкапиталистическим примером был синдикат ГУЛАГ. Не архипелаг, а синдикат ГУЛАГ, т.е. промышленное производство, в котором платой работнику было продление жизни. Причем, жестко устанавливалась фиксация срока заключения – в среднем пять – десять лет. Судебный приговор на 25 лет выносился очень редко, потому что такой срок был нерентабельным. Когда человеку давали 25 лет без права переписки, этот приговор являлся своеобразным кодом: человека расстреляют. Хотя всегда теплилась искра надежды. То есть социально стыдно было даже информировать о расстреле, поэтому человека приговаривали к 25 годам, а он умирал в лагере или его расстреливали, но это уже никому в синдикате ГУЛАГ не было интересно. Лишение свободы на 10 лет без права переписки фактически являлось требованием отдать долг Родине – отработать на Синдикат. Двойная бухгалтерия была везде и всюду.

Если отсутствует понимание, что такое общество, в чем его идентичность, если не осуществлен грамотный переход к понятию государственности, то возникает масса текстов, подобных тому, что написан Рыклиным, в которых о социальных феноменах, о процессах глобализации говорится на уровне метафоры.

Фредрик Джеймисон¹ вписывает процесс возникновения глобализации в контекст современной исторической ситуации как ситуации совершенно новой в человеческой истории, выделяя в этой ситуации наряду с глобализацией и ряд других уникальных черт: созревание потребительского капитализма, наряду с финансовым, постсовременность, доминирование цифровых или информационных технологий. Но в действительности никакой новой исторической ситуации в современном мире не возникает. С точки

¹ Fredric Jameson – американский литературный критик и теоретик марксизма.

зрения зарубежного исследователя, все выглядит так, как будто раньше ничего не было, и вдруг ни с того, ни с сего начала возникать какая-то глобализация. Причем, он не говорит, что он понимает под этим социальным явлением.

Но все дело в том, что и в прошлом в мире происходила унификация социальных процессов. Возьмем лишь один из аспектов глобализации как страхового механизма цивилизации, который имел место в прошлом – как и сейчас, тогда тоже возникала проблема синхронизации или идентификации стандартов, которая как раз и высвечивает проблему хеджирования социальных ситуаций. Ведь для совершения торговых операций необходимо были устанавливать стандарты мер и весов. В Европе были одни стандарты, в Азии – другие. Если торговцы знали систему пересчета, то они уже были застрахованы от обмана при получении планируемой прибыли, которую пытались получить от торговли, от обменных операций. В сущности, это уже была глобализация, предполагавшая обмен информацией как инструмент выполнения страховых функций, связанных с защитой, минимизацией определенных рисков.

Относительно суждений автора о созревании потребительского и финансового капитализма, можно отметить, что сам термин *потребительский капитализм* явно неудачен, а финансовые или кредитные черты отмечают облик любой социальной реальности, поскольку выполняются по схеме оказания социально необходимых услуг. Здесь можно поставить такой вопрос: разве существует непотребительский капитализм? В любых социальных условиях встает проблема обеспечения жизнедеятельности человека, которое и предполагает потребление определенных продуктов питания, выстраивание элементов защиты населения. Поэтому можно сказать, что потребительский капитализм, как его обычно пытаются представлять, – это страховой капитализм, как раз и изобретающий структуры обеспечения жизнедеятельности.

Другое дело, что то, что называется потребителем обществом, связано с феноменом развития технологии производства товаров и услуг, позволяющей снижать их стоимость: в этой ситуации человек не оценивает с жесткой критичностью, насколько ему необходим тот или иной товар или продукт, он понимает, что его доход перекрывает потери и риски оказаться не с теми товарами, которые ему необходимы для жизнедеятельности. Потребительский шопинг исполняет и другую социальную роль – социальной терапии: покупая разрекламированные товары, человек приобретает другой социальный статус. Вообще, «общество потребления» – это не совсем корректный термин, потому что общество всегда потребляет. Одна из характеристик общества заключается в потреблении тех средств защиты, которые необходимы для выживаемости человека – как биологическом, так и психологическом, физиологическом смысле.

Под постсовременностью автор понимает феномен доминирования цифровых или информационных технологий. Но информационные или цифровые технологии доминируют в любом обществе. Другое дело, что способы их репрезентации в различные периоды значительно отличаются друг от друга. Когда в экономической деятельности использовались счеты, то доминировали цифровые технологии с помощью подсчета. Когда

появился арифмометр, начали считать на арифмометре. Но самое главное заключается в том, что основной интерес представляла именно информация. Тот, кто обладает информацией, тот правит миром. Общество – сложнейшая информационная структура, которая всегда живет в условиях использования информационных технологий. Обострение любого конфликта связано с применением информационной технологии, потому что нужно, чтобы вовлеченные в него стороны, по крайней мере, проговаривали какие-то условия его ведения. Даже объявление войны – это уже акт использования информационной технологии. Поэтому исследователь постоянно путает возможности технологической реализации и суть процессов технологического развития общества.

С точки зрения Фр.Джеймисона, новая историческая ситуация ставит условия современной художественной репрезентации. Он пытается дать ответ на вопрос, почему обсуждение указанной исторической трансформации, включающей в себя и глобализацию, должно быть сколько-нибудь значимым для визуальной культуры? «Ответ состоит в том, что эстетическая доминанта этой новой системы уже не является литературной, или вербальной, но представлена визуальной культурой, культурой образов и визуальных симулякров, которая находит свое излюбленное выражение в кино и видео (когда она принимает нарративную форму). В этот новый исторический момент, как говорят, нас забрасывают тысячами образов в день, и мы живем в «обществе зрелища», где образ стал конечной формой овеществления товаров»¹. Но вопрос о визуальной культуре как эстетической доминанте современности достаточно спорен. Ведь технологическое развитие позволяет ускорить культурные процессы и формировать новые способы общения и обмена информацией. Например, сегодня блогерская культура – это уже прошлое, хотя год назад она представлялась символом современности. Поэтому вряд ли обосновано суждение о том, что сегодня визуальная культура является доминирующей. Ведь в современной культуре не меньшую роль играет текст, языковая конструкция. Проблема языка в рамках глобализации – это проблема унификации стандартов, терминологии. Экспансия терминологии идет вслед за экспансией технологических решений. Осуществляя то или иное технологическое решение, человек пытается его описать, для чего и создаются новые терминологические константы, новые слова и выражения, которые становятся стандартными, иногда они даже не переводятся на другие языки, а в оригинальном виде транслируются и репрезентируются в них.

Сказанное справедливо и в отношении такой формы репрезентации как документалистика и картография, и в отношении восприятия их образов в условиях глобализации, которая трансформировала и их субъект, и их объект. Ведь, как считают исследователи, ничто в статическом образе земного шара с множеством границ и множеством национальных государств, создаваемом, например, в картографии, не свидетельствует о структурных заменах старых национальных реальностей на реальности империализма, о новых отношениях глобализации, осуществляемых через фи-

¹ Джеймисон Фр. Репрезентация глобализации // «Синий диван». Философско-теоретический журнал. Вып. 14. М., 2010. С.15.

нансовый капитал и инвестиции. Сосредоточиваясь на теме ущерба, причиняемого глобализацией, автор приводит в качестве примера документальный фильм Стефани Блэк о Ямайке, который называется «Жизнь и долги» (2001). Фильм, считает он, демонстрирует результаты катастрофического воздействия международных финансовых и коммерческих структур, прибегающих к бросовому экспорту и тем самым разрушающих местную промышленность, в данном случае – производство молока и куриного мяса. Дешевые продукты из-за границы, прежде всего из США, вытесняют местную промышленность из сельскохозяйственного бизнеса, а «раз уж местная конкуренция устранена, цена на эти продукты может быть поднята на новый уровень. Но в этом пункте мы касаемся аспекта, в котором валютная спекуляция делает такие импорты неприемлемыми для местной экономики; между тем требования МВФ – плата за любого рода международное инвестирование или кредит – налагают запрет на вмешательство ямайского правительства и даже обязывают его приостановить субсидирование местной промышленности, а вместе с тем разрушают систему образования и социального обеспечения в обычных условиях строгой бюджетной экономии. Так постепенно выстраивается картина того, каким образом глобализация воздействует на национальный суверенитет и каким образом страны, прежде самодостаточные в отношении продуктов питания – вспомним только необычайную плодородность Ямайки! – теперь загоняются в глобальное разделение труда, от которого они полностью зависят, так что уже немислимы ни уход от него, ни автономная политическая практика»¹. Фактически автор ставит вопрос о современных механизмах колонизации: теперь колонизация не требует земельной экспансии, для ее осуществления теперь достаточно валютной экспансии. Что касается осуществляемого для вытеснения конкурентов и захвата внешних рынков сбыта вывоза товаров из страны по более низким ценам, чем цены внутри страны, т.е. демпинга, который разрушает местную промышленность производства молока и куриного мяса, то это проблема технологии воспроизводства и проблема цены продукции и ее себестоимости.

Поэтому местную промышленность автор пытается представить как структуру, которую убивает глобализация. Но, с другой стороны, в этих условиях появляются возможности возникновения новых страховых конструкций. Ведь проблема заключается не в том, есть ли у жителя Ямайки молоко или курица. Он может купить любые продукты за границей.

Другой вопрос, что он должен жестко устанавливать качественные характеристики тех продуктов, которые он хочет купить. И проблема тогда будет заключаться не в том, местный это продукт или иностранный, а в том – качественный ли он или не качественный.

Сегодня многие крупные рестораны в мире указывают в меню, откуда доставлен качественный продукт, и несмотря на дороговизну, он пользуется спросом. Поэтому глобализация позволяет решать проблемы качества товаров и услуг. Сейчас глобализация защищает в первую очередь потребителя, создает возможности для приобретения более качественных товаров, цена которых соответствует качеству.

¹ Там же. С.21.

Другое дело, что вмешательство государства как неадекватного механизма страховки приводит к естественным перекосам в снабжении продовольствием, особенно, когда речь идет о снабжении продовольствием по каким-то глобальным государственным контрактам. В такой ситуации вопрос о качественных или некачественных поставках вообще некорректен, потому что поставки всегда должны быть локальными, и существует масса оптовых сетей, которые позволяют поставлять качественные продукты в розницу достаточно быстро.

Многие проблемы, которые порождает такой неадекватный механизм, связаны прежде всего с таможенным законодательством. Если скоропортящийся продукт можно поставлять самолетами, оборудованными холодильными установками, в течение нескольких часов, а растаможивают его в течение двух суток, то можно представить себе, какой продукт получает в результате потребитель.

Что касается суждений автора о том, как глобализация воздействует на национальный суверенитет, то следует заметить, что сегодня за национальным суверенитетом, как правило, скрывается феномен лоббирования интересов тех или иных производителей, близко стоящих к вертикали денежной власти и не заинтересованных в массовом потребителе, а фактически, в социальном субъекте. Поэтому страховая конструкция, которую выстраивает социальный субъект и которая сломана современными государствами, не работает с точки зрения защиты потребителей.

Именно эти реалии крайне важно понимать, а не просто говорить о том, что Международный валютный фонд перерезал всех молочных коров или кур на Ямайке. Если есть потребитель, который готов платить за более качественный товар, то он никогда не будет платить за некачественный и даже более дешевый товар.

С другой стороны, рассуждая о структурных изменениях в том или ином государстве, нужно понимать, что решение об открытых рынках или участие в рыночных процессах, как правило, сопровождается выгодополучением для государственных чиновников. Вот здесь проявляется декомпрессия для страховой конструкции, когда экономика слишком быстро всплывает и как бы вытаскивается из пучины хаотических процессов, в результате чего ее поражает декомпрессионная болезнь, которая иногда приводит даже к коллапсу и смерти самой экономики.

Государственные структуры на рыночном пространстве не выполняют свои страховые функции: например, если они не предоставляют качественный продукт, который тем не менее проходит все тесты, ГОСТы, стандарты, регламенты. Кроме того, у государства как страховой конструкции всегда есть возможности для установления защитного протекционизма. Если решение принимается государственными чиновниками спонтанно или при помощи коррупционной составляющей, то это говорит только о том, что не работает страховой механизм общества.

Итак, истоки мирового экономического кризиса лежат не в системе взаимосвязанных проблем, стоящих перед человечеством и обострившихся в последние десятилетия, т.е. не в глобальной общественной системе, а в тех управленческих решениях, которые принимаются на государственном уровне. Этот уровень было бы ошибочно рассматривать как форму ассоциа-

ции, равной по масштабу всему обществу. Вместо социальных страховых конструкций, которые создавали бы скрепы общества и удерживали их, возникают путы общества в виде современного государственного устройства, которое как раз и противостоит глобальным процессам. Выстраивание мировой экономической системы как раз и означает глобализацию взаимоотношений на уровне не государственных сил, а субъектов рыночной деятельности. Справедливо указывая на то, что в эпоху глобализации роль и функции государства изменяются в связи с образованием интеграционных объединений государств (например, Европейский союз), исследователи не могут грамотно описать, в чем состоит суть этих изменений, упуская при этом из виду, что сама глобализация есть способ борьбы с экономическим тоталитаризмом, который проявляется в неадекватной налоговой системе, формируемой государством, в непонимании смысла налогов как страховых платежей, что приводит к взиманию рэкетной платы в пользу государства. Глобализация представляет собой не просто процесс стандартизации и универсализации, становления единых для всей планеты структур, связей и отношений в различных сферах жизни общества, а все увеличивающийся регион социального творчества, раскрывающий страховые возможности международных структур. Включая в свою орбиту все новые виды человеческой деятельности и коммуникации, глобализация посредством своих страховых механизмов охватывает базовые точки развития каждого человека: среди творческих возможностей человека, которые усваивает страховая модель глобализации, – доверие, альтруизм, а сам незаконченный глобальный проект есть способ поиска идентичности человеческой цивилизации.

SUMMARIES

V.V. Martynenko

THE CHANGE-OVER OF THE MONETARY POLICY AND THE FINANCIAL MARKET IN THE CONTEXT OF OVERCOMING CONSEQUENCES OF THE WOLD ECONOMIC CRISIS

Abstract. In the article reveals the causes of inadequacy undertaken arrangements of overcoming consequences of the wold economic crisis; critically analyzed propositions for development the system supranational regulations of financial markets. The author substantiates necessity of the change-over semantic maintenance of proposes and methods of state intervention, reconsideration the conditions of social development, and also the sociopolitical value of money and monetary issues, changes the conceptual approaches of characteristic concepts "monetary power".

V.K. Levashov,
I.S. Shushpanova,
V.A. Afanasyev,
O.P. Novozhenina

THE CIVIL SOCIETY IN RUSSIA: STABILITY AND POTENTIAL

Abstract. From materials XXXI and XXXII stages of monitoring "How do you do, Russia?" In this article are stated the results of reserches actual theoretical and practical problems of Russians society development. In particular, considered questions of the steady development and civil society condition in Russia during World economic crisis.

S.V. Ryazancev

DEMOGRAPHIC SITUATION AND DEMOGRAPHIC POLITICS IN RUSSIA: SUCCESSES AND FAILURES

Abstract. In the article considered features of a demographic situation in Russia, including at regional level. Estimations of last measures are resulted the demographic policy realized in the country in 2007–2010. Recommendations are offered about development measures of a demographic policy in Russia are offered.

S. Bezzubov**GENESIS OF SMALL BUSINESS IN RUSSIA**

Abstract. In this article represented initial stadium of Russians Small Business Sociology, reflected in physiological study by I. Kokorev and sociological researches A. Ilyina. There are considered the subject Small business proomysse technology, its workers, commodity markets and distributions produced productions, the moral basis of work. Russians Small Business could and should become successful alternativ transnational financial and economic monsters, more affected by crisis and "dispersed" its all segments of national economies.

I. Dzusov**KNOWLEDGE OF RELIGIOUS BASIS
BY THE CITIZENS OF NORTH-CAUCASIAN REPUBLICS**

Abstract. The article was written on the materials of ethno-social researches, which had been conducted in the republics of North-Caucasian Federal District of RF. The volume of selection was 3500 respondents, among them 50% of the population are autochthons, 50% – Russians and Russian speaking. The article studies the knowledge of the religious basis, religious scriptures, doctrines, rituals by the citizens of the North-Caucasian republics. This question is viewed through the demographical, national, educational features. The level and content of religiosity is also studied.

K.V. Gokoeva**RELATION OF THE POPULATION OF NCFD REPUBLICS
TO MARKET ECONOMY**

Abstract. The article is based on the materials of ethno-sociological researches, which were conducted in the republics of NCFD RF (Republic of Adygeia, Republic of Dagestan, Republic of Ingushetia, Republic of Kabardino-Balkaria, Republic of Karachaevo-Cherkessia, Republic of North Ossetia-Alania, Chechen Republic). The total amount of the selection is 3500 respondents. Due to the sociological research the following conclusions were achieved. The majority of the citizens support market relations, i.e. they have understanding that market relations are dictated by the modernization processes which contribute to the appearance of equal opportunities for the growth of the people's well-being. In these conditions it is necessary for everyone to participate in the development of global economy. At the same time definite part of the NCFD RF respondents do not support market relations; it can be explained by the fact that local capitalism becomes criminalized as the State leaves economy managing. The society wants the State to take responsibility for market relations as it takes responsibility for education, science and etc.

E.A.Chyuryumova

IMBALANCE OF LABOR MARKET: DEMAND AND PROPOSAL
From materials Republik of Kalmykia

Abstract. In this article author analyzed situation around labor market (demand and proposal) in Republik of Kalmykia on the basis of empirical materials. This materials show the majority of young people, who plan to continue education or work outside of Kalmykia, considering Republik as peculiar «incubator».

N.A. Kormin

**V.L. SOLOVYEV AND I.I. KANT: TNE SYMBOLISM
AS THE FACE OF PHILOSOPHICAL CREATIVITY**

Abstract. In this article revealed structures of perception and transformation of Kant's symbolism in the philosophy of V.L.Solovyev's, connected with treatment of idea as alive essence. The analytics of a symbol allows to read "Critique of pure reason" from new point of view – to read aesthetically, to consider knowledge as carried out procedure of creativity.

E.A. Karcev

**SOCIOLOGICAL DISCOURSE
OF FRENCH SOCIAL THOUGHT ABOUT DISCRIMINATION**

Abstract. The article is devoted to the discourse in the French social thought on discrimination, preferences and social exceptions. Neoconservative (liberal) conception of discrimination is analyzed as a false issue in the social differences, when own identity "property violation" is considered unfair while in all other cases social differences are justified. Dirigistic methods of struggle against social differences under the pretext of struggle against "discrimination" inevitably have redistributive nature and undermine the market and national economy effectiveness.

S.V. Martynenko

SOCIAL DIAGRAM OF GLOBALIZATION

Abstract. In article criticized conclusions concerning social and political consequences of a world economic crisis in a context of present changes on a global scale. Sources of crisis lay in deep layers of the modern administrative decisions accepted by the modern states, but not in practice of globalizations, which represents a region of social creativity revealing insurance opportunities of the international structures, a way of search of identity (unity, identity) of the human civilization, including: universal self-reproduction of the social nexus, generating foundations of the world which give people any historical guarantees for their own development, forming the immune system of the world community, hedging of social attitudes. Dispute with the theoretical positions declared in some philosophical interpretations of global studies, allows to develop more deeply own approach to research of this problem.
